
ФГБНУ «КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

**ПРОБЛЕМЫ
ГЕНЕАЛОГИИ И ЭТНОНИМИКИ
НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА
памяти Анатолия Ахмедовича Максидова
(г. Нальчик, 17 октября 2014 г.)

Нальчик • 2015

УДК – 929.5(470.6)
ББК – 63.214(235.7)
П – 78

Редакционная коллегия:

Бгажноков Б.Х., Дзамихов К.Ф., Кешева З.М., Фоменко В.А.

**Проблемы генеалогии и этнонимии народов
П – 78 Северного Кавказа.** Материалы круглого стола *памяти Анатолия Ахмедовича Максидова* (г. Нальчик 17 октября 2014 г.) – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – 194 с.

Сборник статей посвящен памяти ученого-краеоведа, кандидата исторических наук, заведующего сектором генеалогии и геральдики КБИГИ Анатолия Ахмедовича Максидова. Статьи, представленные в сборнике, дополняют сведения о наименее изученных проблемах археологии, генеалогии, истории народов Северного Кавказа в культурно-историческом пространстве России.

Издание адресовано историкам, этнографам, культурологам, широкому кругу читателей, интересующихся историей, генеалогией и культурой народов Северного Кавказа.

ISBN 978-5-91766-094-3

Айшаев О.О.
(г. Нальчик)

**ВКЛАД А.А. МАКСИДОВА
В ГЕНЕАЛОГИЧЕСКУЮ НАУКУ КБР**

Анатолий Ахмедович Максидов более четверти века служил в Советской Армии, начинал в радиотехнических частях, затем окончил факультет культуры и журналистики Львовского высшего военно-политического училища, после чего в звании лейтенанта был направлен на Тихоокеанский флот, где служил на разных должностях. В личном архиве А.А. Максидова хранится удивительно большое количество материалов, рассказывающих о его армейской жизни: статьи, корреспонденции, очерки, опубликованные в различных газетах, и рассказы, написанные офицером Советской Армии на досуге. Особое волнение вызывают сохранившиеся письма, в которых идет переписка с родными и близкими, земляками, заслуженными деятелями культуры, литературы и искусства Кабардино-Балкарии. Каждое из них преисполнено чувства беспредельной любви к Родине, к родной земле, ее людям, своему народу и производит неизгладимое впечатление. Эти материалы сегодня представляют большую ценность и составляют семейную реликвию Максидовых. Сюда же входят именной военно-морской кортик и тринадцать медалей – боевых наград капитана II ранга в запасе А.А. Максидова за безупречную службу во флоте.

С 1991 года Анатолий Ахмедович жил у себя на родине, в Кабардино-Балкарской Республике, он имел много родственников и друзей, прекрасную семью, где чтут обычаи, традиции и законы горцев, квартиру в одном из престижных районов гор. Наль-

чика. Все это помогло ему в работе, давало заряд творческой энергии.

А.А. Максидов является автором множества статей, очерков, рассказов, повести «Восставшая сотня», целого ряда генеалогических книг: «История рода Максидовых» (1996), «Хапцей, Пшичо, Азапшей. Семейная энциклопедия» (1997), «Калибатовы» (1998), «Ажаховы» (1999), «Шукаевы» (2000) и др. Он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Исторические и генеалогические связи адыгов с народами Причерноморья», стал членом Союза журналистов РФ и Союза писателей России.

Книги А.А. Максидова – генеалогические исследования – базируются на специальных знаниях, накопленных в процессе изучения и составления родословных, выяснения происхождения отдельных родов, семей, лиц, выявления их родственных связей. Историю своего рода он рассматривает как составной элемент истории адыгов, Черкесии, Кабарды в хронологических рамках 1542–1995 годов. Большой интерес представляют использованные исследователем архивные материалы, генеалогическое древо рода Максидовых, публикации о них, тамга, тавро, родовые клейма, иллюстрации, таблицы: «Максидовы, проживающие в Сирии», «Максидовы села Абеево», «Максидовы села Исламей», «Максидовы села Пшичо (Хапцево)».

В другой книге А.А. Максидов создал семейную энциклопедию своих сельчан, основанную на архивных документах, полевом этнологическом материале, публикациях дореволюционных авторов и ученых новейшего времени; исследовал далекое прошлое и настоящее своего родного села. В книге «Хапцей. Пшичо. Азапшей. Семейная энциклопедия» подробнейшим образом изложена история 60 семей, проживающих в трех аулах на правом берегу Терека. Можно себе представить значимость этого труда, если председатель Историко-родословного общества в Москве, член бюро Международной генеалогической академии, профессор С.В. Думин, прочитав его, признался: «Мне известна в мировой практике лишь одна книга подобного рода, написанная во Франции». Редчайший случай! Возможно, поэтому, по чистосердечному откровению главы администрации сел. Хамидие Т.М. Фокичева, «старички радовались и целовали эту книгу, подобную Корану, а у детей в глазах зажигались искорки – хотели побыстрее узнать свою родословную». Это

является наглядным примером того, что традиционно кабардинцы и балкарцы всегда были неравнодушны к генеалогии и истории своих фамилий, сохраняя до наших дней память о своих предках и пращурах. Они гордились своими семейными преданиями, передавали их детям и внукам, ценили родство, и этим нередко определяли значимость и престиж человека в обществе.

Книга А.А. Максидова «Калибатовы» посвящена истории, генеалогии, жизни и быту древнего адыгского рода сел. Анзорей. Как изложено в работе, судьба Калибатовых была тесно сплетена с политической ситуацией на Северном Кавказе после окончания Кавказской войны, переселением горцев в Турцию, гибелью тысяч мухаджиров в Черном море, от тифа, холеры и других болезней, с революциями и войнами в России в XX в. Свое комплексное и разноплановое исследование автор провел на основе широкого круга источников: полевых этнологических материалов, литературных публикаций, памятников материальной культуры, геральдических знаков.

Большую ценность представляют и остальные монографии ученого А.А. Максидова, являющиеся историко-генеалогическими исследованиями балкарских и других родов.

Книга А.А. Максидова «Адыги и народы Причерноморья» написана по материалам его кандидатской диссертации, содержит большое количество документов, ранее нигде не опубликованных. Они явили реальную, многомерную картину исторических и генеалогических связей адыгов с населением Причерноморья в XV – первой половине XIX вв.

Анатолий Ахмедович был избран первым председателем Кабардино-Балкарского историко-родословного общества, чья деятельность всецело была направлена на продолжение и развитие традиций Историко-родословного общества в Москве; изучение родословий, истории и традиционной культуры не только адыгов, карачаево-балкарцев, терских казаков, горских евреев, то есть народов, проживающих в КБР, в Северо-Кавказском регионе и за его пределами; научную разработку проблем отечественной генеалогии; популяризацию и пропаганду генеалогических знаний.

Научным руководителем КБИРО являлся основатель северокавказской генеалогической школы профессор А.И. Мусукаев. Большая заслуга А.И. Мусукаева и А.А. Максидова и в том, что Ка-

бардино-Балкарское историко-родословное общество получило общероссийское признание. Так, под патронажем Международной генеалогической академии с 29 ноября по 4 декабря 1999 года в Москве проходил в России Международный коллоквиум генеалогов и геральдистов РФ по теме «Россия и зарубежье: генеалогические связи», куда были приглашены А.И. Мусукаев и А.А. Максидов. На этом представительном форуме профессор А.И. Мусукаев выступил с докладом «Шотландцы северокавказского происхождения», а председатель КБИРО, генеральный секретарь Российской генеалогической федерации А.А. Максидов, – с докладом «Народы Кабардино-Балкарии: семейные и генеалогические связи». Оба доклада с интересом были восприняты. Здесь же отмечалась образцовая работа КБИРО в области генеалогических исследований. Это стало возможным благодаря активной поддержке общества Президентом и Правительством Кабардино-Балкарской Республики, научными учреждениями, КБГУ, учеными, занимающимися исследованиями генеалогических проблем.

На Международном коллоквиуме в России во главе с Президентом Российской генеалогической федерации, генеральным секретарем Международной генеалогической академии С.В. Думиным было принято решение о проведении II Международного генеалогического коллоквиума по теме «Россия и Кавказ: семейные и генеалогические связи и их влияние на межнациональные отношения» в столице Кабардино-Балкарской Республики гор. Нальчике, а также обращение к Президенту и Правительству КБР с просьбой поддержать это решение. В силу актуальности тематики данное предложение руководство республики поддержало, оно уделило большое внимание подготовке, финансированию и проведению мероприятия.

3 дня – с 5-го по 7 октября 2000 года – проходил в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований II Международный генеалогический коллоквиум с весьма обширной тематикой. Здесь прозвучало более тридцати научных докладов ученых из Москвы, Нальчика, Белгорода, Баку, Майкопа, Кисловодска, Элисты, Махачкалы и других городов России.

Главными проблемами, поднятыми на коллоквиуме, были следующие:

1. Роль и место генеалогии в исторических исследованиях.
2. Методические приемы генеалогических исследований.

3. Роль генеалогических исследований в воспитании подрастающего поколения.

4. Исторические аспекты формирования генеалогических преданий в России и у народов Кавказа.

5. Методика работы над источниками по генеалогии народов Кавказа.

6. Династические связи правителей России и Кавказа.

7. Семейные и генеалогические связи северокавказских князей, дворян и крестьянства с народами России и их влияние на национальные отношения.

8. Легенды и историческая действительность в генеалогических преданиях народов Северо-Кавказского региона.

Теоретическую часть коллоквиума дополнила поездка его участников в станицу Котляревскую Майского района, где они ознакомились с историей казачьей станицы, местным музеем и родословными работами заслуженного агронома РФ и КБР М.М. Клевцова, воссоздавшего не только родословную своего казачьего рода с 1783 года до наших дней, но и родословные ста коренных котляревцев за 200 лет. Также были организованы встречи в еврейском культурном центре «Товуши», Кабардино-Балкарском фонде культуры, экскурсия в Национальный музей краеведения, устроены приемы участников коллоквиума у заместителя председателя Правительства, руководителей обеих палат Парламента КБР.

Участниками II Международного генеалогического коллоквиума был принят итоговый документ, в котором всем генеалогическим историко-родословным обществам, входящим в Российскую генеалогическую федерацию, было рекомендовано рассмотреть на своих советах вопросы:

– разработки принципов и правил генеалогических исследований и подготовки их к изданию в печати;

– создания справочника генеалогических и геральдических терминов;

– подготовки программ и учебных пособий по генеалогии и геральдике для общеобразовательных школ и высших учебных заведений;

– поддержки решения инициативной группы участников коллоквиума северокавказских республик и областей создать Северо-Кавказское генеалогическое общество.

Был отмечен высокий уровень проведенного мероприятия. Организаторам коллоквиума – Российской генеалогической федерации, Кабардино-Балкарскому историко-родословному обществу, Институту гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН – удалось достичь поставленной цели: привлечь внимание ученых и практиков к проблемам генеалогических и семейных связей народов Российской Федерации, методике и методологии данной науки в контексте новых социальных реальностей в условиях историко-культурной общности разных этносов, проживающих в России.

Так случилось, что проведение II Международного генеалогического коллоквиума в Нальчике по времени совпало с проработкой вопроса об открытии в КБИГИ сектора генеалогии и геральдики. Решение было принято не сразу. На наш взгляд, оно затягивалось в связи с тем, что подобного опыта нигде в России тогда еще не было. Поэтому вопрос приходилось обсуждать, согласовывать. Закончилось тем, что 25 ноября 2000 года Правительство КБР приняло Постановление «Об открытии сектора генеалогии и геральдики в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований», утвердило количество сотрудников, определило источник дополнительного финансирования сектора.

Работать во вновь образованном секторе пригласили А.И. Мусукаева и А.А. Максидова, чьи научные темы вошли в общеинститутский план НИР. За короткий период они дважды съездили в командировки во Владикавказ и Ставрополь, где изучили архивные фонды и привезли в Нальчик большое количество материалов. Все эти документы они сдали и в научный архив своего института. Правда, эта работа была проведена ими за счет своих средств и собственного энтузиазма, без лишних финансовых затрат научного учреждения, в котором они работали. Александром Ибрагимовичем и Анатолием Ахмедовичем был подготовлен к изданию сборник архивных материалов «О сословных правах горских народов Кавказа в XIX в.», куда вошли многочисленные материалы по социальному составу народов Северного Кавказа, прежде всего кабардинцев и балкарцев; роли в определении сословных прав горцев Терской и Кубанской областей Владикавказской сословной комиссии; отношению к этим сложным, но так до конца и не решенным имперской администрацией проблемам и ряду других проблем, выходящих на исто-

рию, этнографию и генеалогию. Общий объем подготовленного к изданию сборника составил 25 печатных листов.

За время их совместной работы в КБИГИ А.И. Мусукаевым и А.А. Максидовым был оформлен научно-методический кабинет генеалогии и геральдики, куда за помощью обращались многие, занимавшиеся этой областью знаний не только в Кабардино-Балкарии, но и в Северо-Кавказском регионе, а также в России. Сектором была разработана Программа курса «Генеалогия Кабардино-Балкарии» для студентов вузов и старшеклассников общеобразовательных школ республики. Объем курса составил 144 часа, из них 60 – лекционных и 44 практических занятий, 40 часов отводились на полевую практику по сбору генеалогических материалов в населенных пунктах трех республик: КБР, КЧР, РА.

И еще А.И. Мусукаев и А.А. Максидов на базе КБИГИ организовали региональный постоянно действующий научно-практический семинар по теме «Генеалогия и геральдика народов Северного Кавказа». Он работал поквартально, собирался 4 раза в год.

3 апреля 2001 года в Кабардино-Балкарскую Республику на имя А.И. Мусукаева и А.А. Максидова из Республики Сан-Марино пришли официальные приглашения следующего содержания: «Учитывая Ваш статус и Ваш вклад в генеалогическую науку, Организационный комитет и Итальянский институт геральдики и генеалогии приглашают Вас с 3-го по 12 июня 2001 года принять участие во II Международном коллоквиуме генеалогии в Сан-Марино, который проходит при поддержке Правительства Республики Сан-Марино, а также в совместном заседании в Генеральной Ассамблее Международной академии генеалогии и в генеральном заседании; также в Генеральной Ассамблее Итальянского института геральдики и генеалогии, который состоится в Сан-Марино после окончания работы коллоквиума». Приглашения были подписаны доктором Пьером Феличи Уберти, генеральным секретарем Международной академии генеалогии, ответственным за коллоквиум в Сан-Марино, генеральным секретарем Итальянского института геральдики и генеалогии.

К сожалению, тогда в республике не нашлось никого, кто бы мог оплатить поездку двух основоположников северокавказской генеалогической науки в Сан-Марино для участия в работе Международного коллоквиума генеалогов. Помог только советник полномочного представителя Президента РФ в Южном фе-

деральном округе Станислав Дерев, который лично А.А. Максидову выделил 2 тыс. долларов. Этого хватило как раз на поездку одного человека.

Генеральный секретарь Российской генеалогической федерации, член-корреспондент Международной генеалогической академии А.А. Максидов приехал в Сан-Марино в составе делегации РФ, которую возглавлял президент Российской генеалогической федерации, секретарь Международной генеалогической федерации, секретарь Международной генеалогической академии С.В. Думин. Разговор по теме II Международного colloquium «Генеалогия, миграция, эмиграция и реэмиграция» получился очень заинтересованным. Выступление А.А. Максидова «Генеалогические связи адыгов с народами Причерноморья» до того заинтересовало участников форума, что после получасового доклада ему пришлось еще час отвечать на вопросы.

В ходе colloquium состоялась ассамблея членов Международной генеалогической академии, где доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории КБГУ, зав. сектором генеалогии и геральдики КБИГИ А.И. Мусукаев заочно был единогласно избран действительным членом МГА, а генеральный секретарь РФФ, старший научный сотрудник КБИГИ А.А. Максидов – членом-корреспондентом МГА.

Бгажноков Б.Х.
(г. Нальчик)

АЛАНСКИЕ НАЗВАНИЯ АДЫГСКИХ ПЛЕМЕН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И КРЫМА

Известно, что в настоящее время осетины используют два однотипных названия кабардинцев и других адыгских этнических групп. Первое из них – *касаг* (*кæсаг*), второе – *каскон/кашкон* (*кæсгон*)¹. Основу этих имен составляет элемент *кас*, который восходит, быть может, к древнеиндийскому *kas* – «сверкать, сиять» и *kasih* – «солнце, свет, сияние, глянец»².

Под именем *касов*, *акасов* северокавказские адыгские племена были известны в X–XIII вв. В начале X в. об этом пишет хазарский царь Иосиф. Отвечая на письмо Хасдая ибн Шапрута из Кордовы, он сообщает, что на Кавказе существует несколько родственных между собой общностей, «живущих в стране Каса, к западу от алан»³. По мнению П.К. Коковцева, поддержанному другими исследователями, речь идет, вне всякого сомнения, о стране *касогов*, *черкесов*, или *адыгов*⁴.

В XIII–XV вв. этноним или хороним *каса/акаса* как обозначение народа, а также земли или страны северокавказских адыгов встречается иногда в трудах итальянских, византийских, арабоперсидских писателей, но теперь, как правило, вперемежку или в одном ряду с ее индоиранской и ирано-тюркской версией – в виде *касак*, *джаркис*, *чаргаз*, *черкес*. К примеру, итальянец Платно Карпини, совершивший путешествие в Монголию в 1245–1247 гг., в числе множества земель, которые монголы подчинили своей власти, называет *Касы* и *Чиркасы* в одном ряду с *Комуки*, *Аланы*, *Обезы*, *Команы* и др.⁵

Во второй половине XIII в. Ибн-Саид сообщает о стране *ал-Акасара*⁶. По его словам, жители этой страны (акасы) совершают нападения на владельцев стены или крепости в горном проходе горы ал-Кабк (Кавказ). Далее следует описание крепости ал-Алан, из чего следует, что речь идет об Аланских воротах в Кассарском ущелье. Таким образом, есть все основания считать, что средневековая страна *ал-Акасара* располагалась в долине современного Кассарского ущелья – осет. *Акъасара*. Что же касается «жителей страны ал-Акасара», совершавших эти нападения, то это, как видно, касы (или северокавказские адыги, кабардинцы), на что указывает также И.Г. Коновалова: «Ал-Акасара – хороним, по всей вероятности, образованный от этнонима «каса»⁷. Правда, не стоит воспринимать эти сообщения как нападения касов (кабардинцев) на алан (осетин). Напротив, обычно они действовали совместно против врагов на севере и на юге страны, в данном случае – против тех, кто занял Аланские ворота. Возможно, это были предки ингушей и чеченцев, которые действительно длительное время контролировали этот проход.

В числе последних упоминаний термина *кас* или *каса* можно назвать относящееся к началу XV в. сообщение Ибн Тагриберди о происхождении мамлюкского султана Баркука ал-Черкаси, правившего Египтом с 1382-го по 1399 г.: «Он – выходец из страны Черкесов и его род называется Каса. Он был похищен со своей родины и продан в Крыму»⁸. Тем самым подчеркивается, что Баркук родом из северной части «страны Черкесов», которая тогда, в начале XV в. еще была известна под названием Каса.

Что же касается этнонимов *касаг* и *каскон*, то они, как сказано, и сейчас используются в живой речи осетин для обозначения адыгов Северного Кавказа. При этом в первом случае корневая морфема *кас* соединяется с аффиксом принадлежности *он*, аналогично тому как применялся и применяется этот аффикс в других подобных случаях: в названиях осетинских обществ – *ирон*, *дигорон*, *бадилон*, *ассон/ашшон*⁹; в женских фамильных именах, например: *Канукон*, *Доцон*, *Бацион*, *Хаблион*, в названии танцев: *кашкон кафт* – «кабардинская кафа» и др. Второй в принципе синонимичный вариант функционирует благодаря аффиксу *аг*, также весьма продуктивному в осетинском языке. Этнический термин *касаг* выстроен здесь по той же модели, что и названия *ариаг* – ариец, арийский, *шомихаг* – армянин,

армянский, *хатиаг* – хатт, хаттский, *гурджиаг* – грузин, грузинский и др.

Следует сказать, что аналогичным образом называли адыго-черкесов и другие народы. Например, в армянском языке для обозначения адыгов используют термин *гашга/кашка*¹⁰, который стоит близко к хеттскому обозначению касков – *gachgachg*¹¹. А сваны называют северокавказскую равнину и кабардинцев *Кашаг*, *кашаг*¹², опираясь, по-видимому, на античные и арабские названия *казек*, *касак*, *кашак*¹³, которые в свою очередь также возникли на иранской почве. Похоже, в прошлом, еще в XVII в. так же называли кабардинцев и в целом северокавказских адыгов мегрелы¹⁴, отличая их тем самым от юго-восточных адыгов – *зихов*, *джихов*. Еще раньше, в середине X в. такое разграничение провел Константин Багрянородный, выделив Касахию на Северном Кавказе и Зихию – в юго-восточном Причерноморье. В Древней Руси на тех же основаниях проводили различие между *касогами* (северокавказскими адыгами) и *обезами* (адыго-абазинскими племенами на юго-востоке Черкесии).

Таким образом, в осетинском языке вариант этнонима *кас* с суффиксом *аг* используется в том же значении, что и вариант с суффиксом *он*, – для указания на принадлежность к определенному народу. Но здесь это слово может быть и названием страны, в которой живет одноименный народ. Показательно, что в Осетии и сейчас вместо распространенного названия *Кабарда* применяют термин *Кæсаг*, используя его даже в официальном названии Кабардино-Балкарской республики, а также в различного рода топонимах: *Кæсæги будур* – «Кабардинская степь», *Кæсæджы уæлмардтæ* – захоронения в одном из кварталов сел. Рассвет в Осетии-Алании, которые местные жители считают кабардинскими¹⁵. По данным В.И. Марковина, словосочетание «кашаджи уалмарта» используется осетинами как название общее для всех касожских (кабардинских) курганов на территории республики¹⁶.

Учитывая, что осетины составляли ядро аланских племен, следует думать, что этнонимы *касаг* и *каскон* являются аланскими. Но, возможно, так называли адыгов еще во II – начале I тыс. до н.э., в период первых контактов с ними индоиранских племен. Отсюда, видимо, включение в состав этих имен форманта

sk/sg, k/g в качестве детерминативов другого народа, другой или чужой страны. Кстати, то же самое наблюдается в средневековых, по-видимому, также иранских (аланских) названиях абхазов и абазин – *абазги/абаски/авазги*.

В античное время и в средние века различные варианты этнонимов *касаг* и *касгон* предстают как привычные аланские или сармато-аланские обозначения адыгских этнических групп¹⁷. Например, в эпиграфических памятниках древней Ольвии встречаются относящиеся ко II–III вв. н.э. аланские имена *Ариуахос, сын Касага; Касай, сын Парна; Касак, сын Кардзея; Каскен, сын Касага*¹⁸; *Касагос*¹⁹, что, на наш взгляд, объясняется соседством и тесными контактами алан в Ольвии с *касами, касконами, касагами* в Крыму и на восточном берегу Азовского и Черного морей.

В своде грузинских летописей есть сообщение о народе *хаскун* (*каскун*; осет.-аланск.: *касгон, кашкон*), живущем между аланами и *авазгами* (абазинами). Отмечается, что, находясь в зените своей славы, византийский император Юстиниан I (527–565) «вел войну в пограничной к Овсети (Алании. – *Ред.*) стране, на границах Авазгии, с племенем, называемым хаскун, восставшим против греков»²⁰. По мнению А.В. Гадло, это сообщение повествует о событиях, имевших место в 549–550 гг., когда северокавказские адыги (*каскун*) поддержали абасгов, над которыми учинили жестокую расправу византийцы и картлийцы. В наказание за это по приказу Юстиниана *каскуны* «подверглись вторжению в их страну лазского войска, возглавляемого одним из живших в Лазике картлийских царевичей»²¹. Это говорит о том, что в VI веке *касы* заявили о себе как о значительном в рамках Кавказа объединении адыгских этнических групп.

Как видим, термин *каскун* практически ничем не отличается от терминов *касгон/кашкон, касгон*. Очевидно, уже тогда, в античное время и в раннем средневековье, названия *каскун, касгон* для северокавказских адыгов и, прежде всего, для *кабардинцев*, использовались аланами-овсами наряду с термином *касаг*.

Затем эта – изначально ирано-аланская традиция была подхвачена другими соседними народами и, начиная с VIII–X вв. она находит отражение в греческих, арабо-персидских, древнерус-

ских сочинениях и документах. К рубежу VIII–IX вв. относятся²² сообщения святого Епифания, в которых он наряду с адыгским племенем *зихов* и страной Зихией упоминает *касогдиан*, разделяя местность, занятую этим народом, на Сутду горную и Сутду равнинную²³. В данном случае касогдиане и сугды – это, несомненно, различные названия адыгских племен Северного Кавказа и Крыма. Сугдами называли адыгов греки. А в русских летописях X века касогдиане Епифания всплывают в виде этнонима *касог* и названия страны – *Касогы*. Сообщается о том, что летом 965 года Святослав взял штурмом хазарский г. Саркел (Белая Вежа), а затем победил ясов (алан) и касогов и многих из них привел в Киев на поселение^{24,25}, что можно рассматривать как заимствование этнонима *касог* из языка яссо-алан Подонья, рядом с которыми обитали в этих местах и сами касоги.

По мнению Г.Ф. Турчанинова²⁶, поддержанному О.Б. Бубенком²⁷, «нет никаких оснований думать, что битва с ясами (аланами) и касогами (черкесами) произошла где-то на Северном Кавказе. И те и другие могли находиться (и скорее всего находились) в Подонье, ниже Белой Вежи. Вероятно, и этническое название *касог* (ср. осет. *касæг*. «кабардинец-черкес») вошло в русский язык тогда же, будучи заимствовано из языка не северокавказских, а подонских ясов-алан, ниже которых у дельты Дона сидели косоги ...»²⁸. Подчеркивается тем самым, что в «Повести временных лет» касоги предстают как соседи ясов-аланов в Подонье, ниже Белой Вежи. И с этим следует согласиться. Несомненно, речь идет о кабарах, то есть о той части касов, касогов или кабардинцев, которая в 1870 г. покинула Хазарию и, присоединившись к венграм, расселилась на Нижнем Дону в соседних районах Приазовья, а также в Крыму – в стране Леvedия²⁹.

Часть кабаров (кабардинцев) ушла затем к Дунаю вместе с венграми. Но основной массив кабаро-касожского населения, оторвавшийся от своих соотечественников в Центральном Предкавказье, оставался длительное время в Нижнем Подонье, в Крыму, на Таманском полуострове. Отсюда местечко Кабарды на северо-западе Азовского моря и локализация Кабарды в устье Дона (на ее левом берегу) на многих европейских картах, отражающих в этой части историко-географическую ситуацию X–XV вв.³⁰ Наконец, с этим связана возможность отождествления со Страной каса, касогами и кабардинцами всей Касахии и затем

Черкесии, исключая закавказских адыгов или зихов, но включая Таманский полуостров и его жителей.

Вспомним в данной связи, что как коренное население Таманского полуострова предстают касоги в летописях, повествующих о борьбе за Тмутаракань в 1022 г. русского князя Мстислава и касожского (черкесского) князя Редеди³¹.

Сравнительно полным, достоверным и очень важным для нас источником является сочинение византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей», составленное в 948–952 гг. В подробном описании Кавказа он выделяет наряду с Аланией, к западу от нее, еще три страны: Касахию, простирающуюся до «Кавказских гор» (видимо, до Эльбруса), Папагию и на юге от Папагии – Зихию³². Жители этих стран, – бесспорно, черкесы или северокавказские адыги. Но Зихия была обособлена от Касахии и Папагии. Она занимала восточный берег Черного моря, на западной оконечности Главного Кавказского хребта по обеим ее сторонам. Зихи – это, условно говоря, адыгское население Западного Закавказья.

В отличие от этого, касы или касоги, а также соединившиеся с ними папаги занимали северные склоны Главного Кавказского хребта, включая степное Предкавказье и Юго-Восточный Крым. При этом страна, именуемая Касахией, простиралась далеко на восток по направлению к Каспийскому морю. Правильно еще Ю. Клапротом замечено, что Касахия является «страной восточных черкесов внутренних областей Кавказа»³³. По мнению Г.А. Кокиева, восточные пределы Касахии «доходили до Эльбруса и далее на восток до Аланских ворот»³⁴, то есть гораздо дальше, чем это показано на карте, прилагающейся к изданию Константина Багрянородного в 1989 г.

В 956 г. арабский географ Масуди дает относительно точные и подробные сведения о стране и народе *Кашак*³⁵. Так же точно, как и его предшественники, он пишет, что эта страна находится за царством кавказских аланов. Характеризуя внешний облик, быт, нравы кашаков, Масуди подчеркивает, что по своей военной мощи кашаки превосходят алан. Это важное замечание, позволяющее сравнить территорию, численность и военный потенциал Алании и Касахии. По свидетельству Масуди, в случае надобности Алания была способна выставить 30 тыс. всадников³⁶. По другим данным, отражающим ситуацию XI в., еще

больше – без малого до 50 тыс.³⁷ Это означает, что кашаки, или черкесы (без зихов) могли бы выставить еще большее число воинов. А общая численность народа могла достигать от 500 тыс. до 1 млн. Что же касается причин слабости кашаков по сравнению с аланами, то они, по словам Масуди, в том, что племена, говорящие на языке кашаков, не могут объединиться под властью одного царя. Если бы это произошло, продолжает он, то ни аланы, ни какой-либо другой народ не смог бы одержать над ними верх. Тем самым лишний раз подчеркивается, что по численности и, вероятно, по занимаемой территории кашаки не уступали аланам и другим соседним народам.

В сочинениях арабо-персидских географов X и затем XIII–XIV вв. аланские названия адыгов присутствуют неизменно в составе названий городов, стран, областей и народов Северного Кавказа. О городе Касак на Таманском полуострове в стране алан упоминает анонимный автор книги «Худуд-аль-Алем», написанной в 982–983 гг.³⁸ По мнению А.В. Гадло, этот город вырос еще раньше под защитой хазарского Тумен-тархана (Тамтаракая, Тмутаракани) вследствие подъема окружавших Хазарский каганат автохтонных адыгских социально-политических образований³⁹. В 1321 г. о государстве *ал-Касак*, населенном народом, обитающим между *ал-Анджаз* (Жаннетия. – Б.Б.) и *ал-Лан*, пишет средневековый писатель Абульфеда⁴⁰. Сообщается также о стране *ал-Джаркис*. Абульфеда ставит ее в один ряд со странами *ал-Булгар*, *ар-Рус*, *ал-Фарандж* и др. «Это, – свидетельствует он, – многолюдные страны, великие и очень обширные»⁴¹.

Можно сослаться в этой связи и на сведения Георгия Пахимера, относящиеся ко второй половине XIII в. Он пишет о *сергах*, *акасах* или *черкесах*, которые являются христианами и продолжают войну с монголо-татарами⁴². Показательно, что под названиями *акасов* или *сергов* (ср. чеченское название кабардинцев – *черси*) Пахимер объединяет «черкесов и алан». Видимо, к этому времени положение *касов*, *кассконов*, (кабардинцев) в Алании усилилось. Вследствие этого термин *акасы* и способный заменить его термин *серги* мог восприниматься сторонними наблюдателями как общий для черкесов и алан. Более того, не исключено, что этнический термин *акасы* возник в результате симбиоза этнонимов *асы* (овсы) и *касы* (джаркасы) с выпадением свистящего «с» в первом из них.

Видимо, уже во второй половине XIII в. некоторые географы воспринимали асов (овсов) и касов (джаркасов) как народы, объединенные в одно этнополитическое целое под названием *Ас-Каска*, или *Ас-Касия* (*Ашкисийа*). На этой почве возникает составной этноним *аскаска* или *акасы*. Отсюда также производные от этих имен оронимы – *Аскаска* (ал-Идриси), *Аскасийа* (ал-Хорезми, Ибн-Саид, Абульфеда). На самом деле перед нами обозначения гор Центрального Кавказа, где действительно в течение многих столетий жили совместно *асы* (овсы, аланы) и *касы* (черкесы). В частности, по словам ал-Идриси (XII в.) «гора Аскаска протянулась с севера на юг с небольшим отклонением к востоку. В этой горе берет начало река, которая распадается на два рукава. Один рукав течет на запад «до города Матриха (Матрега, Темрюк. – Б.Б.) и впадает там между ним и городом Русийа (Керчь. – Б.Б.)...», а второй «течет на юго-восток до земли хазар и впадает за городом Исил в море ал-Хазар (Каспийское море. – Б.Б.)»⁴³.

Нетрудно понять из данного описания, что ороним *Аскаска/Аскасия* охватывает цепь Кавказских гор от истоков Кубани на северо-западном склоне Эльбруса до истоков Терека в Дарьяльском ущелье. Соответственно реки, о которых идет речь (Кубань и Терек), действительно могут восприниматься как рукава одного потока, формирующегося в самом центре Кавказских гор. Там, где над ними возвышается Эльбрус и живут два близких по культуре народа – асы и касы. Там, где берут начало все основные великие реки Кавказа и Закавказья. Недаром Н.Я. Марр прозорливо, со свойственной ему способностью придать той или иной важной детали поистине эпический размах, дает свое собственное определение снежных вершин между Эльбрусом и Казбеком: «Кавказская, Касская или Каспийская водораздельная территория в цепи гор главного хребта» (выделено мной – Б.Б.)⁴⁴. Она, эта территория, распадается, по его словам, на три части: 1) Центральную или материковую – на верховьях Терека и Арагвы, с включением верхнего течения Алазани, 2) Понтийскую – на верховьях Кубани и Риона и 3) Каспийскую с озерным перевальным нагорьем между бассейнами – на севере Аргуна, на юге Андийского Койсу⁴⁵.

В сочинениях Г. Пахимера и Ибн-Саида второй половины XIII в. достаточно отчетливо показано расположение акасов и их страны ал-Акасар в составе Золотой Орды. Это местность где-

то справа от Дарьяльского ущелья. Насколько мы понимаем, ее координаты совпадают с долиной Кассарского ущелья, что, конечно, не случайно. Также точно, как и то, что в современной Осетии осетины называют это ущелье *Къасара*, почти дословно повторяя вариант одного из раннесредневековых, видимо, грузинских, названий адыгов.

Выстраивается таким образом целый ряд однотипных названий одной и той же северокавказской страны – *Каскун/ал-Акасара/ал-Касак/ал-Джаркис*. Все они содержат в себе этнический термин *кас* и связаны так или иначе с древнеиранскими и аланскими названиями адыгов. Видимо, вплоть до монгольского нашествия Центральный Кавказ был одновременно Аланской метрополией и восточной областью Касахии. Это была контактная зона, определявшая смысловую доминанту этнополитической ситуации в данном районе. Хорошо отображает ситуацию и один из промежуточных этапов формирования Касахии или Черкесии во взаимодействии с Аланией карта-схема XI–XIII вв., составленная А.В. Гадло⁴⁶. Согласно этой карте в обозначенный период самостоятельной областью, составлявшей ядро Аланского царства или «Аланской конфедерации»⁴⁷, была Кабарда. Но название *Кабарда* для междуречья Малки и Терека (Баксана и Малки) сформировалось, скорее всего, еще в хазарский период. По данным Моисея Хоренского, отражающим этническую ситуацию VI–VII вв., преобладающим населением северо-восточного Кавказа были хебуры⁴⁸. Безусловно, это одно из самых могущественных касских племен, получивших затем известность под названием кабаров, кабардинцев, а в сармато-аланской этнонимической традиции – под названием касконов и касагов.

Отсюда выдвинутый В.А. Кузнецовым тезис, согласно которому «основным этническим пластом населения Алании было местное аборигенное население, жившее здесь с глубокой древности»⁴⁹. По его мнению, «это был тот этнический и культурный субстрат, с которым аланы находились в состоянии теснейших и длительных контактов и который по мере течения времени оказывал всевозрастающее воздействие на алан»⁵⁰.

Вне всякого сомнения, речь идет, и может идти в первую очередь о касконах или касагах. Об этом В.А. Кузнецов писал еще в начале 60-х гг. прошлого века. Оценивая обнаруженные в верховьях Кубани постройки, максимально приближенные к древ-

ним дольменам, но датируемые эпохой раннего средневековья, он рассматривал эти сооружения как свидетельство постоянно-го и длительного присутствия здесь адыгов – потомков дольменостроителей. Подчеркивается, что «местный этнос, создавший дольменообразные склепы, должен быть признан адыгским»⁵¹. Так же оценивает эти постройки В.И. Морковин⁵².

Тем самым, поддерживается выдвигавшаяся еще раньше Е.И. Крупновым, Л.И. Лавровым, а затем многими другими исследователями идея непрерывной связи дольменной культуры с абхазо-адыгским населением Кавказа⁵³. В дальнейшем эта культура получила свое развитие в тесном и плодотворном взаимодействии адыгов с аланами (осетинами) и другими соседними народами.

Примечания

1. *Абаев С.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. 1. С. 588–589.

2. *Konig Fr.W.* Der Burgbau zu Susa. Nach dem Bauberichte des Konigs Dareios I. Leipzig, 1930. S. 62.

3. *Коковцев П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 101. По мнению П.К. Коковцева, поддержанному другими исследователями (*Дунлоп Д.М., Гадло А.В., Панеш Э.Х.* и др.) и в этом случае речь идет, вне всякого сомнения, о стране касогов, черкесов или адыгов.

4. *Коковцев П.К.* Указ. соч. С. 101; *Dunlop D.M.* The history of the jewish khazars. Princeton, 1954. P. 242–243; *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979. С. 18, 22, 25–27 и др.; *Панеш Э.Х.* Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (На примере Западного Кавказа). СПб., 1996. С. 73.

5. *Карпини П.* История монголов // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. М., 1957. С. 57.

6. *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М., 2009. С. 28.

7. *Коновалова И.Г.* Указ. соч. С. 46.

8. Цит. по: *Бунятов З.М.* К вопросу о происхождении египетского мамлюкского султана Баркука // Доклады Академии наук Азербайджанской ССР. Баку, 1985. Том XXI. № 12. С. 79.

9. В настоящее время термин ассон/ашшон используется у осетин для обозначения балкарцев.

10. *Капанцян Гр.* Хайаса – колыбель армян. Этногенез армян и их

начальная история. Ереван, 1947. С. 133–135.

11. *Hrozný V.* Ancient history of Western Asia, India, and Crete. New York, 1953. P. 2.

12. *Абаев С.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. С. 588–589; *Цулая Г.В.* Комментарий к изданию: Мровели Л. Жизнь картлийских царей. М., 1979. С. 66.

13. *Бгажноков Б.Х.* Историческая этнография и география Черкесии // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2005. Вып. 12.

14. *Lamberti A.* Relazione della Colchide hoggi detta Mengrellia. Naples, 1654. P. 2.

15. Осетинская этнографическая энциклопедия. Гл. ред. Л.А. Чибиров. Владикавказ, 2013. С. 287.

16. *Марковин В.И.* В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965. С. 91.

17. См.: *Бгажноков Б.Х.* Следы элемента кас в античных названиях адыгов на Северном Кавказе // Древняя и средневековая история адыгов (Материалы международной научно-практической конференции. г. Нальчик, 16–20 октября 2013 г.). Нальчик, 2014. С. 8.

18. Античные источники о Северном Кавказе. Сост. В.М. Аталиков. Нальчик, 1990. С. 202–203.

19. *Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg, 1885. S. 157.

20. *Джанашвили М.Г.* Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 21.

21. *Гадло А.В.* Тмутараканские этюды I (Страна адыгов во второй половине I тыс. н.э.) // Вестник ЛГУ. 1989. Сер. 2. Вып. 1. № 2. С. 29.

22. *Бгажноков Б.Х.* Кассы и Страна касов на Северном Кавказе // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2014. С. 9–10.

23. *Василевский В.Г.* Труды. СПб., 1909. Т. 2. Вып. 2. С. 226, 275.

24. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 117.

25. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 117.

26. *Турчанинов Г.Ф.* Памятники языка и письма народов Кавказа и Восточной Европы. М., 1971.

27. *Бубенок О.Б.* Первые упоминания о касогах в древнерусских летописях и степень их достоверности // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2014. Вып. 3. С. 28.

28. *Турчанинов Г.Ф.* Указ. соч. С. 75.

29. *Бгажноков Б.Х.* Указ. соч. С. 9–10.

30. *Кордт В.* Материалы по истории русской картографии. Киев, 1899. Вып. I. Карты XVI, XVII, XIX, XX, XXII, XXIV, XXX, XXXI; *Он же:* Материалы по истории русской картографии. Вып II. Киев, 1910. Карта XXII, XLI.

31. Полное собрание русских летописей. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. С. 146–147.
32. *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. М., 1989. С. 175.
33. *Клапрот Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С. 177.
34. *Кокиев Г.А.* Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев). Нальчик, 1946. С. 14.
35. Масуди о Кавказе // В кн.: *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 206, 207. См. также: *Масуди*. Из книги «Луга золотые и рудники драгоценных камней». Глава 13 // Сборник для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 54, 55.
36. Там же.
37. Согласно грузинским источникам, аланский (овский) царь Дургулель прибыл на помощь грузинскому царю Баграту с 48-тысячным ополчением; См.: *Джанашвили М.* Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 33.
38. *Худуд-ал-алем*. Рукопись А. Туманского. Л., 1930. С. 31.
39. *Гадло А.В.* Тмутараканские этюды I (Страна адыгов во второй половине I тыс. н.э.) // Вестник ЛГУ. 1989. Сер. 2. Вып. 1. № 2. С. 21, 25.
40. *Коновалова И.Г.* Указ. соч. С. 119.
41. Там же. С. 84.
42. *Клапрот Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. С. 112.
43. Цитата по: *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. С. 55.
44. *Март Н.Я.* Племенной состав населения Кавказа. Петроград, 1920. С. 16.
45. Там же. С. 16–17.
46. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. С. 202.
47. Термин «Аланская конфедерация» А.В. Гадло употребляет наряду с терминами «Аланское царство», «Алания». См. напр.: *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994. С. 48.
48. *Габриэлян Р.А.* Армянские источники об аланах. М., 1985. С. 47.
49. *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С. 147.
50. Там же.
51. *Кузнецов В.А.* Указ. соч. С. 116.
52. *Марковин В.И.* Составной дольмен у села Азербиевка и дольменовидные гробницы в бассейне р. Кяфар // Краткие сообщения Инсти-

туда археологии АН СССР. 1975. № 142; *Он же*: Дольменные постройки в бассейне реки Кяфар // Советская археология. 1983. № 3.

53. *Крупнов Е.И.* Древнейшая культура Кавказа и Кавказская этническая общность // Советская археология. М., 1964. № 1; *Лавров Л.И.* Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды АИЯЛИ им. Д.И. Гулиа. Сухуми, 1960. Т. XXXI. С. 106; *Марковин В.И.* Курган Псынако. Памятник дольменной культуры Кавказа. Нальчик, 2011. С. 52.

---

*Далгат Э.М.
(г. Махачкала)*

НЕЗАУРЯДНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Одним из важных последствий присоединения Дагестана к России стало формирование в нем светской интеллигенции. В 1867 г. в учебных заведениях империи были открыты вакансии для детей горцев. Уже в 70-е гг. XIX в. появились дагестанцы, получившие высшее образование. Следующее поколение молодых дагестанцев обучалось в российских вузах в 80–90-е гг. XIX в. Одним из ярких представителей этого периода является Башир Керимович Далгат – блестящий юрист, общественный деятель и просветитель. Он родился 5 ноября 1870 г. в сел. Урахи Даргинского округа. Башир рано потерял отца, убитого кровниками. Брат отца, Магомед Далгат, работавший городским врачом в г. Владикавказе, взял его на воспитание, помог ему получить достойное образование. Башир Далгат успешно закончил Ставропольскую гимназию. В 1889 г. он поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В студенческие годы Башир принимает самое активное участие в общественной жизни. Он становится одним из учредителей и автором Устава «Общества кавказских горцев в Санкт-Петербурге», возникшего в 1890 г. В обществе состояли представители разных народов Кавказа, в том числе К. Хетагуров, Т. Алхасов, И. Кундухов, М. Берсенов, И. Цаликов, В. Эмиров, Т. Хостов, Б. Султанов и др. Целями общества, помимо интернациональной поддержки земляков-студентов, были «...сближение и совместная подготовка членов Общества к общественной деятельности на Кавказе, выполнение нужд и потребностей горцев Кавказа не только материальных, экономических, но и духовных и социально-культурных».

В 1895 г. Башир Далгат закончил Санкт-Петербургский университет и получил диплом высшей степени с присвоением ему звания кандидата права. Большая часть жизни Б. Далгата была связана с г. Владикавказ, а в 1922 г. переезжает в Дагестан. Деятельность молодого Башира Далгата была многогранной. Он стал блестящим адвокатом, защищавшим интересы простых горцев в поземельных спорах с феодалами и казной. Так, например, он защитил права крестьян сел. Берикей Дагестанской области на недра общественных земель, что оспаривались казной после открытия там залежей нефти. Башир Далгат выиграл и другое шумевшее дело, заставив казну выплатить крестьянам компенсацию за земли, отобранные у них под строительство Дагестанской ветки Владикавказской железной дороги. Показательными являются дела, ведшиеся Б. Далгатом по защите общественных и земельных прав крестьян сел. Губден, Гапцах и др. сел Дагестана.

Вместе с тем в 1906 г. Б. Далгат выступил защитником рабочих-революционеров в крупных политических процессах в гор. Грозном и Минеральных Водах. Особенный интерес представляет деятельность Б. Далгата при подготовке правительством реформы об отмене в Дагестане зависимости крестьян от феодалов. Непрерывающиеся антифеодальные выступления крестьян вынудили царскую администрацию подготовить законопроект по отмене феодальной зависимости крестьян и поземельном устройстве населения Дагестана. Законопроект обсуждался на разных уровнях, был представлен в Государственную Думу четвертого созыва, депутатом в которой состоял дядя Б. Далгата – Магомед Далгат.

В личном архиве Б. Далгата сохранились интереснейшие документы, свидетельствующие о непосредственной заинтересованности доктора Далгата и Башира Далгата в обсуждении законопроектов по Дагестану в земельной комиссии IV Государственной Думы. В одной из телеграмм, посланных доктором Далгатом из Петербурга во Владикавказ в 1912 г., содержится просьба к присяжному поверенному Б. Далгату и Шаханову срочно привезти в Петербург дополнительные материалы по обсуждаемым в Государственной Думе вопросам по Дагестанской области.

В архиве Б. Далгата также сохранились тексты правительственных законопроектов, поля которых исписаны многочисленными пометками, сделанными рукой Башира. Они свидетельствуют, что он тщательно анализировал каждую статью

законопроекта; в анализе отражается широта его кругозора, высочайший уровень образования, ответственность в разрешении важнейшего для Дагестана вопроса – вопроса о земле. Он подвергает критике некоторые положения законопроекта. Так, он считает несправедливым, что крестьяне Дагестана должны в десятикратном размере выкупать свои ежегодные повинности бекам за отмену зависимых отношений. Башир указывает, что достаточно и шестикратного выкупа. Он внес еще несколько поправок, направленных на защиту горцев Дагестана.

В 1913 г. законопроект был принят Государственной Думой, и в Дагестане была отменена феодальная зависимость. Это имело большое значение для дальнейшего развития Дагестана в капиталистическом русле.

Немаловажное значение придавал Б. Далгат и общественной деятельности. Он являлся членом многих благотворительных и просветительских обществ Владикавказа. Например, «Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области», «Политехнического общества» и т.д. Общественная деятельность Б. Далгата выражалась и публикации острых газетных статей, в которых он излагал свои взгляды на историческое прошлое и современное состояние народов Северного Кавказа. Важное значение он придавал и изучению правового строя горцев Кавказа.

Начало XX в. было временем надежд на осуществление правительством реформ, призванных, по его мнению, установить вместо полицейско-бюрократического режима широкое местное самоуправление. Он надеялся на возрождение Дагестана на основе синтеза местного и европейского права и, как никто другой, – необходимость интеграции Дагестана в европейское общество, но не за счет утраты своей культуры и самобытности.

Особого внимания заслуживает научная деятельность Б. Далгата. Еще в годы учебы в гимназии, а затем в университете он собирал фольклор в своем родном сел. Урахи, записывал обычаи даргинцев. Свою работу «Обычное право даргинцев в прошлом» он посылает в отдел этнографии Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Ее высоко оценили и посоветовали продолжать исследования. Студентом Башир Далгат совершал экспедиции по Кавказу, где собирал фольклорный и этнографический материал. Этот материал лег

в основу его очерков: «Поездка к Чегемским ледникам», «Страничка из Северо-Кавказского богатырского эпоса», а также двух крупных работ: «Первобытная религия чеченцев и ингушей», и «Родовой строй чеченцев и ингушей». В сокращенном виде они были опубликованы в 90-е гг. XIX в. в «Терском сборнике». В настоящее время дочь Б. Далгата – Уздият Башировна Далгат – на основе личных архивов отца издала оба труда в полном объеме.

Б. Далгат был избран членом-сотрудником «Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» при Московском университете, состоял членом-сотрудником «Юридического общества», «Русского антропологического общества» при Петербургском университете». Б. Далгат тесно сотрудничал с известными учеными М.М. Ковалевским, В.Ф. Миллером.

После Февральской революции 1917 г. Б. Далгат – активный участник Союза горцев Северного Кавказа, выступавшего за вхождение региона в состав демократической России на федеральных началах.

С момента установления Советской власти на Тереке 4 марта 1918 г. Б. Далгат стал членом Владикавказского областного суда. В 1920 г. он заведует юстицией в Назранском окружном Ревкоме. В 1922 г. Б. Далгат по приглашению Совнаркома Дагестана переезжает на жительство в Махачкалу. Здесь он работает юрисконсультom в СНК и ДАГЦИКе, затем заведует отделом законодательных предположений Наркомата юстиции, участвует в составлении и дает окончательную редакцию проекта новой Конституции ДАССР.

В Дагестане Б. Далгат продолжил занятия наукой. Он разработал первый даргинский алфавит на основе латиницы, подготовил к печати свои работы по обычному праву даргинцев и родовому строю народов Дагестана, сборник даргинского фольклора, хранящийся ныне в Рукописном фонде Дагестанского научного центра РАН.

Б. Далгат был незаурядной личностью, ярким представителем дагестанской светской интеллигенции, сформированной еще в дореволюционной России, которая сохранила лучшие традиции своих народов и которая впитала в себя лучшее из русской и европейской культур. Человек широчайшей эрудиции и разносторонних интересов, он проявил себя в науке, юриспруденции и общественной жизни, и самое главное – был истинным патриотом своей Родины – Кавказа, России.

Исмаилов Э.Э.
(г. Москва)

**АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ИРРЕГУЛЯРНЫЕ ЧАСТИ
В СОСТАВЕ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ.
ТАТАРСКИЙ КОННЫЙ ПОЛК**

Территория современного Азербайджана была подчинена Российской империей в начале XIX столетия. В этот период на территории Южного Кавказа существовало более двух десятков независимых и полунезависимых азербайджанских государств – ханств и султанств. Такими государствами являлись Ардебильское, Бакинское, Гянджинское, Дербентское, Карабахское, Карадагское, Кубинское, Макинское, Марагинское, Нахичеванское, Сарабское, Тальшинское, Тебризское, Шекинское, Шемахинское, Урмийское, Хойское и Эриванское ханства; Илисуйское (Елисуйское) султанство и Джаро-Белоканские вольные общества, а также зависимые от своих более сильных соседей Джаватское ханство, Арешское, Борчалинское, Казахское, Куткашинское, Памбакское, Сальянское, Шамшадильское и Шурагельское султанства.

Верховная власть в этих государствах принадлежала соответственно хану или султану, а вооруженные силы состояли из конных и пеших воинов. Многие ханы пользовались и наемными формированиями.

В результате двух Русско-персидских войн в первой четверти XIX столетия территория исторического Азербайджана была разделена между Россией и Персией на Северную и Южную части.

Таким образом, зажатые с севера и юга более сильными соседями, азербайджанские государственные образования потеряли

свою самостоятельность, а азербайджанский народ в результате этого акта оказался расколотым на две части. Более того, с подчинением Северного Азербайджана Российской империей в официальный обиход последней вошли искаженные этнические названия азербайджанцев, которых называли либо «закавказскими татарами» или «адербейджанскими татарами», либо «персами» (в частности, в Дербентском и Бакинском регионах), либо просто по конфессиональной принадлежности – «мусульманами».

Необходимо отметить, что в то же время самоназвание народа являлось «турки» или азербайджанские турки, и также назывался язык – тюркский (азербайджанско-тюркский). Эти названия вернулись в официальный обиход лишь в 1918 г. с восстановлением государственности на территории Северного Азербайджана.

Собственно же этноним «азербайджанцы» в различных формах стал использоваться в русской академической литературе с XIX столетия.

Этнические названия азербайджанцев, бытовавшие в Российской империи, т.е. «закавказские татары» и «мусульмане», легли в названия иррегулярных воинских частей русской армии, которые были сформированы из азербайджанцев. Такими частями являлись, например: четыре конно-мусульманских полка, участвовавшие в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг., Кавказской войне и Восточной войне; Закавказский конно-мусульманский полк, просуществовавший с 1835-го по 1857 г.; команда Мусульман Собственного Его императорского величества конвоя (1839–1856) и 4-й взвод Мусульман лейб-гвардии Кавказского эскадрона Собственного Его императорского величества конвоя (1856–1881 гг.) и, наконец, Татарский конный полк Кавказской туземной конной дивизии (1914–1917).

* * *

Первые иррегулярные полки, сформированные из азербайджанцев, появились в России в самом начале царствования императора Николая I (1825–1855). Но еще до формирования этих иррегулярных полков воинские формирования из азербайджанских владений были активно задействованы русским командованием в период как завоевания Кавказа, так и 1-й Русско-персидской войны 1804–1813 гг. и Русско-турецкой войны 1806–1812 гг.

Так, по подсчетам азербайджанского советского историка Хаджи Мурата Ибрагимбейли, «в Русско-иранской войне 1804–1813 гг. в составе русской армии самостоятельно приняли участие около 10 тыс. конных и около 12 тыс. пеших ополченцев-азербайджанцев... В Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. приняли участие азербайджанские иррегулярные конные формирования численностью 3700 воинов»¹.

В период же Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютантом графом Паскевичем-Эриванским были сформированы из жителей закавказских мусульманских провинций, т.е. из жителей азербайджанских владений, четыре мусульманских конных полка и отдельная часть под названием «Конница Кянгерлы»².

Эти полки были сформированы по территориальному признаку. 1-й конно-мусульманский полк был составлен из жителей Карабахской провинции (бывшее одноименное ханство); 2-й конно-мусульманский полк – из жителей Шекинской и Ширванской провинций (бывшие одноименные ханства); 3-й конно-мусульманский полк – из жителей Елисаветпольского округа (бывшее Гянджинское ханство) и «татарских» дистанций: Борчалинской, Казахской и Шамшадильской (бывшие одноименные султанства); 4-й конно-мусульманский полк – из жителей Армянской области (бывшее Эриванское ханство). Конница Кянгерлы была составлена из 250 всадников – жителей бывшего Нахичеванского ханства³.

Командирами конно-мусульманских полков были назначены русские штаб- и обер-офицеры. Помощниками к ним назначались «беки из самых лучших и богатейших фамилий, имеющие чины офицерские, как равно и сотенные начальники из таковых же назначались»⁴.

О том, как сражались азербайджанские воины конно-мусульманских полков, свидетельствуют многочисленные документы и воспоминания очевидцев. Так, очевидец Саганлугского сражения русский писатель и публицист Платон Зубов писал:

«Надо видеть сии полки в сражении, чтобы судить о них: это молния, это огонь раздраженного Бога, упавший вдруг с неба в середину неприятеля и рассыпавший смерть и ужас. Я видел их 19-го июня 1829 года на высотах саганлуга, в том знаменитом бое, где сам Сераскир Арзрумский и храбрый Гагки-Паша с 50 000 воинами не устояли против горстки русских... и до сего времени с

восторгом вспоминаю чудеса храбрости, совершенные перед моими глазами полками мусульманскими...»⁵.

По окончании военных действий с Турцией конно-мусульманские полки были распущены по домам. Многие офицеры и всадники из азербайджанских конно-мусульманских полков и конницы Кянгерлы были награждены за храбрость и боевые отличия орденами и медалями. По подсчетам доктора исторических наук Х.М. Ибрагимбейли, за кампанию 1829 г. 162 рядовых всадника были награждены либо Знаками отличия военного ордена Св. Георгия, либо серебряными медалями с надписью «За храбрость», либо другими наградами⁶.

В октябре 1830 г. император Николай I, «желая ознаменовать благоволение Свое» к конно-мусульманским полкам и коннице Кянгерлы, пожаловал им особые знамена с изображением на них российского герба и с сохранением в гербе изображения Св. Георгия; на древках же знамен вместо креста было помещено вензелевое имя императора⁷.

В начале 1830-х гг. конно-мусульманские полки были активно задействованы в военных действиях русской армии в Дагестане и Чечне.

* * *

В 1834 г. по ходатайству наместника Царства Польского – бывшего командира Отдельного Кавказского корпуса – генерал-фельдмаршала князя Ивана Федоровича Варшавского (графа Паскевича-Эриванского) – при Отдельном Кавказском корпусе было начато формирование Закавказского конно-мусульманского полка. Это событие сыграло значительную роль в приобщении азербайджанцев к регулярной военной службе.

В официальном воззвании кавказских властей «к мусульманскому населению», т.е. к азербайджанцам так называемых мусульманских провинций, Армянской области и татарских дистанций Грузии говорилось, что главная цель формируемого полка заключается в том, «чтобы доставить средство достойным молодым бекам, хорошим наездникам, видеть свет, познакомиться с лучшим порядком и, по возвращении на родину, употребить себя с большею пользою на службу в провинциях».

2 марта 1835 г. Закавказский конно-мусульманский полк прибыл в столицу Царства Польского⁸. По высочайшему повелению

Закавказскому конно-мусульманскому полку было выдано почетное знамя 3-го конно-мусульманского полка, пожалованное этому воинскому формированию в 1830 г.

В 1849 г., когда Закавказскому конно-мусульманскому полку за подвиги в Венгерской кампании было вручено Георгиевское знамя, почетное знамя 3-го конно-мусульманского полка было вновь отправлено на хранение в Елисаветполь⁹.

В 1857 г. после упразднения Закавказского конно-мусульманского полка принадлежавшее ему Георгиевское знамя было сдано на хранение в Тифлисский арсенал, а в 1883 г. было отправлено в Артиллерийский музей в Санкт-Петербурге¹⁰. В настоящее время Георгиевское знамя Закавказского конно-мусульманского полка находится на хранении в Фонде Новой истории Национального музея истории Азербайджана (инв. № 444)¹¹.

* * *

В марте 1839 г. император Николай I подписал указ «о формировании особой команды для конвоя Его величества из находящегося в действующей армии конно-мусульманского полка»¹². В феврале 1840 г. Николаем I был подписан указ, согласно которому нижние чины команды мусульман могли поступить на службу в команду только из Закавказского конно-мусульманского полка¹³.

Правило комплектования команды мусульман Собственного Его величества конвоя чинами из Закавказского конно-мусульманского полка действовало вплоть до 1856 г., связав эти два азербайджанских подразделения русской армии.

Служба в конвое сыграла огромную роль в привлечении азербайджанцев к военной и, что особенно важно, к профессиональной военной службе. Часть из них впоследствии переводились и назначались в регулярные части русской армии. Многие из тех, кто, завершив службу в конвое и возвратившись с офицерским чином на родину, направляли затем своих детей на военную службу, либо в военно-учебные заведения.

* * *

В начале 1840-х гг. была предпринята попытка организовать в завоеванных азербайджанских владениях иррегулярные части, подобные казачьим полкам. Одним из инициаторов создания

таких частей вновь выступил князь Варшавский граф Паскевич-Эриванский¹⁴.

В январе 1843 г. состоялось формальное назначение Военно-походного начальника Кянгерлинских всадников генерал-майора Эксан-хана Военно-походным атаманом Закавказских мусульманских войск со следующим определением круга его действий и обязанностей:

«1) Мусульманские войска поручать его начальству в то время, когда они будут сформированы в составе полков. 2) В случае внешней войны подчинять Эксан-Хану все мусульманские войска. 3) Когда будет определен состав мусульманских полков, в то время возложить на Эксан-Хана осмотр их один раз в г., с тем однако же, чтобы таковые осмотры производились не иначе, как с разрешения командира Отдельного Кавказского корпуса. 4) Кянгерлинцев подчинить генерал-майору Эксан-Хану на основаниях, изложенных... генералом от инфантерии Головиным...»¹⁵.

Однако «Мусульманские войска» так и не были сформированы. Военно-походный атаман Закавказских мусульманских войск генерал-майор Эксан-хан в реалии продолжал управлять лишь Кянгерлинскими всадниками вплоть до своей смерти в 1846 г.¹⁶

* * *

Кроме вышеперечисленных иррегулярных формирований, кавказскими властями из азербайджанцев (впрочем, так же как и из грузин, дагестанцев и др. кавказских горских народов) формировались постоянные и временные милицейские команды, которые были активно задействованы в войне России против горцев Кавказа.

Кавказские милиции формировались в основном на период ведения боевых действий из добровольцев необязанных военной службой. Во главе милиций, сформированных из азербайджанцев, обычно стояли представители известных ханских или бекских фамилий. Их имена постоянно значатся в списках награжденных чинов русской армии за отличия в Кавказской войне.

* * *

В октябре 1853 г. началась Восточная война 1853–1856 гг. – одно из крупнейших исторических событий XIX в. К началу

кампании 1854 г. из азербайджанцев были вновь сформированы четыре конно-мусульманских полка. Причем на период войны этим полкам были выданы почетные знамена, пожалованные им в 1830 г.¹⁷

Если командирами 3-го (казахско-борчалинско-елисаветпольского) конно-мусульманского полка в кампании 1855 г. были полковник грузинский князь Орбелиани и подполковник драгунского вел. кн. Николая Николаевича полка Лошаков¹⁸, а во главе 4-го (эриванского) конно-мусульманского полка в кампании 1854 г. находился войсковой старшина Чернов¹⁹, то во главе 1-го (шушинско-карабахского) и 2-го (шемахинского) конно-мусульманских полков в кампаниях 1854-го и 1855 г. стояли уже азербайджанские по происхождению офицеры: это бывшие командиры команды мусульман Собственного Его величества конвоя полковник Николай Николаевич Агаев и подполковник Исрафил-бек Эдигаров.

Настоящее имя полковника Агаева было Фараджул-Бек-Агаев. До апреля 1844 г. он являлся командиром команды мусульман Собственного Его величества конвоя, когда был переведен в лейб-гвардии Казачий полк²⁰. В дальнейшем он принял христианство под именем Николая Николаевича, причем приемными родителями его стали император Николай I и супруга наследника престола²¹.

«В награду отличной храбрости и мужества, оказанных в сражениях с турками» полковник Агаев высочайшим указом от 5 ноября 1856 г. был награжден Золотой шашкой с надписью «За храбрость»²².

Подполковник Исрафил-бек Эдигаров (Едигаров, Иедигаров) за отличия в сражениях против турок в декабре 1854 г. был награжден орденом Св. Анны 2-й ст. с мечами, а в январе 1855 г. был произведен в полковники с оставлением по кавалерии в должности командира полка и при Отдельном Кавказском корпусе²³.

По окончании войны знамена конно-мусульманских полков были вновь отправлены в Баку, Елисаветполь, Тифлис и Шушу²⁴.

В настоящее время часть этих знамен находится на хранении в Фонде Новой истории Национального музея истории Азербайджана²⁵.

* * *

Необходимо отметить, что уже со второй четверти XIX столетия офицеры-азербайджанцы служили и в регулярных частях русской армии. Некоторые из них особо отличились и в период Восточной войны 1853–1856 гг. Так, майор лейб-карабинерного (13-го лейб-гренадерского) Эриванского Его величества полка Алиамбар Измайлович Визиров в марте 1856 г. за боевые отличия был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст.²⁶

* * *

Уже к началу Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. азербайджанские по происхождению офицеры не только служили в регулярных частях русской армии, но и командовали регулярными кавалерийскими и пехотными полками. Так, к примеру, бывший командир 4-го взвода мусульман Собственного Его величества конвоя полковник Мирза-Гаджи-Бек-Наврузов в период войны командовал 15-м драгунским Тверским полком.

Другой бывший офицер Собственного Его величества конвоя – полковник Бала-Киши-Али-Бек-Араблинский – перед самым началом Русско-турецкой войны был назначен командиром 3-го линейного Кавказского батальона, а в феврале 1878 г. – командиром 160-го пехотного Абхазского полка.

Примечательно, что и полковник Мирза-Гаджи-Бек-Наврузов и полковник Бала-Киши-Али-Бек-Араблинский за отличия в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. были награждены одной из самых почетных боевых наград Российской империи – Золотым оружием с надписью «За храбрость»²⁷.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. началась весной 1877 г. Но еще в ноябре 1876 г. наместник Кавказа получил разрешение императора формировать по мере надобности из кавказских жителей иррегулярные полки, дружины и сотни. Всего до начала боевых действий главнокомандующим Кавказской армией было сделано распоряжение о формировании 26 конных и пеших милицейских частей из кавказских жителей²⁸.

Из них в кампании 1877 г. на Кавказе приняли участие следующие иррегулярные части, полностью или частично сформированные из азербайджанцев: Бакинский, Елисаветпольский, Закатальский, Шурагельский и Эриванский конно-иррегулярные полки, а также Александропольский конный дивизион и Борчалинская конная сотня.

При этом азербайджанские Елисаветпольский и Закатальский конно-иррегулярные полки были сведены в конно-иррегулярную бригаду, командующим которой был назначен вновь один из бывших командиров 4-го взвода мусульман Собственно Его величества конвоя – флигель-адъютант полковник принц Риза-Кули-мирза Каджар.

Особо отличившийся в Русско-турецкой войне Закатальский конно-иррегулярный полк высочайшим приказом в октябре 1878 г. был пожалован Георгиевским знаменем с надписью: «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов». Этим же приказом 3-й сотне полка были также пожалованы знаки отличия на головные уборы с надписью: «За дело под Баязетом в 1877 году»²⁹. В настоящее время Георгиевское знамя Закатальского конно-иррегулярного полка находится на хранении в Национальном Музее Истории Азербайджана (Фонд Новой истории, инв. № 470)³⁰.

Еще одну коллективную награду, правда, уже простое знамя, за подвиги, мужество и храбрость высочайшим приказом в январе 1879 г. получил бывший Александропольский конно-иррегулярный полк³¹. Вторая конно-иррегулярная бригада в мае 1877 г. была образована из азербайджанского Эриванского и курдского Куртинского конно-иррегулярных полков. Во главе этой бригады был поставлен состоящий при Кавказской армии генерал-майор Калбалай-Хан-Эксан-Хан-Оглы (Келб-Али-хан Нахичеванский). Ранее, за отличия в Восточной войне Калбалай-Хан-Эксан-Хан-Оглы, командуя иррегулярной Эриванской бекской дружиной, уже был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст.

В период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Калбалай-Хан-Эксан-Хан-Оглы уже в чине генерал-майор командовал летучими кавалерийскими отрядами, численностью до дивизии. За отличие при штурме укрепленной позиции Деве-Бойну генерал-майор Калбалай-Хан-Эксан-Хан-Оглы в декабре 1878 г. был награжден одной из самых почетных боевых наград Российской империи – Золотой саблей, украшенной алмазами, с надписью «За храбрость». По моим подсчетам, Калбалай-Хан-Эксан-Хан-Оглы стал одним из тридцати семи генералов, награжденных за Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Золотым оружием, украшенным бриллиантами или алмазами³².

Командующим Эриванским конно-иррегулярным полком, состоявшим в бригаде генерала Калбалай-Хана, был назначен

его старший брат – полковник лейб-гвардии Казачьего Его величества полка Исмаил-Хан-Эксан-Хан-Оглы (Исмаил-хан Нахичеванский)³³. В период Русско-турецкой войны ему выпала участь стать одним из героев знаменитой обороны города Баязета. В декабре 1877 г. уже в чине генерал-майора Исмаил-хан Нахичеванский «за примерную храбрость и распорядительность, оказанные во время блокады крепости Баязета», был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст.

* * *

В две следующие военные кампании Российской империи – в Китайском походе и в Русско-японской войне – азербайджанские иррегулярные части не участвовали. Но участниками этих кампаний уже стали кадровые офицеры-азербайджанцы, в том числе и такие известные впоследствии военачальники Первой мировой войны, как генералы Самед-бек Мехмандаров, Гусейн-хан Нахичеванский, Али-Ага-Шихлинский. К примеру Али-ага Шихлинский за Русско-японскую войну получил восемь наград и поощрений, в том числе Золотое оружие с надписью «За храбрость», орден Св. Георгия 4-й ст., а также был произведен в чин подполковника. Самед-бек Мехмандаров произведен был в полковники и награжден Золотым оружием с надписью «За храбрость» еще за отличия в делах против китайцев, а орденом Св. Георгия 4-й ст. он был награжден в знак отличного мужества и храбрости, оказанных в делах против японцев в период бомбардировок и блокады Порт-Артура.

Гусейн-хан Нахичеванский в Китайском походе не участвовал. Когда же началась Русско-японская война, он был назначен командиром 2-го Дагестанского конного полка, который сам и формировал на Кавказе в апреле 1904 г. Во главе этого полка Гусейн-хан Нахичеванский участвовал во всех важнейших боях от Ляояна до заключения мира и был награжден Золотым оружием с надписью «За храбрость» и орденом Св. Георгия 4-й ст.

Кстати, во 2-м Дагестанском конном полку, который сформировал азербайджанец Гусейн-хан Нахичеванский, служило еще несколько офицеров азербайджанского происхождения, среди них еще один герой Первой мировой войны – принц Фазулла-мирза Каджар, о котором будет сказано далее.

С началом Первой мировой войны генерала Али-ага Шихлинского в сентябре 1914 г. назначают на должность начальника

артиллерии гор. Петрограда. Затем в январе 1915 г. генерал Шихлинский был направлен в распоряжение главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта для руководства тяжелой артиллерией. С мая 1915 г. Али-ага Шихлинский – генерал для поручений по артиллерийской части при главнокомандующем армиями Северо-Западного фронта, а после разделения фронта на два в августе 1915 г. занял ту же должность при главнокомандующем армиями Западного фронта. В сентябре 1915 г. он был командирован в штаб Верховного главнокомандующего и с октября 1915-го по апрель 1916 г. являлся генералом для поручений при Верховном главнокомандующем с правами начальника дивизии со штатной категорией генерал-лейтенанта. Затем с апреля 1916 г. генерал Шихлинский исполнял должность инспектора артиллерии армий Западного фронта; в апреле 1917 г. был произведен в генерал-лейтенанты и в апреле – сентябре 1917 г. являлся инспектором артиллерии армий Западного фронта; наконец, в сентябре – ноябре 1917 г. был командующим войсками 10-й армии Западного фронта. За боевые отличия в период Первой мировой войны Али-ага Шихлинский был награжден российскими орденами, вплоть до ордена Св. Владимира 2-й ст. с мечами.

Генерал Самед-бек Мехмандаров перед началом Первой мировой войны в декабре 1913 г. был назначен начальником 21-й пехотной дивизии, в состав которой входили 81-й пехотный Апшеронский полк, 82-й пехотный Дагестанский полк, 83-й пехотный Самурский полк и 84-й пехотный Ширванский полк. Во главе этой дивизии генерал Мехмандаров вступил в Первую мировую войну. Сражаясь в рядах 3-й армии Юго-Западного фронта под командованием Мехмандарова, дивизия заслужила славу одной из лучших в русской армии. За бои 27–29 сентября 1914 г. генерал Мехмандаров был награжден орденом Св. Георгия 3-й ст., а за бои 9–10 октября 1914 г. при Ивангороде – Георгиевским оружием, украшенным бриллиантами.

Согласно статуту 1913 г., Георгиевским оружием, украшенным бриллиантами, отмечались «блистательные воинские подвиги по Собственному Императорского Величества изволению». Георгиевским оружием, украшенным бриллиантами, в период Первой мировой войны награждались полководцы за наиболее значительные победы, такие как взятие Перемышля, Эрзерума, успешное наступление на Юго-Западном фронте. Всего за

период войны Георгиевским оружием, украшенным бриллиантами, были пожалованы восемь выдающихся российских полководцев, таких как командующий 9-й армией генерал от инфантерии П.А. Лечицкий (27.09.1914), командир 3-го Кавказского армейского корпуса генерал-лейтенант В.А. Ирман (4.11.1914), командир 2-го Кавказского армейского корпуса генерал-лейтенант С.-б. Мехмандаров (14.02.1915), начальник 44-й пехотной дивизии генерал-лейтенант С.Ф. Добротин (20.02.1915), Верховный главнокомандующий генерал-адъютант, генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич-младший (12.04.1915), командир 1-го Кавказского армейского корпуса генерал от кавалерии П.П. Калигин (19.05.1916), главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал-адъютант, генерал от кавалерии А.А. Брусилов (20.07.1916), командир 8-го армейского корпуса генерал-лейтенант А.И. Деникин (22.09.1916).

В декабре 1914 г. Самед-бек Мехмандаров был назначен командиром 2-го Кавказского армейского корпуса, который под его командованием участвовал в наиболее тяжелых боях против германских войск, в т.ч. у Прасныша, на Сане, у Холма и Вильны. За всю войну корпус не сдал противнику ни одного орудия.

За боевые отличия в период Первой мировой войны Самед-бек Мехмандаров был произведен в генералы от артиллерии и награжден российскими орденами вплоть до Св. Александра Невского с мечами включительно.

Генерал Гусейн-хан Нахичеванский вступил в Первую мировую войну во главе 2-й кавалерийской дивизии. В октябре 1914 г. он был назначен командиром 2-го кавалерийского корпуса, в состав которого входили 12-я кавалерийская дивизия под командованием сперва генерала Алексея Максимовича Каледина, а затем генерала барона Карла-Густава Маннергейма, и Кавказская туземная конная дивизия («Дикая дивизия») под командованием генерал-майора великого князя Михаила Александровича. В октябре 1915 г. Гусейн-хан Нахичеванский был назначен в распоряжение наместника Кавказа и главнокомандующего Кавказской армией великого князя Николая Николаевича. А в апреле 1916 г. он был назначен командиром гвардейского кавалерийского корпуса.

За отличия в боях генерал Гусейн-хан Нахичеванский был произведен в генералы от кавалерии, был награжден орденом

Св. Георгия 3-й ст., а также российскими орденами, в т.ч. и Белого Орла с мечами включительно.

Во время Февральской революции 1917 г. Гусейн-хан Нахичеванский один из немногих военачальников сохранил верность императору Николаю II и предлагал ему выступить со своим корпусом против бунтующего Петрограда. «Многим кажется удивительным и непонятным тот факт, – писал в своих «Очерках русской смуты» Антон Иванович Деникин, – что крушение векового монархического строя не вызвало среди армии, воспитанной в его традициях, не только борьбы, но даже отдельных вспышек. Что армия не создала своей Вандеи. Мне известны только три эпизода резкого протеста: движение отряда генерала Иванова на Царское Село, организованное Ставкой в первые дни волнений в Петрограде, выполненное весьма неумело и вскоре отмененное, и две телеграммы, посланные государю командирами 3-го конного и гвардейского конного корпусов, графом Келлером и ханом Нахичеванским. Оба они предлагали себя и свои войска в распоряжение государя для «подавления мятежа»³⁴.

* * *

Последним иррегулярным подразделением в Российской армии, сформированным из азербайджанцев, стал Татарский конный полк Кавказской туземной конной дивизии.

26 июля 1914 года Главнокомандующий войсками Кавказского военного округа генерал-адъютант граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков обратился через военного министра к императору с предложением использовать «воинственные кавказские народы», чтобы сформировать из них войсковые части³⁵. Высочайшее соизволение сформировать из мусульман Кавказа и Закавказья на время военных действий несколько полков, в числе которых был и Татарский конный полк, последовало уже 27 июля 1914 г.

Татарский конный полк начал формироваться 9 августа 1914 г. в гор. Елисаветполе (название города Гянджи в 1804–1918 гг.; в 1935–1989 гг. – Кировабад). Первоначально полк состоял из 4 сотен; 1-я сотня полка комплектовалась на добровольных началах из жителей Казахского уезда Елисаветпольской губернии, 2-я сотня – из жителей Шушинского и Джеванширского уездов Елисаветпольской губернии, 3-я сотня – из жителей Арешско-

го, Зангезурского, Карягинского и Нухинского уездов Елисаветпольской губернии, 4-я сотня – из жителей Борчалинского уезда Тифлисской губернии.

Согласно данным Елисаветпольского губернатора, уже к 27 августа «добровольцев мусульман записалось в Татарский полк свыше двух тысяч». В связи с тем, что требовалось только 400 человек, в том числе одна сотня из азербайджанцев, жителей Борчалинского уезда Тифлисской губернии, дальнейшая запись была прекращена.

Добровольцы-всадники носили черные черкески и папахи, были вооружены винтовками и шашками. Каждый мог взять с собой и традиционные кинжалы. Отправка всадников в Татарский полк сопровождалась торжественными церемониями. Джевانشирский уездный начальник в своем донесении Елисаветпольскому губернатору 6 сентября 1914 г. писал, что «в Тер-Тер были собраны добровольцы Джеванширского уезда в числе 70 чел., для сопровождения которых стеклась тысячная толпа народа. Добровольцы и народ с портретом государя императора, с музыкой от полицейского управления направились к мечети, где духовенством был отслужен молебен о здравии государя императора и о даровании победы русской армии, после чего добровольцы отправились в Елисаветполь»³⁶.

Согласно утвержденным штатам, каждый конный полк состоял из 22 офицеров, 3 военных чиновников, 1 полкового муллы, 575 строевых нижних чинов (всадников) и 68 нестроевых нижних чинов. Полки дивизии были объединены в три бригады. Татарский конный полк вместе с Чеченским конным полком входил в состав 2-й бригады, которой командовал полковник Константин Николаевич Хагондоков. Командные должности в дивизии занимали преимущественно представители аристократических фамилий.

Первым начальником Кавказской туземной конной дивизии высочайшим приказом от 23 августа 1914 г. был назначен младший брат императора Свиты Его величества генерал-майор великий князь Михаил Александрович.

Командиром Татарского конного полка был назначен генерального штаба подполковник Петр Александрович Половцов (1874 – Монте-Карло, 1964). Он происходил из дворян Бессарабской губернии; родился в Петербурге в семье действительно тайного советника государственного секретаря Александра

Александровича Половцова и Надежды Михайловны Июневой (1843–1908), внебрачной дочери великого князя Михаила Павловича. Помощником командира полка был назначен уроженец гор. Баку, сын бывшего Бакинского губернатора, подполковник Всеволод Дмитриевич Старосельский. К Татарскому конному полку был прикомандирован также подполковник 16-го драгунского Тверского полка принц Фазулла-мирза Каджар.

Как отмечал в своих воспоминаниях П.А. Половцов, кроме боевой цели формирования Кавказской туземной конной дивизии была и политическая, «чтобы показать неразрывную связь Кавказа с Россией привлечением в общероссийское дело кавказских народностей, а назначение великого князя начальником дивизии являлось особой милостью Царя к этим народностям»³⁷.

Согласно рапорту командующего полком начальнику штаба Кавказской армии, Татарский конный полк выступил на фронт 5 эшелонами 11, 12 и 13 сентября 1914 г.³⁸

12 сентября 1914 г. Елисаветпольский губернатор Ковалев получил из Гатчины телеграмму от Свиты Его величества генерал-майора великого князя Михаила Александровича:

«Рад был узнать о сформировании Татарского полка. Сердечно благодарю Вас, население города, представителей уездов и молодцов-джигитов за выраженные чувства. МИХАИЛ»³⁹.

В начале ноября 1914 г. Кавказская туземная конная дивизия была включена в состав 2-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Гусейн-хана Нахичеванского. Войдя вместе с Чеченским конным полком в состав 2-й бригады Кавказской туземной конной дивизии, Татарский конный полк зимой 1914/1915 г. участвовал в боевых действиях против австро-германских войск в Галиции и на Карпатах.

Примером боевого отличия азербайджанцев может служить описание сражения 15 февраля 1915 г. за стратегически важную деревню Брынь, когда полк «атаковал в лесу австрийцев, выбил их из ряда окопов и, несмотря на охват левого своего фланга и на дважды повторенные разрешения отойти, упорно держался на захваченном месте и своим упорством дал возможность разбить колонну австрийцев, обходящих правый фланг, чем обеспечил взятие деревни Брынь»⁴⁰.

Награжденный за этот бой орденом Св. Георгия 4-й ст. командир Татарского конного полка полковник Половцов в теле-

грамме Елисаветпольскому губернатору отмечал, что «Татарский полк первым из Туземной дивизии заслужил своему командиру Георгиевский крест. Гордясь высокой наградой, считаю ее исключительно лестной оценкой высоких воинских качеств и беззаветной отваги татарских всадников. Прошу вас принять выражение моего глубочайшего восхищения перед беспримерной доблестью мусульманских воинов Елисаветпольской губернии. Половцов»⁴¹.

В этом бою отличился и полковник принц Фазулла-мирза Каджар, который также был удостоен ордена Святого Георгия 4-й ст. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D2%E0%F2%E0%F0%F1%EA%E8%E9%EA%EE%ED%ED%FB%E9%EF%EE%EB%EA> – cite note-9. Уже 17 февраля 1915 г. полковник принц Фазулла-мирза Каджар был назначен командиром Чеченского конного полка, сменив погибшего накануне в бою командира полка полковника Святополк-Мирского.

Весной и летом 1915 г. ожесточенные бои развернулись в междуречье рек Прута и Днестра и на Днестре, в ходе которых полк понес значительные потери, но заслужил и очередные награды. Так, штабс-ротмистр Джелал-бек Султанов был посмертно награжден Георгиевским оружием 19 марта 1917 г. «за то, что в бою 25 августа 1915 г. у дер. Новоселка-Костюковка, командуя 3-й сотней, повел ее лично в атаку на окопы, занятые неприятельской пехотой на высоте 300 и, подавая собой пример беззаветной храбрости, первым ворвался в окопы. По занятии неприятельских окопов утвердился в них и отбил 2 атаки противника силой более батальона, нанеся противнику большой урон, чем способствовал всему отряду удержаться на имеющей важное значение позиции. Во время боя был ранен в руку, но остался в строю»⁴².

19 марта 1917 г. Георгиевским оружием также был награжден и ротмистр Татарского конного полка Павел Зверев, который «25 августа 1915 г. в бою западнее дер. Новоселка-Костюковка, командуя в чине штабс-ротмистра 2-й сотней и, являя пример высокой доблести, во главе сотни атаковал под убийственным артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем противника силою около 2 рот, занимавшего окопы на высоте 305, выбил его из окопов, закрепился на занятой позиции, отбил 2 контратаки и, несмотря на тяжелое положение сотни, твердо удерживал позицию, чем обеспечил положение 3-й сот-

ни и способствовал успеху всего отряда по выбитию противника из окопов на высоте 305»⁴³.

21 января 1916 г. по ходатайству командования войск Юго-Западного фронта всем полкам Кавказской туземной конной дивизии, в том числе и Татарскому, были высочайше пожалованы новые штандарты образца 1900 года⁴⁴.

В начале 1916 г. произошли большие изменения в командном составе дивизии. Командиром дивизии был назначен генерал-майор (генерал-лейтенант с 12 июля 1916 г.) князь Дмитрий Петрович Багратион. Начальником штаба дивизии стал командир Татарского конного полка полковник Половцов. Полковник Кабардинского конного полка, происходивший из старинного кабардинского княжеского рода, князь Федор Николаевич Бекович-Черкасский 25 февраля 1916 г. был назначен 2-м командиром Татарского конного полка.

Летом 1916 г. Татарский конный полк участвовал в успешном наступлении войск Юго-Западного фронта – знаменитом «Брусиловском прорыве». И офицеры, и рядовые полка проявляли чудеса храбрости и героизма.

31 мая 1916 года полковник Бекович-Черкасский, получив приказ выбить противника из дер. Тышковцы, лично повел в атаку под ураганным огнем австрийцев три сотни Татарского полка. В результате конной атаки деревня была занята. До середины дня австрийцы несколько раз пытались отбить Тышковцы, но безрезультатно.

Через некоторое время на выручку Татарскому полку подошли две сотни чеченцев полковника Каджара, два орудия конно-горного дивизиона и батальон пехотного Заамурского полка. В течение дня было отбито пять атак противника. Помимо 177 пленных австрийцы потеряли только убитыми 256 человек. За этот бой командир Татарского конного полка полковник князь Бекович-Черкасский был представлен к ордену Св. Георгия 3-й ст.

За бой 31 мая (13 июня) 1916 г. у дер. Тышковцы корнет Джемшид-хан Нахичеванский, который командовал разъездом в составе 10 всадников названного полка, когда взвод пехоты противника, охватив фланг наступавшей 1-й сотни полка, начал жестоко ее обстреливать, во главе своих людей бросился в атаку и, несмотря на сильный ружейный огонь, первым врубился в ряды

врага, который и был рассеян, а 1-й сотне дана возможность продолжать атаку, причем сам был дважды ранен»⁴⁵.

В конце 1916 г. Кавказская туземная конная дивизия в составе 9-й армии участвовала в боевых действиях Румынского фронта на территории Южной Буковины. В начале 1917 г. Кавказская туземная конная дивизия после тяжелых боев на Румынском фронте находилась на отдыхе в Бессарабии⁴⁶. В мае 1917 г. вновь произошли изменения в командном составе дивизии. 7 мая 1917 г. командир Чеченского конного полка азербайджанец полковник принц Фазулла-мирза Каджар за боевое отличие был произведен в генерал-майоры, а 30 мая того же года он был назначен командиром 2-й бригады дивизии в составе Татарского и Чеченского полков. 14 мая 1917 г. командир Татарского конного полка полковник князь Бекович-Черкасский был назначен командиром 1-го гвардейского Кирасирского полка. Командиром же Татарского конного полка 5 июля 1917 г. был назначен грузинский князь полковник Леван Луарсабович Магалов.

Летом 1917 г. дивизия вернулся в состав Юго-Западного фронта и принимает участие в последней наступательной операции русских войск на территории Галиции. В период летнего наступления войск Юго-Западного фронта Татарский конный полк в составе второй бригады действовал западнее гор. Станиславов.

В конце августа 1917 г. бывший верховный главнокомандующий генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов поднял мятеж, намереваясь установить в стране военную диктатуру. В своих целях он пытался использовать и части дивизии, которым были отданы приказы о движении на Петроград. Но плохо организованная операция привела к ее провалу. Так, например, как пишет в своих воспоминаниях П.А. Половцов, князь Магалов во главе Татарского конного полка «несся впереди, но принужден был остановиться, получив на то несколько категорических приказаний»⁴⁷.

После провала мятежа начальник Кавказской туземной конной дивизии князь Багратион с депутатами от полков дивизии был вынужден приехать в Петроград для объяснений с председателем Временного правительства. Депутатов прислали все полки Кавказской туземной конной дивизии за исключением Татарского конного полка, «отказавшегося послать делегатов на том основании, что, мол, извиняться нам нечего, ибо мы только

исполняли приказания начальников и, кроме того, прекрасно знали, на что шли»⁴⁸.

Тогда же, в конце августа, было принято решение переформировать Кавказскую туземную конную дивизию в Кавказский туземный конный корпус. С этой целью в состав дивизии были переданы Дагестанский и Осетинский конные полки.

После формирования корпус должен был быть направлен на Кавказ в распоряжение командующего Кавказской армией. Однако с этим не сразу согласился председатель Временного правительства Керенский, желавший держать Кавказский туземный конный корпус рядом со столицей. Но доводы начальников корпуса, одним из которых было настроение в полках, а также то, что если им не дадут эшелонов, то полки пойдут «домой походным порядком через всю Россию, и она этот поход не скоро забудет», заставили Керенского дать разрешение на отъезд частям корпуса на Кавказ, который и состоялся в сентябре 1917 г.⁴⁹

С августа по ноябрь 1917 г. корпус сменил трех командиров, в том числе и генерал-лейтенанта Петра Александровича Половцова, командовавшего корпусом в сентябре – октябре 1917 г. Командиром же 1-й Кавказской туземной конной дивизии стал генерал-майор принц Фазулла-мирза Каджар.

По возвращении на Кавказ полки Кавказской туземной конной дивизии дислоцируются в местах своего комплектования (Татарский конный полк – на территории Елисаветпольской губернии) и постепенно демобилизуются. Еще в октябре – ноябре 1917 г. командир корпуса генерал Половцов проводил смотры полков. Так, 24 октября он прибыл в Елисаветполь, где принял участие в заседании Мусульманского Национального Комитета. 26 октября, как было указано в одном из приказов корпусу, в колонии Еленендорф, возле Елисаветполя, он «смотрел Татарский полк». Однако к январю 1918 г. Кавказский туземный конный корпус фактически прекратил свое существование.

В конце 1917 г. решением Особого Закавказского комитета было начато формирование Мусульманского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Али-ага Шихлинского. Корпус в общих чертах был сформирован к концу апреля – началу мая 1918 г. В состав корпуса вошел и Татарский конный полк. После передислокации Мусульманского корпуса из Тифлиса в Гянджу корпус стал основой армии Азербайджанской Демокра-

тической Республики 1918–1920 гг., а Татарский конный полк – одним из ее формирований.

Но это уже другая история.

* * *

Воины Татарского конного полка были удостоены многочисленных боевых наград. Особо отличившиеся унтер-офицеры и рядовые всадники были награждены Георгиевскими крестами, несколько всадников полка стали полными Георгиевскими кавалерами, то есть награжденными Георгиевскими крестами всех четырех степеней.

А когда летом 1917 г. постановлением Временного правительства было разрешено «за подвиги личной храбрости и доблести» награждать «солдатскими» Георгиевскими крестами и офицеров, постановлением Георгиевской Думы Георгиевскими крестами 4-й ст. были награждены также командир Татарского конного полка полковник князь Леван Магалов, поручик Джемшид-хан Нахичеванский, корнеты князь Халит-бей Шервашидзе и граф Николай Бобринский.

Стоит отметить, что за годы войны через службу в Татарском конном полку прошло свыше шестидесяти офицеров разных национальностей. Более половины из них составляли русские офицеры, служили также азербайджанцы, грузины, кабардинцы, осетины, абхазцы; были офицеры украинского, немецкого, татарского, шотландского, французского и польского происхождения.

Шесть офицеров полка были удостоены ордена Св. Георгия 4-й ст., пять офицеров, в том числе двое азербайджанцев – корнет Джемшид-хан Нахичеванский и штабс-ротмистр Джелалбек Султанов, – были награждены Георгиевским оружием, причем, штабс-ротмистр Джелалбек Султанов – посмертно.

Азербайджанские по происхождению офицеры служили и в других полках Кавказской туземной конной дивизии, в которых также отличались высокими наградами. Так, среди награжденных Георгиевским оружием был и ротмистр Кабардинского конного полка Керим-хан Эриванский. Командир же Чеченского конного полка – азербайджанец принц Фазулла-мирза Каджар – за отличие в Татарском конном полку был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст.

Примечания

1. *Ибрагимбейли Х.М.* Россия и Азербайджан в первой трети XIX века: из военно-политической истории. Москва, 1969. С. 150.
2. *Гизетти А.Л.* Сборник сведений о Георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий Кавказских войск. Тифлис, 1901. Ч. II. Знаки отличий за боевые подвиги, пожалованные Кавказским войскам. С. 18.
3. Там же. С. 18.
4. Из записок Николая Николаевича Муравьева-Карского // Русский архив. 1894. Кн. 3. Москва, 1894. С. 378–416 (с. 379).
5. Шесть писем о Грузии и Кавказе, писанные в 1833 году Платоном Зубовым. 1834. С. 91–92.
6. *Ибрагимбейли Х.М.* Указ. соч. С. 252–253.
7. *Гизетти А.Л.* Указ. соч. С. 18–22.
8. Генерал-лейтенант князь Давид Осипович Бебутов (Окончание) // Военный сборник. Г. десятый. Т. LVI. № 7. Июль 1867 г. СПб., 1867. С. 109–140.
9. *Гизетти А.Л.* Указ. соч. С. 21.
10. Там же. С. 21, 70–71.
11. *Azərbaycan bayraqları. Kataloq. Bakı, 2005. S. 35–41.*
12. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XIV. Отделение 1. 1839. СПб., 1840. С. 202–203. № 12098.
13. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XV. Отделение 1. 1840. СПб., 1841. С. 59. № 13155.
14. *Нагдалиев Ф.* Ханы Нахичеванские в Российской империи. М., 2006. С. 93–94.
15. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XVIII. Отделение 1. 1843. СПб., 1844. С. 40–41. № 16473.
16. РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 4806. Л. 76–77.
17. *Гизетти А.Л.* Указ. соч. С. 22.
18. АКАК. Т. XI. Тифлис, 1888. С. 366, 393.
19. АКАК. Т. X. Тифлис, 1885. С. 811.
20. Русский инвалид, 2 мая 1844 г. № 97.
21. *Петин С.* Собственный Его Императорского Величества Конвой: Исторический очерк. СПб., 1899. С. 413.
22. Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 29 января 1857 г. № 9.
23. РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 13017. Л. 21–27; Ф. 970. Оп. 1. Д. 363. Л. 162–169; Русский инвалид. 20 января 1855 г. № 15.
24. *Гизетти А.Л.* Указ. соч. С. 21–22.
25. *Azərbaycan bayraqları. Kataloq. Bakı, 2005. S. 35–41.*

26. *Степанов В.С., Григорович Н.И.* В память столетнего юбилея Императорского Военного Ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия (1769–1869). СПб., 1869. С. 221.

27. *Исмаилов Э.Э.* Золотое оружие с надписью «За храбрость». Списки кавалеров 1788–1913. М., 2007. С. 313, 322.

28. Материалы для описания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. С планами. СПб., 1904. Т. I. С. 85–86.

29. *Гизетти А.Л.* Указ. соч. С. 55, 87.

30. *Azərbaycan bayraqları. Kataloq.* Bakı, 2005. S. 48–51.

31. *Гизетти А.Л.* Указ. соч. С. 24.

32. *Исмаилов Э.Э.* Золотое оружие с надписью «За храбрость»: Списки кавалеров. 1788–1913. М., 2007. С. 305, 406.

33. РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 3793.

34. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917. Минск, 2002. С. 63–64.

35. ГИААР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 81. Л. 2.

36. *Исмаилов Э.Э.* Георгиевские кавалеры – азербайджанцы. М., 2005. С. 210–211.

37. *Половцов П.А.* Дни затмения (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году). М., 1999. С. 15–16.

38. РГВИА. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 7. Л. 71.

39. РГВИА. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 8. Л. 17.

40. Высочайший приказ о военных чинах.

41. ГИААР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 82. Л. 36.

42. Высочайший приказ о военных чинах.

43. Высочайший приказ о военных чинах.

44. РГВИА. Ф. 3530. Оп. 1. Д. 131. Л. 12.

45. Высочайший приказ о военных чинах.

46. *Половцов П.А.* Дни затмения... С. 15, 61.

47. *Половцов П.А.* Там же. С. 196.

48. *Половцов П.А.* Там же. С. 197.

49. *Половцов П.А.* Там же. С. 199–201.

Казаков А.В.
(г. Нижний Новгород)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЙ ЧЕРКЕСИИ И КРЫМСКОГО ХАНСТВА

Как известно, Крымское ханство, являвшееся одним из последних осколков Золотой Орды, самостоятельно просуществовало непродолжительное время – с середины XV в. – до 1475 г., когда попало в вассальную зависимость от Османской империи. В такой зависимости Крымское ханство пребывало до очередной Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В ходе этой войны Крымский полуостров был занят русскими войсками, а по итогам Кючук-Кайнарджийского мира в 1774 г. Крымское ханство объявлено независимым государством. В 1783 г. произошло полное присоединение Крыма к России, с прекращением существования Крымского ханства как самостоятельной государственно-обособленной единицы.

На протяжении трех веков Крымское ханство, превратившееся в своеобразное «военно-паразитическое государственное образование», в значительной степени существовало за счет набегов на соседей и получаемых с них дани. Военно-феодалное ханство со слабо реформируемым государственным устройством было обречено и, рано или поздно, должно было прекратить свое существование.

Как писал известный специалист по Востоку профессор Смирнов В.Д., «...и раздор народностей, входивших в состав Крымского ханства, и нравственный характер членов господствовавшей в нем династии, а более всего опека, под которую взяла его при самом его образовании Оттоманская Порта, соз-

дали для него ложное, не обещавшее для него ничего прочного и благополучного в будущем положение...»¹. Далее он отметил: «Восемнадцатый век стал для Турции временем расплаты за все ее тяжкие исторические прегрешения перед другими народами, а для ее вассального Крымского ханства временем ближайшей подготовки к слиянию дальнейшей своей судьбы с судьбами России, только совершенно на иных основаниях и в иных видах, нежели с какими оно некогда подпало под верховенство Оттоманской Порты»².

С момента образования Крымского ханства неперенной во взаимоотношениях с ближайшими соседями его правителей оставалась агрессивная внешняя политика. Поползновения ханов Крыма напрямую затрагивали интересы Московского и Польско-Литовского государств, народов Северного Кавказа, в том числе черкесов, ногайцев, калмыков и др.

При непрекращающихся дворцовых интригах и переворотах в Османской империи и Крымском ханстве стабильными оставались ежегодные набеги на соседние народы. При этом разорялись и уничтожались города и поселения. Население подвергалось невиданным грабегам, тысячи людей уводились в рабство. Такая политика осуществлялась на протяжении всего существования Крымского ханства, вплоть до его включения в состав России.

Смирнов В.Д. отмечал: «И без того довольно сложные условия сохранения за собою власти крымскими ханами еще более усложнялись такими неровными, фальшивыми отношениями их к подвластным им народам, обитавшим вне Крымского полуострова. А все вместе взятое – не вполне выясненные географические и политические отношения ханства к Порте, беспокойный и строптивый дух татарских мурз и вообще ногайского населения, ненадежность подданства черкесских племен – представляло довольно мудреную задачу для хана, которому надо было согласовать все эти разнородные элементы, чтобы сохранить равновесие собственного положения. К этому еще неизбежно присоединялись семейные распри и родственное соперничество...»³.

1. Взаимоотношения Черкесии, Крымского ханства и Османской империи

Для понимания некоторых аспектов взаимоотношений Крымского ханства с Черкесией вообще и Кабардой, в частности, следует отметить, что они не ограничивались только их военным соприкосновением, а также разбоями и грабежами, чинимыми ханами Крыма на территории Черкесии и уводом в рабство пленников. В действительности спектр отношений носил более широкий, сложный и многоплановый характер. Отдельные проблемы этих взаимоотношений исследованы недостаточно и носят поверхностный характер.

Чтобы понять роль и значение Канжальской битвы, одной из масштабных в истории народов Северного Кавказа, необходимо проанализировать некоторые аспекты, предшествовавшие этому событию и связанные с условиями формирования Османской империи и Крымского ханства. Эти специфические условия формирования государств типа восточной деспотии стали активно влиять на характер их взаимоотношений с соседними народами.

Остановимся на роли субъективных (в большей мере) и объективных (в меньшей мере) факторов выстраивания взаимоотношений по цепочке Турция – Крым и Черкесия, тем более что в происходившем контакте двух, далеко не идентичных культур, во многом носившем антагонистический, прежде всего этнической психологии в системе ценностей и т.д. Вот какое послание, далекое от дипломатического, хамское по форме и оскорбительное по содержанию, примерно в 1546 г. отправил крымский хан Сахиб-Гирей на имя юного царя Ивана Васильевича IV: «Проклятый и отверженный беззаконник, московский пахарь, раб мой! Да будет тебе ведомо, что мы намерены были, разграбив твои земли, схватить тебя самого, запрячь в соху и заставить тебя сеять золу. Как мои предки поступали с твоими прадедами, так и я хотел поступить с тобою, даже еще более оказать тебе внимания: я, заковав тебе ноги в колодки, велел бы тебе копать отхожие места. Я бы показал твоё значение и сделал бы тебя посмешищем целому миру. Благодарю же Всевышнего Бога, что у тебя еще остался в этом мире кусок хлеба: этому причиной Бакы-бек, по вине которого не состоялась переправа че-

рез Оку; воссылай за него молитвы! Теперь я сначала убью этого волка, замешавшегося среди моих овец, зарюю его в навоз на заворках моего сада, а потом расправлюсь и с тобой»⁴.

Следующему хану, Девлет-Гирею, удалось добиться от Ивана Грозного обязательств по уплате ежегодной, в определенный срок доставляемой дани хану и вельможам как в виде денег, так и вещественных подарков, называемых по-татарски тышь – «поминок»⁵.

Большинство кавказских этносов, прошедших через традиционные верования и христианство, не могли одновременно принять ценности, в том числе и «исламские», которые якобы несли Турция и Крым населению Кавказа. При этом захват и увод турками и татарами в плен черкесов на территории за Жанэ до Кабарды, которую они рассматривали как место войны и причисляли к немусульманским народам, считались позволительным, в то время как в ряде других черкесских княжеств, как Жанэ и Бесленей, не желательными⁶.

Попытки со стороны царствующих домов Турции и Крыма с помощью военной силы навязать соседним народам свою систему ценностей, диктовать правила жизни даже в Средневековье, не могли не натолкнуться на противодействие народов, у которых существовали другие ценности, традиции и уклад жизни. Возможно, в том числе и по этой причине правители черкесских княжеств, включая и Кабарду, не по принуждению, а добровольно начиная с 1552 г., стали тянуться к Московской Руси.

В подтверждение своих слов приведем ряд примеров цивилизационно чуждых или не особо приемлемых для черкесов систем ценностей и традиций, которым следовали турки и крымские татары. Существовавшая на Кавказе более открытая система культуры и духовных ценностей, нежели в Турции и Крымском ханстве, в значительной степени регламентирование повседневной жизни нормами адата, в том числе почтительное, уважительное отношение к старшим по возрасту, с «незапамятных времен» считалось показателем уровня человека, его сути на Кавказе, в то время как туркам и крымским татарам это было чуждо. На Кавказе поднять руку на старшего, на брата, а тем более на отца было бы равносильно «самоубийству», да еще с позором на весь мир.

В Османской империи и Крымском ханстве, так же как и в большинстве восточных монархий, особенно у правящих кругов,

наличие гаремов с большим количеством жен и наложниц считалось показателем состоятельности. Это в свою очередь приводило к появлению многочисленного потомства и огромному количеству претендентов на наследство. Изначально уже был заложен обязательный конфликт внутри семьи в борьбе за престол. И здесь в ход шли изощренное восточное коварство, предательство, жестокость и другие низменные человеческие качества. Раболепие по отношению к монарху со стороны подвластных, высокомерное, чванливое и хамское отношение владельца, к подвластным культивировавшиеся в восточных деспотиях, по большому счету не являлись доминирующими элементами культуры взаимоотношений, не были приемлемы для гордых, воинственных и свободолюбивых кавказцев. Попытки выстроить такие отношения могли стоить жизни или всенародного позора.

В подтверждение остановимся на конкретных примерах, показывающих нравы, царившие при дворах османских султанов и крымских ханов. К примеру, османский престол в 1359 г. после смерти султана Орхана в результате борьбы занял его сын Мурад I. По его приказу были умерщвлены его братья Ибрахим и Халиль⁷. После гибели самого Мурада I на Косовом поле в 1389 г. престол занял его сын Баязид I, позднее прозванный Молниеносным, «человек жестокий, высокомерный и до безумия преданный самым постыдным порокам». Первым делом он приказал задушить своего брата, дабы избежать возможной борьбы за престол и только после этого продолжил дело отца и сломил сопротивление сербов⁸. При этом превращенная в вассала Турции Сербия должна была ежегодно выплачивать огромную дань двору султана⁹. Позднее, в 1402 г., самого султана Баязида I разбил и захватил в плен среднеазиатский правитель Тимур, который всюду возил его за собой в зарешеченном паланкине. В следующем, 1403 г., Баязид, узнав о том, что его собираются отправить на показ в Самарканд, отравился¹⁰.

Потомок отуреченных монголов Тимур, эмир одного из осколков бывшей империи Чингисхана, жестокость которого была патологической и граничила с садизмом, ознаменовал свое единоличное правление казнью бывшего своего сподвижника, чингизида Хусейна, эмира Балха в 1370 г. После этого начались его кровавые походы. Мечом и огнем он прошелся по территории турок в Средней и Малой Азии, а также по Ирану, Кавказу

и Сирии, уничтожая города и села, «обезлюдев всю Азию». При этом он выстраивал башни из десятков тысяч черепов пленников, а также женщин и детей, жителей поверженных городов¹¹.

Занявший престол в 1451 г. Мехмед II, отличавшийся коварством, невероятной жестокостью, находивший удовольствие в самых изысканных пытках, без малейшего колебания нарушавший свои клятвы, беспощадно уничтожил всех возможных конкурентов¹². Самого Мехмеда II по приказу сына Баязида в 1481 г. отравил личный врач¹³. В свою очередь, Баязида II в 1512 г. сверг его сын Селим I, следом приказавший задушить трех своих братьев и десятерых племянников¹⁴. Через г., после прихода к власти, в 1513 г., Селим I дал указание составить списки шиитов. В результате 45 тыс. действительных и мнимых последователей шиизма в возрасте от 7 до 70 лет были уничтожены¹⁵. Ставший султаном в 1520 г. Сулейман II Великолепный, которому были присущи неопишущая жестокость, подозрительность и коварство, приказал в 1566 г. задушить собственных старших сыновей Баязида и Мустафу (последнего прямо на глазах султана), которые могли стать конкурентами будущему султану Селиму II по доносу матери последнего, Роксоланы¹⁶. В 1808 г. в результате переворота, организованного принцем, который стал султаном Мустафой IV, был задушен предыдущий султан-реформатор Селим III, низложенный в 1807 г.¹⁷ Через несколько месяцев самого Мустафу IV сверг и стал султаном его брат Махмуд II¹⁸.

Крымские ханы во многом подражали своим сюзеренам. Так, Сахиб-Гирей, правивший в 1532–1551 гг., учредил высший военный штат так называемых капы-куду, которые представляли совершенное подобие турецких янычар и также комплектовались из военнопленных, преимущественно черкесов¹⁹.

Здесь невозможно обойти события, предшествовавшие крымско-османской экспансии на Кавказе. Французский исследователь Рене Груссе о событиях XIII в. и завоеваниях монголо-татар пишет: «... по выходе из кавказских ущелий, на пороге вольной степи, монголов внезапно атаковали объединенные силы горцев: лезгинов, черкесов, аланов, древнего народа ирано-скифской расы, исповедовавшего христианство и жившего на берегах Терека и Кумы, а также кипчаков, тюрок, оставшихся «язычниками», то есть немусульманами, кочевавших по южнорусской степи вплоть до Волги. Коалиция представляла собой

силу внушительную, но сообразительные баатуры сумели ее развалить, уговорив кипчаков, таких же, как они сами, тюрко-монголов, ведущих скитальческую жизнь. «Зачем, – сказали они им, – вам объединяться с вашими естественными врагами, христианами и мусульманами, против нас, ваших братьев, уроженцев Верхней Азии?» Чтобы добиться от кипчаков нейтралитета, к этническому аргументу Джебэ и Субутай присовокупили довод еще более весомый: они уступили им часть военной добычи. Оставленные сами по себе аланы и горцы потерпели поражение. Но, как и следовало ожидать, монголы тут же обратили свое оружие и против кипчаков. Разбив «родственников» в пух и прах, они отобрали у них все, в том числе и свои подарки»²⁰.

Другой французский исследователь, Жан-Поль Ру, о событиях конца XIV в. пишет: «Поход по восточноевропейским просторам стал для Тимура ... прогулкой, во время которой по его слову возводились пограничные столбы из человеческих останков и костей. Ровно четыре месяца, вплоть до 26 августа (1395 г. – А.К.), он безостановочно двигался вперед. Его рати, поднявшись вверх по Волге, остановились в ста десяти километрах от Булгара, столицы тюрк-болгар, после чего они повернули на запад. В Ельце Тимур внезапно взял курс на юго-запад, разграбив все, что встретилось на пути. Затем он спустился по Дону и вступил в Тану (Азак), крупную итальянскую торговую колонию в устье Дона. Поощадив в тот раз мусульман, Великий эмир обрушил свою мощь на христиан: одних уничтожил, других обратил в рабство, не преминув разграбить церкви и монастыри. Оттуда он ушел на Кубань, где разорил все, что мог, несмотря на знаменитую храбрость черкесов (сиркасов); и, в очередной раз, опустошив Грузию, возвратился в исходную точку»²¹.

Естественно, что нравы, царившие во дворцах Османской империи, как и собственные традиции, имевшие место в бывшей Золотой Орде, переносились в Бахчисарай, где периодически происходили перевороты при дворе крымских ханов. Смирнов В.Д. писал: «Турки усвоили такую систему: они завели у себя резервный штат кандидатов на ханское звание из Гиреев, которых они по мере надобности отправляли в Крым и сажали на ханский престол, сменяя одних лиц другими сообразно с обстоятельствами и собственными выгодами»²².

В условиях, когда в силу дворцовых традиций Востока, в гаремах «плодились» в огромном количестве чингизиды – Гирей,

а перед глазами постоянно стояли нравы Турции, как отмечал Смирнов В.Д., «...только в Турции да в Крыме варварское, бесчеловечное избиение родственников воцарявшегося властителя, даже малолетних, практиковалось систематически, а в Турции возведен был в своего рода закон, санкционированный готовой к услугам деспотизму юридической казуистикой»²³.

Так, в 1532 г. ханский престол занял Сахиб-Гирей, который расправился с другим претендентом Ислам-Гиреем через своего друга ногайского князя из рода Мансур Баки-бея, которого позднее казнил. Разгромив 12-тысячное войско, попытавшегося отомстить за отца Али-бея, Сахиб-Гирей велел сложить из голов убитых триумфальную пирамиду²⁴.

В 1551 году был свергнут хан Сахиб-Гирей, которого вместе со всем семейством, в том числе малолетними сыновьями, собственноручно задушил другой чингизид – калга Булюк-Гирей²⁵. Девлет-Гирей, став ханом, в том числе благодаря калге Булюк-Гирею, который истребил всю семью Сахиб-Гирея, сам собственноручно убил Булюк-Гирея²⁶.

Смирнов В.Д. подчеркивает также шаткость положения любого хана: «Путаница отношений и непрочность положения множества ханов так были велики», что очередной хан, «сидя на княжеском престоле, уже заблаговременно запасался убежищем на тот случай, если его прогонят»²⁷.

Можно отметить, что насилие являлось главным принципом традиционной соционормативной культуры правителей Турции и Крыма. Они же, в свою очередь унаследовали эту культуру от своих предшественников – татаро-монгольских завоевателей.

В Черкесии же, в том числе в результате знакомства с европейской цивилизацией – древними греками и их потомками византийцами, гунуэзцами, Древней Русью и т.д., сложилась культура, в значительной степени отличная от турецко-крымской культуры. Отдавая себе отчет в разрушительной природе насилия, традиционная адыгская культура особое внимание обращала на опасность насилия и серьезность любого вида схваток²⁸.

Если сравнивать поверхностно институт семьи в Турции и Крыму, где мало-мальски состоятельный мужчина мог иметь несколько жен и наложниц, и у адыгов, то можно отметить, что даже у привилегированных сословий двоеженство, многоженство являлось исключением, нежели правилом, и редкая княже-

ская или дворянская семья могла быть названа многодетной. Это оказывало влияние на демографию и семейные ценности. Тем не менее контакты Крымского ханства с элитой различных черкесских княжеств с разной степенью интенсивности продолжались на протяжении всего периода существования ханства. Так, Смирнов В.Д. писал: «Едва ли надо доказывать, сколь высоким уважением и значением пользовалось у тюркских народов звание аталыка; в свое время кавказское племя *бесленей* считало как бы своим монопольным правом воспитание детей Крымских ханов»²⁹. Продолжая далее, он отмечает: «Крымские ханы издавна привлекали в свое подданство и распоряжение воинственных черкесов»³⁰.

В 60–80-х гг. XVI в. черкесские жанеевские князья играли значительную роль в политической жизни Крыма в правление Девлет-Гирея I в контексте резкого усиления позиций Москвы на Северном Кавказе, закрепленного установлением родственных связей Темрюка с Иваном IV. Однако после того, как отношения Кабарды с Московским государством укрепились, жанеевские князья, как «не справившиеся со своей задачей» по большому делу оказались не у дел³¹.

«Наряду с родственно-дружелюбными отношениями крымских ханов к одним черкесским племенам у них вечно продолжались нелады с другими»³³. Угодить «ненасытным» ханам и вельможам практически было невозможно. Смирнов В.Д. тонко подметил: «Не довольствуясь дарами, которые платили кабардинцы невольниками каждому новому хану под именем «подарка», «приходного» или в разное время под именем «погрешного», ханы, увлекаемые жаждой еще большей наживы, делали беспрестанные набеги на бедных черкесов, придираясь ко всякому случаю и невзирая на явную покорность их»³⁴.

Однако эти набеги довольно часто завершались для Гиреев неудачно, а некоторым стоили жизни. К таким рискованным набегам, кроме личной корысти, побуждала ханов еще необходимость задаривать дорогими черкесскими невольниками и невольницами вельмож Османской империи, чтобы с их поддержкою прочнее сидеть на ханском троне. Эти расчеты, как показывает история, обыкновенно оказывались тщетными: сила обстоятельств и естественный ход вещей делали свое дело роковым образом, вопреки воле и желаниям пасынков фортуны – ханов крымских³⁵.

О том, каким способом крымские ханы вмешивались и решали внутричеркесские дела, красноречиво свидетельствует Смирнов В.Д.: «Ислам-Гирей III (1648–1687) в самом начале своего царствования разрешил распри двух черкесских жанеевских князей, «длившиеся еще со времен Бегадыр-Гирей-хана. Дело началось с того, что Бегадыр-Гирей-хан отдал своего маленького сына на воспитание беку Антонаку, сделав его аталыком. Тогда брат его Хакшумак, предполагая, что теперь Антонаку будет отдана во власть вся Черкесия, пошел на Антонака, разбил и разорил его. Антонак принес на него жалобу Бегадыр-Гирей-хану. Хан послал отряд войск под начальством Ислам-аги схватить Хакшумака. Но Хакшумак бежал к азовскому бею Сиявеш-паше, который не только не выдал его хану, но еще донес о нем в Порту, и по распоряжению Мустафа-паши Хакшумак был представлен султану и был удостоин целования руки последнего, и ему была возобновлена грамота на владение в черкесском жанеевском княжестве, которая была дарована ему еще в царствование султана Ахмеда I (1603–1617). При крымском хане Мухаммед-Гирее Хакшумак пользовался расположением и вниманием благодаря посредничеству ханского визиря Кайду-аги. Когда взошел на ханство Ислам-Гирей, Хакшумак раньше других черкесских князей явился к новому хану, чтобы опередить своего брата Антонака и отомстить ему, пригласив хана на пир в свои владения. Но Антонак, будучи смышленным человеком, ловко повел интригу, сделав какие-то обещания хану и заручившись помощью умных людей в государстве. Хан казнил Хакшумака, а черкесское управление отдал Антонаку. Кроме того, по внушению последнего, он разгромил владения Хакшумака, увел множество черкесов в плен, получил также несметные подарки от Антонака, подчинил опять своей власти Черкесию (жанеевцев. – А.К.) в конце 1644 г.»³⁶.

Сколько ханы ни предпринимали походов для приведения всех черкесов в свое подданство, но им все-таки не удалось этого сделать. Вся зависимость черкесов заключалась в дарах, поставляемых каждому вновь вступающему на престол хану в виде 300 пленников, мальчиков и девочек...³⁷.

Для придания отношениям черкесов и Крыма видимости «зависимости», в качестве главнокомандующего на черкесской земле должен был находиться один из крымских царевичей. В чем заключалась деятельность этого последнего, из истори-

ческих источников доподлинно неизвестно. Знаем только, что само пребывание там было возможно при поддержке владельцев княжеств Бесленей и Жанэ³⁸.

Другие же черкесские земли предпочитали полную независимость от Крыма. Они-то и были предметом постоянных завоевательных стремлений некоторых ханов³⁹.

В какой степени черкесы успели сохранить свою независимость, явствует из того, что даже в последние годы существования Крымского ханства они мало обнаруживали участия к тому, что происходило на Таврическом полуострове. Тщетно поэтому Шагин-Гирей мечтал одно время создать с помощью черкесов самостоятельную крымскую монархию⁴⁰. Но и утверждения турецких султанов о том, что черкесы исконно являются подданными Оттоманской империи, не имели под собой никакого определенного политического обоснования⁴¹. Несмотря на пошатнувшиеся основы под Османской империей, «несчастья не образумили вовремя ее деятелей: в ней продолжал по-прежнему царить дух интриги, продажности и анархии в правившем классе»⁴².

Весной 1707 г. крымского хана Гази-Гирея сменил Каплан-Гирей⁴³. Как пишет Ю. Клапрот, Каплан-Гирей, хан Крыма, двинулся с мощной армией против кабардинцев, проник в Кабарду, но был разгромлен и возвратился домой с большими потерями⁴⁴. В 1708 г. по требованию султана крымский хан Каплан-Гирей при поддержке османского беглербега Кафы вторгся в Кабарду. Он ультимативно потребовал от владетелей Кабарды покориться и выдать 3 тыс. юношей и девушек. Но кабардинцы, оставив селения и укрыв скот и имущество, заняли выгодные для обороны позиции в тесных горных ущельях. В то время, когда Каплан-Гирей готовился к штурму, кабардинцы сами пошли в атаку. Произошла кровопролитная битва, войска хана вынуждены были отступить. Вскоре, получив подкрепление, крымский хан предпринял новый поход на Кабарду. Однако и на этот раз крымцы потерпели поражение, а сам хан спасся бегством. В этих походах погибло свыше 30, по другим – до 100 тыс. крымских татар. Османский историк того периода и приближенный султанов, Фындыклылы (Фундуклуду писал): «Никогда не слыхано было такого их избияния»⁴⁵.

Как указывает российский историк XIX в. Смирнов В.Д., «нового хана Каплан-Гирея (1707–1709) погубил неудачный поход

на черкесов. Стремление поживиться богатым ясырем с них под предлогом мести за убийство Шегбаз-Гирея и, главное, опасение потерять доход с откочевавших подальше кабардинцев в такое в особенности бездоходное время, побуждали хана к осуществлению задуманного им похода. Сперва, еще ... весной 1707 года, он отправил калгу своего Менгли-Гирея уговорить черкесов вернуться в прежнее место жительства; но тот, проштатавшись там до зимы, вернулся без всякого толка. Тогда Каплан-Гирей решил в следующую весну отправиться сам. ... Каплан-Гирей собрал огромное полчище... Оттоманское же правительство, вероятно, обрадовавшись, случаю хоть чем-нибудь занять тяготившихся бездействием и лишь производивших мятежи и волнения крымцев, не только дало свое соизволение на предпринятый поход, но еще предписало кафскому бейлербею Муртаза-паше присоединиться со своим штабом к ханской кампании. Ближайшая цель похода была выжить кабардинцев из их нового поселения и вернуть их на прежнее местожительство у Беш-Тау»⁴⁶.

Известный востоковед Рыжов К. пишет, что пришедший в 1707 г. к власти с помощью интриг и при покровительстве великого визиря Порты Каплан-Гирей предпринял поход «против отпавших черкесов». «Война эта закончилась полной неудачей – черкесы ночью предприняли неожиданное нападение на вражеский лагерь и перебили большое количество татар. Сам хан едва спасся бегством к ногаям, а крымцы обратились с просьбой прислать к ним нового хана»⁴⁷.

А вот как это событие описывает вышеуказанный Смирнов В.Д.: «Предприятие, однако же, имело плачевный исход. Сперва, глава кабардинский Кургук-бек (имеется в виду князь Кургоко Атажукин. – А.К.) присылал к хану послов с предложением увеличения дани ясырем и драгоценными вещами, только с условием не трогать их. Но когда мирные предложения были отвергнуты, то несчастные черкесы прибегли к хитрости и произвели ночью внезапное нападение на ханский лагерь, перерезав тех, кто не успел спастись бегством»⁴⁸.

Турецкий историк Фундуклуду в статье об отставке Каплан-Гирея и назначении во второй раз ханом Девлет-Гирея писал: «Когда крымские ханы вновь назначались, то у черкесских беков было правило набирать 300 человек ясыря и отдавать новому хану под именем подарка. Крымский же хан Каплан-Гирей не

удовольствовался этим количеством ясыря, настаивая на своем слове: «Меньше трех тысяч пленных не беру». Тогда черкесские эмиры посоветовались и говорят: «Хотя и такое количество ясыря отдавать водилось у нас в обычае, но только ведь до сих пор в 15–20 лет один хан был сменяем; теперь же каждый г. новый хан – чьих же детей мы будем отдавать? Особливо теперь: большинство народа черкесского освящена благодатью ислама; в каждой деревне, в каждом селе строятся соборные и приходские мечети и школы; исправно совершается пятикратная молитва и идет обучение юношества; дозволено ли в священном законе полонить целое полчище народа мухаммеданского, подобно воюющим гяурам, и отсылать к вашему присутствию? Есть ли соизволение Божие на такое притеснение? Пожалуйста, уж извините; а иначе никак невозможно». Такой категорический ответ и послали они. А Каплан-Гирей-хан собрал татарское войско, переправился из Керчи на противоположную сторону, т.е. в Тамань, а оттуда пошел в Кабарду. Черкесские беки пустились на хитрость и сказали: «Мы дадим то количество ясыря; а вы удерживайте татар; дайте нам три дня срока и подождите, пожалуйста». Гордый хан согласился на их просьбу и расположился в одной долине, предавшись несказанному разгулу и пьянству. Черкесы же с разных сторон сделали внезапное ночное нападение и столько татар изрубили саблями, что никогда не слыхано было такого их избиения, и исчезли. Большая часть именитых и отличных мужей Крыма погибла. Гордый хан едва спасся с несколькими из своей свиты и попал к ногаям: стыдно ему было показаться в Крыму. Крымцы донесли о случившемся в Порту и просили себе нового хана»⁴⁹.

Подробности этого события есть и у турецкого историка Рашида-эфенди. С этими же данными в полной мере перекликается «Предание о свержении кабардинцами ига крымских татар», приводимые в Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК), XXXIII, отд. III на с. 45–49, изданные в Тифлисе в 1903 г.⁵⁰

Кабардинский исследователь начала XX в. Кудашев В.Н., автор «Исторических сведений о кабардинском народе», выпущенной в 1913 г. к 300-летию Дома Романовых, указывает со ссылкой на фонды «Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел. Дела Кабардинския. 1559–1748. Выписки о Кабар-

дах Большой и Малой», (с. 41) пишет: «...крымский хан Каплан-Гирей сделал нападение на кабардинскую землю в 1705 г. (в действительности это имело место в 1708 г., т.к. Каплан в 1705 г. еще не был ханом. – А.К.) с намерением завоевать и присоединить к Крыму. Кабардинцы, однако, отразили это нападение». При этом расчет делался на то, что русским войскам под командованием Петра I, потерпевшим неудачу в Прутском походе, будет не до Кабарды; Турции же и Крыму это обстоятельство должно было способствовать.

Однако, неудача 1708 г. Крыма и ее созерена – Турции – не остановила их в своих притязаниях на Кабарду. Смирнов В.Д. в своем фундаментальном исследовании пишет: «Пример Каплан-Гирея, поплатившегося за чрезмерно-хищнические замыслы против черкесов, не остановил его преемника Сеадет-Гирея. В начале 1720 г. Сеадет-Гирей испросил у Порты разрешения произвести набег на черкесов, которое и дано ему было... Хану вместе с разрешением пожаловано было еще под именем «расходных» – *харджлык* – от султана 8000 гурушей, и отдан был приказ о присоединении к татарской ханской армии вспомогательных сил из войск османских, расположенных в пределах Крыма. Хан, получив полномочие ведать все дела черкесские по своему усмотрению, с многочисленным войском вторгся в Кабарду и провел там около двух лет. В кратком турецком очерке Крымской Истории и у г-на Говордза говорится, что Сеадет-Герай во время этого похода попал в плен и после возвращения из плена был низложен...»⁵¹.

Как писал Кумыков Т.Х., «в 1720 г. войско хана Сеадет-Гирея, насчитывавшее до 40 тыс. человек, вторглось в Кабарду. Хан требовал от кабардинцев для возмещения убытков, понесенных во время предыдущей крупномасштабной кампании 1708 г., 4000 ясырей (пленников), «да сверх того, чтоб за все заплатили, что в то число, как войско ханское побили и взяли добычи коней, ружья, панцирей и прочего». Кабардинцы отказались выполнить эти требования, заявив, что «они еще никогда у хана под владением не были, истари, как деды их и отцы, так и они, служат царскому величеству в подданстве»⁵².

Смирнов В.Д. о событиях 1720 г. пишет: «Сеадет-Гирей в 1720 году пошел в Кабарду с крымским войском по «наводке» старшего сына своего Салих-Герая, который воспитывался у ка-

бардинцев, и говорил: «Кроме сынов Кайтук-бека все с нами». «Благодаря оплошности черкесов, они достигли в центре Кабарды местечка Кызбурун. Тогда кабардинские князья Кайтукины подняли народ, и объединившись с Джембулатовыми, избрали местом своей стоянки Кашка-тау. Крымский хан послал Бахты-Гирея опустошить окрестности Кашка-тау, но практически ничего не добился. Затем бывшие в повиновении князья набрали несколько невольников и тем заставили хана вернуться»⁵³.

События 1720 г. свидетельствует о том, что, с одной стороны, в результате Канжальской битвы, крымские ханы на целых двенадцать лет лишились желания и возможности безнаказанно совершать грабительские походы в Кабарду, а с другой – о нежелании большей части Кабарды подчиняться каким-либо ультиматумам со стороны крымских ханов и их покровителям в лице турецких султанов.

Внимательное изучение различных источников позволяет сделать однозначный вывод о том, что Крымское ханство и Османская империя на протяжении всего своего существования прилагали значительные усилия для удержания, пусть даже в номинальной зависимости черкесских князей. Для достижения этого правящие круги не брезговали никакими средствами: от применения силы до заключения браков, игравших в подавляющем большинстве случаев политическую роль. Широко использовалась практика подкупа отдельных влиятельных владельцев и приобретения прокрымского и протурецкого лобби, противопоставление одних князей другим с конечной целью ослабления изнутри и подчинения Черкесии вообще и Кабарды, в частности. Противопоставляя одних владельцев другим, крымцы и турки пытались претворить в жизнь политику «разделяй и властвуй». Здесь они больше всего преуспели, сумев расколоть черкесских князей на приверженцев России и на приверженцев Крыма и Турции, погрузив в пучину междоусобицы, что не было столь характерно до начала экспансии Турции и Крыма на Северном Кавказе.

И еще один аспект. Попытки получения крымскими ханами, приходившими к власти в результате дворцовых переворотов, «даров» с кабардинских князей последними, в свою очередь, частично перекадывались на зависимых от кабардинских князей соседних народов. Крымским ханам, поднаторевшим в интри-

гах, таким образом, удавалось «вбить клин» между Кабардой и соседями, тем самым подрывая единство и ослабляя их.

2. Крымские Гирей в Черкесии

Как пишет Смирнов В.Д., «расплодившиеся в ту пору потомки Чингиз-хана всюду ютились, где только их принимали: мало ли их проживало и у нас, на Руси, и в Польше, и в Литве!»⁵⁴.

Так, при своем повторном назначении на ханство Мухаммед-Гирей I (1666–1671) решил истребить всю семью своих конкурентов – Чобан-Гиреев. Узнав об этом, проживавшие в Крыму члены этой семьи, бежали к абазам и черкесам⁵⁵.

Другой представитель Гиреев – Шегбаз-Гирей, сын Селим-Гирей-хана, – почувствовав угрозу для жизни, под предлогом охоты удалился в Черкесию (в 1699)⁵⁶.

Спустя несколько лет, в начале XVIII в., еще один чингизид – Девлет-Гирей, при котором не осталось никого, кроме 30 или 40 приверженцев, с которыми он, не отважившись вернуться в Крым, прямо устремился в сторону Ени-Калэ и, переправившись на Таманский полуостров, ушел к черкесам. За ним вдогонку был послан нур-эд-дин Каплан-Гирей с письмом, убеждавшим его добровольно вернуться в Румелию. Каплан, дойдя до самой таманской переправы, не достиг Девлет-Гирея, уже успевшего бежать в Кабарду. Через некоторое время, в мае–июне (все даты приводятся по старому стилю. – А.К.) 1703 г., для возвращения его был командирован калга Гази-Гирей с целым военным отрядом, но благоразумный Девлет-Гирей не довел дела до открытого столкновения, потому что, вероятно, не хотел подвергать неприятностям давших ему приют черкесам и написал отцу просьбу о помиловании, которая милостиво была принята им⁵⁷.

Случалось и так, что в критические моменты члены Гирейской фамилии, даже сами ханы, искали убежища у тех самых черкесов, на которых они в другое время нападали по самым ничтожным поводам⁵⁸. Потомков, нашедших ранее приют в Черкесии представителей рода Гиреев, адыги (черкесы) называли «Хануко», что по-русски означало «ханычи», или «сыновья хана». Их причисляли к почетному сословию «султан», с правами местных князей, но, как правило, у них не было своих аулов и подвласт-

ных. Они чаще всего роднились с западочеркесскими князьями (реже – с кабардинскими), в частности, с шапсугами Могуковыми, бжедугскими князьями Ахеджаковыми и т.д., а также с ногайскими мурзами. Сословная их принадлежность со временем трансформировалась в фамилию.

«Султаны пришли на Кавказ из Крыма после того, как у местных народов утвердились народные обычаи и внутреннее управление. По этому обстоятельству султаны не имели ни поземельной собственности, ни подвластных народов...

Первые пришедшие на Кавказ султаны водворились на Ходзе, между абазинцами и бесленеевцами, откуда впоследствии переходили к тем туземным племенам, к которым принадлежали их воспитатели (аталыки), вследствие чего и составились различные роды султанов.

Война крымских татар с кабардинцами отразилась в том обстоятельстве, что султаны никогда не имели с ними никаких родственных союзов и не приезжали в Кабарду из опасения кровомщения».

В подтверждение справедливости слов В.Д. Смирнова, о нахождении приюта Гиреями в Черкесии, приведем биографические сведения на небольшую часть представителей этого многочисленного дома.

Поручик *Султан Аган-Гирей*. По данным на январь 1841 г., ему было 29 лет от роду (1812 г.р. – А.К.), по происхождению из крымских ханов, сын полковника (позднее ставшего генерал-майором Азамат-Гирея), магометанского вероисповедания, «российский язык, арифметику, из алгебры до уравнения первой степени, древнюю историю, всеобщую географию, фехтование и черкесский язык» знает. В службу вступил кадетом 29 октября 1830 г. в 1-й Кадетский корпус, по окончании произведен в корнеты с зачислением в лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон 13 июля 1832 г. Произведен в поручики 1 января 1837 г. Неоднократно получал монаршие благоволения за смотры и парады, за линейные ученья (1836, 1838, 1840 гг.). На момент составления формулярного списка был холост»⁵⁹.

Полковник (позднее генерал-майор, младший брат полковника Хан-Гирея) *Султан Адиль-Гирей*. Из формулярного списка о службе состоящего при Кавказской армии, составленного в 1859 г., следует, что ему 37 лет, происходит из крымских султа-

нов, вероисповедания магометанского, в службу вступил рядовым 16 января 1839 г. Произведен в 21 г. в корнеты с зачислением по кавалерии и с состоянием при командовавшем войсками на Кавказской линии и Черномории 27 января 1840 г. Переведен в лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон 6 июля 1841 г. Произведен в поручики 15 апреля 1845 г. Назначен адъютантом к главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом 26 ноября 1847 г. Произведен за отличие по службе в штабс-ротмистры 3 апреля 1849 г. с оставлением при прежней должности. Отчислен от должности адъютанта с назначением состоять при Отдельном Кавказском корпусе 12 марта 1850 г. Произведен в майоры 18 ноября 1850 г. с переводом в Варшаву в Кавказский конно-горский дивизион. Назначен командующим Кавказским конно-горским дивизионом 27 ноября 1851 г., вступил в командование дивизионом 16 января 1852 г. За отличие по службе произведен: в подполковники 20 октября 1852 г., полковники – 10 сентября 1856 г. В походах и делах против неприятеля находился: с 26 января 1839 г. по 20 октября 1840 г.; в экспедициях за Кубань под начальством командовавшего Черноморскою линиею генерал-лейтенанта Завадовского; 11 октября 1841 г. награжден орденом Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость». 23 февраля 1844 г. командирован в гор. Варшаву при верховых лошадях Его императорского величества. 23 февраля 1844 г. отправлен на Кавказ, где в 1845 г. участвовал в экспедиции против горцев. За отличное мужество и храбрость, оказанные в делах против горцев, 14 марта 1845 г. награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. С 10 августа по 14 сентября 1847 г. вновь в экспедициях против горцев в составе Самурского отряда. За отличие в делах награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. 30 сентября 1847 г. В 1848 г. (с 6 июня по 28 августа) находился в Дагестанском отряде под начальством г.-л. князя Аргуинского-Долгорукова, с 14 января по 8 февраля 1849 г. – в зимней экспедиции на Левом фланге Кавказской линии под начальством генерал-лейтенанта Нестерова; с 12 июня по 3 сентября 1849 г. – в Дагестанском отряде. За отличие, оказанное во время осады аула Чох в 1849 г., награжден орденом Св. Анны 2-й ст. 6 августа 1850 г. императором австрийским пожалован кавалерским знаком Леопольда 3-й ст., королем прусским – орденом Красного Орла 3-й ст., на принятие и ношение которых последовало Высочайшее соизволение 26 сентября

1853 г. За отличие по службе награжден орденом Св. Станислава 2-й ст. 13 июня 1856 г.⁶⁰; 30 июня 1859 г. в чине полковника назначен состоять по Военному министерству с оставлением при Кавказской армии и зачислением по армейской кавалерии⁶¹.

Поручик *Султан Адиль-Гирей*. Из краткой записки, составленной на 12 июня 1907 г. на поручика 1-го лейб-драгунского Московского полка, следует, что он родился 24 августа 1875 г., сын поручика из Кубанской области, магометанского вероисповедания. Образование получил: общее домашнее и в Тверском кавалерийском юнкерском училище по 2-му разряду. В службу вступил в 1-й лейб-драгунский Московский Его Величества полк на правах вольноопределяющегося 2-го разряда рядового звания 18 октября 1893 г. Произведен в унтер-офицеры 6 декабря 1894 г., в эстандарт-юнкеры – 12 октября 1897 г., корнеты – 16 декабря 1898 г., поручики – 15 марта 1903 г. Прикомандирован к Тверскому юнкерскому кавалерийскому училищу 27 октября 1906 г. на вакансию сверхштатного младшего офицера. Был женат на Елене Степановне Туган-Барановской. Детей не имел⁶².

Генерал-майор *Султан Азамат-Гирей*. Из формулярного списка, составленного на 4 февраля 1848 г., следует, что ему 59 лет, происходил из крымских ханов султанского происхождения, магометанского вероисповедания, «российской грамоте читать и писать умеет». Был в походах против закубанских народов в 1810 г., находился в сражениях и «оказал отличную храбрость». За отличное усердие на пользу службы пожалован чин капитана 11 ноября 1811 г. (в 24 года) и зачислен в войска Кавказского корпуса 11 ноября 1811 г., переименован в ротмистры 25 мая 1828 г. с назначением командиром в лейб-гвардии в Кавказско-Горский полуэскадрон. Произведен в полковники 6 декабря 1829 г. Назначен состоять по кавалерии при Отдельном Кавказском корпусе 23 января 1835 г. Произведен в генерал-майоры 18 октября 1837 г. В бытность его в С.-Петербурге награжден орденом Св. Анны 3-й ст. и бриллиантовым перстнем 9 марта 1828 г. Был в походе в Царстве Польском с 31 июля 1830 г.; 19 августа, присоединясь к действующей армии, поступил в конвой к Его Высочеству великому князю Михаилу Павловичу, командиру Гвардейского корпуса. 25 и 26 августа 1831 г. находился в деле при занятии приступом Варшавских укреплений; был награжден орденом Св. Анны 2-й ст. и серебряной медалью. За отлич-

но-усердную службу награжден орденом Св. Станислава 2-й ст. 19 ноября 1832 г. За отличие, оказанное в деле против горцев 15 июля 1843 г. на речке Яксык под начальством командующего войсками на Кавказской линии и Черномории расположенных Гурко, пожалован орден Св. Станислава 1-й ст. Награжден орденом Св. Анны 1-й ст. 12 марта 1848 г. Имел знак Польского ордена за военное достоинство 3-й ст. Был женат, имел сына-подполковника (позднее – полковник) Аган-Гирея, состоявшего по кавалерии при Отдельном Кавказском корпусе. Имел холопов: родовых – 15 душ обоего пола, благоприобретенных – 15 душ обоего пола и подвластных⁶³.

Брат полковника Черкесского конного полка Крым-Гирея *Султан Давлет-Гирей*. Из копии автобиографии, составленной в 1913 г., усматривается, что он родился 30 декабря 1875 г. в ауле Тлюстен-Хабль (Дворянский аул) Екатеринодарского отдела Кубанской области. По происхождению принадлежал к крымским ханам Гиреям; первый предок, оставивший Крым и переселившийся на Кавказ, – это Ислам Гирей. «Первое местожительство его на Кавказе было около древнего черкесского селения Туапсе или даже в самом Туапсе, где он и умер. Сын Ислам-Гирея – Сагад-Гирей – также жил и умер в этом селении. Затем внук его, Аслан Гирей, переселился в ныне Екатеринодарский отдел. Во время экспедиции генерала Бибикова против Анапы в конце 18-го столетия Аслан-Гирей был убит. По его смерти им было оставлено духовное завещание, по которому его сыновья: старший – Магомет и младший – Каплан-Гирей – должны были принять русское подданство в случае, если Анапа будет взята русскими. Через несколько лет Анапа была взята графом Гудовичем. После этого, старший, Магомет-Гирей, вместе с малолетним Каплан-Гиреем явились к Гудовичу и заявили ему, что, согласно завещанию отца, принимают русское подданство. Гудович донес об этом императрице Екатерине II, которая в ответ на это прислала особую грамоту, коим разрешила Магомет-Гирею и Каплан-Гирею поселиться на правом берегу Кубани вместе с народом из дворян и крестьян черкесских. После этого Магомет-Гирей поступил на русскую службу и служил при государях Павле I и Александре I; умер в 1821 г. в чине полковника. Каплан-Гирей также служил в рядах русских войск и умер в 1847 г. У Магомет-Гирея было 4 сына: 1-й – Крым-Гирей – убит в чине майора в Закавказье

при взятии гор. Эривани графом Паскевичем-Эриванским; 2-й – Хан-Гирей – был полковником и флигель-адъютантом, умер в 1842 г. В последнее время он командовал Собственным конвоем императора Николая I; 3-й – Сагад-Гирей – служил гвардейским офицером, умер в чине полковника в 1856 г.; 4-й – Адиль-Гирей служил в гвардейских частях, был генерал-майором Свиты Его Величества Императора Александра II и генералом особых поручений при наместнике Кавказа великом князе Михаиле Николаевиче. Умер в Тифлисе в 1876 г. У младшего брата Каплан-Гирея (моего деда) был один сын – Салат-Гирей – мой отец. Он состоял офицером особых поручений при наместнике Кавказа великом князе Михаиле Николаевиче. В пятилетнем возрасте я вместе с отцом уехал в Египет, где был оставлен у молочного брата отца моего, Магомет Сабит Нахус-паши, министра двора Египетского хедива. В Египте я прожил 9 лет и возвратился на Кавказ в 14-летнем возрасте. Затем, через несколько месяцев, по желанию своего отца, который хотел дать мне образование ориенталиста, я уехал в Константинополь. Там я, по рекомендации и при посредничестве посла Нелидова, поступил, как рускоподданный, в кавалерийское училище, в котором окончил курс в 1895 г. с чином корнета. По окончании училища я возвратился в Россию, но затем с высочайшего государя императора Николая II соизволения, по совету русского посла Нелидова и по настоянию султана Абдул-Гамида, лично знавшего меня, я прослужил в турецкой армии три года. Служил я в Уланском (Эртогруль), собственном полку Абдул-Гамида. Затем, в последствии некоторых для меня неблагоприятных обстоятельств, как рускоподданного, и вследствие шпионажа, царившего при султанском дворе, я порвал всякие сношения с турецкой военной жизнью. С 1898 г. по 1901 г. – путешествовал по Европе для изучения языков, истории и литературы. В 1901 г. приехал сюда на Кавказ, и все время занимался изучением быта и этнографии кавказских племен. В 1909 г., после турецких переворотов, желая участвовать в рядах турецкой армии при разрешении критского вопроса, я написал в Турцию военному министру Махмуду Шевкет Паше, как бывшему своему профессору, письмо с изъяснением своего желания – воевать в рядах турецкой армии. В ответ получил от него приглашение, но с тем, однако, условием, чтобы на это было получено разрешение государя императо-

ра. Для выяснения своего положения я обратился к наместнику Кавказа графу Воронцову-Дашкову. Граф Воронцов-Дашков отнесся сочувственно к моим намерениям и написал собственноручное письмо министру Двора барону Фридриксу с тем, чтобы он доложил о моем намерении государю императору. В скором времени из канцелярии Министерства императорского двора от 2 сентября 1909 г. за № 8738 мною было получено извещение, что государем императором не встречается препятствий для моего поступления на турецкую военную службу. 10 октября 1909 г. я отправился в Турцию, проездом через Ливадию, где в то время пребывал государь император; я виделся с министром Двора бароном Фридриксом, который сочувственно отнесся к моим намерениям и пожелал, чтобы моя служба в турецкой армии послужила бы и на пользу России. В Турции я был принят радушно. Султан Магомет V меня принял в аудиенции. Мне предлагали должность инспектора Государственного коннозаводства. Однако постоянные волнения и перевороты в Турции привели меня к убеждению, что в Турции нет благоприятных условий для мирной и культурной жизни. Турция еще не созрела до степени высшего политического организма; кроме того, к себе, как к русскоподданному, я не встречал должного доверия. Затем, как человеку, имеющему связи с русским высшим обществом, а также и с турецким высшим обществом, а также и с государем императором и Султаном Магометом V, мне вообще не создавалось благоприятных условий для пребывания в Турции. Все это вместе взятое побудило меня покинуть Турцию и отправиться путешествовать по Европе. Из поездки по Европе я возвратился сюда, на Кавказ, в 1911 г., где теперь занимаюсь изучением истории и этнографии нашего родного края. В настоящее время я состою действительным членом в следующих культурно-просветительных и благотворительных обществах: 1. Доно-Кубано-Терском сельскохозяйственном обществе. 2. Императорском музыкальном обществе. 3. Обществе любителей изучения Кубанской области. 4. Крымско-кавказском горном обществе. 5. Обществе борьбы с туберкулезом. 6. Екатеринодарском художественном кружке. 7. Черкесском благотворительном обществе. 8. Корреспондентом и сотрудником Кубанского войскового исторического музея⁶⁴. Был в числе «особых deputаций», направленных в Петербург от горских областей Терской и Кубанской областей

для принесения государю императору верноподданных поздравлений по случаю празднования 300-летия царствования Дома Романовых в 1913 г.⁶⁵

Генерал-майор *Султан Казы-Гирей*. Из формулярного списка о службе штабс-ротмистра лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона, составленного на 1 января 1841 г., следует, что ему 33 года от роду; происходил из Закубанских султанов, вероисповедания магометанского. «Российской грамоте читать, писать и по-татарски говорить умеет». В службу вступил рядовым в 7-й Карабинерный полк (позднее переименован в Эриванский карабинерный полк) 26 ноября 1826 г. Произведен в унтер-офицеры 1 января 1827 г., в юнкеры – 1 апреля 1830 г. с переводом в лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон; в корнеты – 1 мая 1832 г., поручики – 1 января 1837 г., штабс-ротмистры – 27 декабря 1839 г. За отличие в сражении против польских мятежников награжден золотой медаль с надписью «За храбрость» на Георгиевской ленте для ношения на шее, имеет знак Польского ордена за военные достоинства 5-й ст. и серебряную медаль за персидскую войну 1826, 1827 и 1828 гг. В 1827 г. под начальством корпусного генерала Паскевича-Эриванского был в походе от сборного места близ сел. Шулавер к монастырю Эчмиадзину и при переходе через горы Акзибиюк и Безобдан с 12 мая по 8 июня, с 15 по 25 июня – от монастыря Эчмиадзина до гор. Нахичевани, 28 – от Нахичевани, 29 – при рекогносцировке крепости Аббас-Абад, с 1 по 8 июля – при осаде и сдаче указанной крепости. С 20 по 29 июля от Аббас-Абада до сел. Кабарды, 9 сентября – при движении на Араксе до сел. Керчаша, с 14 по 20 сентября – при осаде и взятии крепости Сардар-Абад. 7 декабря 1830 г. выступил из С.-Петербурга в конвое 1-го отделения Главной императорской квартиры под командою штабс-ротмистра Хан-Гирея в г. Вильно. Находился в делах в Царстве Польском против мятежников с 25 февраля по 15 ноября 1831 г. С 15 апреля 1836 г. по октябрь 1838 г. состоял временно на службе в Тифлисе под личным начальством командира Отдельного Кавказского корпуса. На момент составления формулярного списка холост. Имел вместе с матерью несколько крестьян и разное имущество. По расстроенному здоровью находился на Кавказских минеральных водах с 3 мая по 3 ноября 1834 г.⁶⁶

Поручик *Султан Каты-Гирей*. Из доклада по Инспекторскому департаменту от 23 марта 1846 г. следует, что он происходил

от бывших крымских (султанских) татар. Ему от роду 56 лет. В службу вступил в 1809 г. в Нижегородский драгунский полк (позднее переименован в Вюртембергский). Был в походе против турок в 1809 г. В полку прослужил 6 лет и 9 месяцев. По увольнении от службы Высочайшим соизволением отправлен в Англию для окончания образования. Жил на казенный счет и учился в Лондонской академии и Эдинбургском университете. В 1822 г. возвратился в С.-Петербург и отправился с Высочайшего дозволения в Таврическую губернию и поселился в гор. Симферополе. Получал пособие на свое содержание по 6 тыс. руб., построил дом и купил небольшой дуг (18 десятин), развел виноградный сад на южном берегу близ деревни Гурзуф; приобрел лесную дачу при деревне Демерджи. Был женат на шотландке Анне, имел 4 сыновей и 4 дочерей. Одна из дочерей была фрейлиной двора Ее императорского величества, в 1844 г. вышла замуж за барона Герздорфа и вместе с ним жила в Крыму. Другие две дочери воспитывались в Одесском Институте благородных девиц и по окончании воспитания возвратились к нему. Два сына поступили в 1838 г. в Павловский кадетский корпус, а два, по малолетству, находились при нем⁶⁷.

Генерал-майор Белой армии *Султан Келеч-Гирей*. Из послужного списка штабс-ротмистра Кавказского запасного кавалерийского дивизиона, составленного на 14 января 1910 г., следует, что родился он 15 марта 1880 г.; из горцев Кубанской области, магометанского вероисповедания. В службу вступил в 18-й драгунский Северский полк вольноопределяющимся 12 сентября 1897 г. Окончил курс полковой учебной команды «успешно» 30 мая 1899 г. Командирован в Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище для прохождения курса 5 августа 1899 г. Произведен в младшие унтер-офицеры 16 ноября 1900 г., старшие унтер-офицеры – 20 января 1901 г. На состязательном фехтовании на призы награжден первым призом – шашкой – 13 июля 1901 г.; на призовой езде юнкеров удостоен записи на мраморную доску в манеже училища также 13 июля. Произведен в эстандарт-юнкеры 31 августа 1901 г., корнетом с переводом в 12-й уланский Белгородский полк 28 декабря 1901 г. Назначен начальником полковой учебной команды с 18 января 1905 г. по 1 июня 1907 г. Произведен в поручики 1 сентября 1905 г. Награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. 29 января 1906 г. Назначен

полковым адъютантом с 20 мая 1906 г. по 29 декабря 1907 г. По собственному желанию переведен в Кавказский запасной кавалерийский дивизион 13 декабря 1907 г. За отличную подготовку молодых солдат награжден золотым жетоном 4 июля 1909 г. Произведен в штабс-ротмистры 1 сентября 1909 г. Командирован в офицерскую кавалерийскую школу на младший курс 13 октября 1909 г. На момент составления послужного списка Султан-Гирей – холост⁶⁸. 9 сентября 1914 г. ротмистр Келеч Шаханович Султан-Гирей переведен из 12 уланского Белгородского полка в Черкесский конный полк. Произведен в подполковники в 1913 г., полковники – 7 июля 1916 г. Награжден орденами: Св. Анны 3-й ст. 10 декабря 1911 г., Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом 9 января 1915 г., Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом 21 ноября 1915 г., Св. Анны 4-й ст. «За храбрость» 19 июля 1916 г.⁶⁹

Штабс-ротмистр (позднее полковник Черкесского конного полка и председатель дивизионного Совета Кавказской туземной конной дивизии) *Султан Крым-Гирей*. Из послужного списка, составленного на 2 января 1907 г., следует, что родился он 28 ноября 1876 г., из потомков крымских Гиреев, магометанского вероисповедания. Образование получил домашнее и военное в Тверском кавалерийском юнкерском училище. В службу вступил в 9-й драгунский Елисаветградский полк на правах вольноопределяющегося 2-го разряда рядового звания 28 августа 1896 г. Командирован в Тверское кавалерийское юнкерское училище для прохождения курса 3 сентября 1896 г., зачислен в списки училища 5 сентября. Переведен в старший класс и произведен в ефрейторы эскадрона юнкеров с назначением и. д. ст. унтер-офицера 14 августа 1897 г. Произведен в мл. унтер-офицеры 5 ноября 1897 г., переименован в эстандарт-юнкера 5 августа 1898 г. Произведен в корнеты 10 октября 1899 г., в поручики – 15 марта 1903 г. Прикомандирован по климатическим условиям на 1 г. к 1-му Екатеринодарскому полку Кубанского казачьего войска 8 октября 1903 г., переведен в Терско-Кубанский конный полк с переименованием в сотники 7 июня 1904 г. Прибыл в полк в гор. Ляоян 1 июля 1904 г. За отличия в бою 18–19 июля 1904 г. у Ляюлина награжден орденом Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» 18 сентября 1904 г., за отличия в делах против японцев на р. Шахэ с 25 сентября по 3 октября 1904 г. награжден орденом Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом 18 ноября 1904 г., за отличия

в бою под Ляояном с 12 по 25 августа 1904 г. награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом 3 ноября 1904 г., за разновременные отличия в делах против японцев – орденом Св. Станислава 2-й ст. с мечами 19 мая 1905 г.; за отличия в боях с японцами с 2 по 11 мая 1905 г. – орденом Св. Анны 2-й ст. с мечами 26 июня 1905 г.; за отличия в делах с японцами 8 февраля 1905 г. при взрыве Ханченского железнодорожного моста – орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом 29 августа 1905 г. Назначен полковым казначеем 15 октября 1905 г. Прибыл в составе полка в Терскую область в гор. Владикавказ (место расформирования полка) 5 февраля 1906 г. Награжден светло-бронзовой медалью в память Русско-японской войны 21 января 1906 г. Переведен на службу в 9-й драгунский Елисаветградский полк 10 апреля 1906 г. Произведен в штабс-ротмистры 1 сентября 1906 г. Был в делах и походах против японцев в 1904–1905 гг., ранен и контужен не был. С 30 мая по 1 сентября 1902 г. командирован в железнодорожную бригаду для изучения телеграфного и подрывного дела. Холост⁷⁰. Из аттестации подполковника Черкесского конного полка Султана Крым-Гирея, составленной за 1915 г., следует, что он родился 28 ноября 1876 г., магометанского вероисповедания. Образование получил домашнее; в Тверском кавалерийском юнкерском училище окончил курс по 1-му разряду и в офицерской кавалерийской школе с отметкой «успешно». В первом офицерском чине с 1 сентября 1898 г. Произведен в ротмистры 2 ноября 1914 г., в подполковники – 10 февраля 1915 г., назначен помощником командира полка по строевой части 19 июля 1915 г. Награжден орденами: Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом 15 декабря 1905 г., Св. Анны 2-й ст. с мечами 13 апреля 1906 г., Св. Станислава 2-й ст. с мечами 16 апреля 1906 г., Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом 12 ноября 1906 г., Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость». Принимал участие в компании 1904–1905 гг.; в бою 29 мая 1915 г. был контужен в голову с ослаблением слуха и остался в строю. Командир Черкесского конного полка полковник князь Чавчавадзе дал Крым Султан-Гирею следующую характеристику: «Безусловно, храбр. В бою спокоен, разумен, приказанья отдает ясно, коротко. Отлично ориентируется в боевой обстановке. С большой инициативой. В грудные минуты боя не теряется. Совершенно подготовлен для командования казачьим полком». Произведен в полковники 23 сентября 1916 г.⁷¹

Прапорщик *Султан Мурат-Гирей*. Из краткой записки 3-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска, составленной на 20 февраля 1916 г., следует, что он родился 20 февраля 1892 г., сын поручика, уроженец Кубанской обл., магометанского вероисповедания. В службу вступил охотником в 3-й Запорожский полк 28 июля 1914 г. Произведен в старшие урядники 11 сентября, произведен в прапорщики 14 октября 1914 г. Награжден Георгиевской медалью 4-й ст. 1 ноября 1914 г., Георгиевским крестом 4-й ст. – 19 ноября 1914 г.; орденами: Св. Анны 4-й ст. 16 марта 1915 г., Св. Станислава 3-й ст. 16 января 1916 г.⁷²

Поручик *Султан Тахтамыш-Гирей Михаил Михайлович*. Из послужного списка составленного на 12 октября 1911 г., следует, что он родился 8 ноября 1870 г., происходил из крымских султанов, уроженец гор. Пятигорска, сын майора и князя, вероисповедания римско-католического. Воспитывался в Николаевском кавалерийском училище. В службу вступил из кадет по окончании полного курса в Тифлисском кадетском корпусе, прикомандированном к Николаевскому кавалерийскому училищу 30 августа 1889 г. Зачислен юнкером рядового звания 14 сентября 1889 г. Приказом Главного начальника военно-учебных заведений от 23 сентября 1889 г. переведен в Николаевское кавалерийское училище. Произведен в унтер-офицерское звание 7 августа 1890 г., во взводного портупей-юнкера 5 декабря 1890 г. По окончании курса наук по 1-му разряду произведен в корнеты 5 августа 1891 г., зачислен в 45-й драгунский Северский полк 18 августа 1891 г., переведен в 44-й драгунский Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича полк 5 ноября 1893 г. Назначен временно командовать 3-м эскадроном с 18 декабря 1894 г. по 16 января 1895 г. Произведен в поручики 15 марта 1895 г. Зачислен в запас армейской кавалерии (по Пятигорскому уезду) 25 февраля 1896 г., назначен сверхштатным младшим обер-офицером для особых поручений при начальнике Терской обл. и наказном атамане Терского казачьего войска 4 декабря 1908 г. Переименован в сотники с зачислением по тому же войску 17 февраля 1909 г. Причислен к Главному управлению государственного коннозаводства с переименованием в поручики и с зачислением по армейской кавалерии 20 марта 1910 г. Назначен исправляющим должность штаб-офицера для особых поручений 7-го класса при Главном управлении коннозаводства с 20 марта 1910 г. В походах и делах

против неприятеля не был. Был женат на княжне Родам Ростовне Абашидзе, имел дочь Елизавету, 16 сентября 1915 года рождения. Жена и дочь православного вероисповедания⁷³.

Полковник *Хан-Гирей Крым-Гирей Мамат-Гиреев*. Из формулярного списка командира л.-гв. Кавказско-Горского полуэскадрона, составленного на 1 января 1841 г., следует, что ему 34 года от роду, происходит из крымских султанов, магометанского вероисповедания. На земле Войска Черноморского Екатеринодарского округа имеет подвластных черкес мужского пола 6 и женского пола 7 душ. «Российской и турецкой грамоте читать и писать умеет и черкесский язык знает». В службу вступил сотенным есаулом в Войско Черноморское 20 января 1825 г.; за отличие при р. Араке произведен в хорунжие (в 19 лет) с зачислением в 1-й конный полк 3 сентября 1827 г., в сотники – 19 июля 1828 г. Зачислен в л.-гв. Казачий полк с переименованием в поручики 18 октября 1828 г., переведен в л.-гв. в Кавказско-Горский полуэскадрон 13 января 1830 г. Произведен в штабс-ротмистры за отличие в сражении против польских мятежников 9 июля 1831 г. Назначен командиром л.-гв. Кавказско-Горского полуэскадрона 13 ноября 1832 г. Произведен в ротмистры 2 июля 1833 г., полковники – 1 января 1837 г. Назначен флигель-адъютантом к Его Императорского Величества 18 апреля 1837 г. с оставлением [должности] командира полка. Был награжден орденами: Св. Станислава 2-й ст.; Св. Владимира 4-й ст. с бантом (15 февраля 1832 г.); Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1830 г.). Имел Знак отличия Военного ордена Св. Георгия под № 46270; серебряные медали: за персидскую войну 1826, 1827 и 1828 гг. и турецкую войну 1828 и 1829 гг. Знак отличия польского ордена за военные достоинства 4-й ст. и прусский орден Красного орла 3-й ст. В походах и делах был: в экспедиции за Кубанью при истреблении черкесских и абазинских жилищ с 5 по 27 мая 1825 г.; против персидских войск с 26 декабря 1826 г. по 20 января 1827 г., с 18 мая по 20 ноября 1827 г.; против турок с 8 апреля 1828 г., с 3 по 14 мая во время осады крепости Анапы; с 19 по 29 мая против черкес и других горских народов, делавших вылазку из крепости; с 12 июня по 9 сентября 1828 г. – в походе к крепости Варне и ее осаде. С 18 января по 15 августа 1830 г. – против горских народов Кавказа; с 17 января по 15 февраля 1831 г. – в Царстве Польском⁷⁴.

К концу XIX в. Гирей, отнесенные к сословию «султаны», только в Екатеринодарском уезде Кубанской области проживали в хамышеевских аулах Глюстень-хабль, Бжегокай; шапсугских – Псейтук и Хаштук. Насчитывалось в этих четырех черкесских аулах «султанов» по далеко не полным данным не менее 18 человек мужского пола⁷⁵. В абазинских аулах Баталпашинского уезда проживало 5 семей, насчитывавших 8 душ мужского пола⁷⁶. Это не считая проживавших в других уездах и отделах Кубанской и Терской областей и Ставропольской губернии.

Обосновавшись в Черкесии, многие султаны поступали на российскую военную службу, участвовали в различных военных кампаниях, в том числе в «усмирении непокорных горцев». Из их числа вышло 5 генералов (Менгли-Гирей, Азамат-Гирей, Адиль-Гирей, Казы-Гирей, Келеч-Гирей), около 10 полковников и десятки офицеров русской службы, в т.ч. один полный кавалер Георгиевских крестов (Байзет-Гирей), три кавалера золотого (Георгиевского) оружия с надписью «За храбрость» (Сагат-Гирей, Казы-Гирей, Байзет-Гирей).

Отдельные из очеркесившихся султанов внесли достойный вклад в дело становления в регионе науки, культуры, просвещения. К ним можно отнести ярких публицистов: полковника Хан-Гирея, его брата генерал-майора Адиль-Гирея, генерал-майора Казы-Гирея, есаула Инат-Гирея, полковника Крым-Гирея и его брата Доулет-Гирея и др.

И еще один аспект. Отдельные потомки ханов, когда-то пытавшихся «приобщить» народы Северного Кавказа к исламу, со второй половины XIX в. сами нередко становились «ренегатами», принимая кто православную, а кто – католическую веру.

3. Черкесы в Крыму

По мнению Смирнова В.Д., «случалось иногда, что некоторые черкесы в трудные для них времена, как, например, при утеснении их калмыками, искали в Крыму себе убежища, переселяясь туда целыми племенами»⁷⁷. Таким образом, имело место двустороннее движение, в первую очередь, представителей правящих слоев. К сожалению, о перемещениях представителей

менее знатных фамилий в силу известных причин сохранилось меньше документальных свидетельств.

Вместе с тем имеются сведения о некоторых черкесах, обосновавшихся в Крыму. Из доступных материалов не ясно, что послужило причиной для переселения в Крым в 1709 г. одновременно двух черкесских князей, ставших родоначальниками фамилий Балатуковых и Хункаловых. А поскольку черкесы были известны и востребованы в первую очередь как военные люди, с присоединением Крыма к России появились две российские офицерские династии: Балатуковых и Хункаловых «из черкесских князей», верой и правдой служивших России. Представители этих «черкесских княжеских фамилий» не покинули Крым в годы массовых переселений татар из Крыма в 1774–1784, и в 1855–1861 гг.

«Род Балатуковых был издавна известен в Крыму. *Аджи Бекир Бей Болатин*, прадед ставшего генералом Кая Бея, владетельный князь Кабарды, прибыл в Крым в 1709 г. и служил министром финансов во время правления Каплан-Гирея. В 1753 г., при хане Селим-Гирее эту почетную должность занимал сын Аджи Бекир Бея – Умер Бей. Сын последнего, Мемет Бей, отец Кая Бея, был министром финансов Крым-Гирея в период его первого правления (1758–1764) и при последнем хане Шагин-Гирее, а после присоединения Крыма «пожалован статским советником»⁷⁸. Вероятнее всего, Балатуковы, скорее всего из черкесского княжества Темиргой, а не Кабарды.

Вот что пишет крымско-татарский исследователь М.В. Масаев, который посчитал своим долгом «показать роль и несомненные заслуги генерал-майоров русской армии Кая Бея Балатукова и Ахмет-бея Хункалова, восстановить историческую справедливость, возвратить эти имена из бездны забвения, в котором они незаслуженно оказались»⁷⁹.

При этом М.В. Масаев с использованием публикаций первого крымско-татарского дореволюционного военного историка И.М. Муфтизаде и привлечением многочисленных документальных материалов из фондов Государственных архивов Одесской области и Автономной Республики Крым пишет, что «среди звездной плеяды крымско-татарских генералов, служивших в русской армии, можно выделить генерал-майоров Кая Бея Балатукова, Батыра Челеби Муфтизаде, Ахмет-бея Хункалова, Чин-

гисхана. В их ряду особенно выделяются двое: Кая Бей Балатуков (Болатуков) (1774–1827) и Ахмет-бей Хункалов (1766–1842)»⁸⁰.

Генерал-майор князь Балатуков Кая Бей Мемет-беевич, происходивший «из черкесских князей», начал службу подпоручиком Севастопольского мушкетерского полка 3 июля 1793 г., затем – в Греческом корпусе. Произведен в чин поручика 6 марта 1798 г., штабс-капитана – 3 июля 1798 г., капитана – 28 ноября 1800 г. Вышел в отставку в звании майора 29 декабря 1801 г. и «служил по выборам», а в 1803–1806 гг. – предводителем симферопольского уездного дворянства. При формировании Симферопольского конно-татарского полка 19 июня 1807 г. назначен командиром этого полка; 10 января 1812 г. потомок черкесских князей Кая Бей (он же Кирилл Матвеевич) Балатуков произведен в подполковники. В период Отечественной войны 1812 г. награжден орденами Св. Анны 2-й ст., Св. Владимира 3-й и 4-й ст. «За отбитие у неприятеля орудий» во время Тарутинского сражения 8 октября награжден 31 декабря 1812 г. высшей военной наградой – орденом Св. Георгия 4-й ст., а 28 марта 1813 г. стал полковником. За умелое командование и личный героизм, воинское отличие при блокаде и взятии крепости Данцига ему пожалованы высокое звание генерал-майора и прусский военный орден «Пурламерит» («За заслуги») 7 декабря 1813 г. Награжден орденом Св. Анны 1-й ст. 21 января 1826 г. Владел русским, греческим, французским и татарским языками, знал географию, историю, алгебру, геометрию, физику. Был женат на дочери капитана Катырша-бея Ширинского (представителя одного из четырех могущественных родов (карчи) – Ширин, в свое время основавших Крымское ханство) – Шах-Султан-Ханим. Семья Балатукова имела имения при разных деревнях Симферопольского, Евпаторийского и Феодосийского уездов – до 40 000 десятин пахотных и сенокосных земель, но постоянно проживала в дер. Катырша Сарай Феодосийского уезда, где ему принадлежали фруктовые сады, а в Симферопольском уезде при дер. Черкез Керман (пер. с татарского как Черкесская крепость) – лесные угодья. У генерала были два сына: Мемет-бей (был женат на дальней родственнице, дочери поручика *Балатукова Казы-бея* – Зейнеп-Султан Балатуковой) и Батыр-бей. Единственная дочь Сайде-Султан была замужем за бывшим военным историком И.М. Муфтизаде ⁸¹.

Генерал Кая Бей Балатуков, один из самых богатых помещиков Таврической губернии, был известным хлебосолом. Ряд авторов, в частности, знаменитый крымский ученый А.И. Маркевич, авторитет которого в научных кругах весьма высок, считает, что великому русскому поэту А.С. Пушкину в период его пребывания в Крыму легенду, послужившую основой «Бахчисарайского фонтана», мог подсказать именно генерал Балатуков. История таинственной любви Крым-Гирея была хорошо известна Балатукову, так как его отец занимал высокую должность при дворе крымских ханов во времена строительства мавзолея Диляры-Бикеч⁸².

Генералу Балатукову принадлежала идея создания лейб-гвардии крымско-татарского эскадрона. Ставший его зятем И.М. Муфтизаде писал: «Со дня расформирования полков (имеется в виду после Отечественной войны 1812 г. – А.К.) у первого боевого генерала из крымских татар Кая-Бея Балатукова зародилась мысль, как бы оградить навсегда крымцев от могущей пасть на них когда-нибудь рекрутской повинности, для чего и возбудил он ходатайство об утверждении постоянной гвардейской части из татар Крыма (по примеру Донского и Уральско-го казачьего войска) за боевую службу в Отечественную войну. Долголетняя бытность его в армии, масса товарищей его, как по корпусу, так и по боевым бивакам среди высокопоставленных лиц, способствовали ему и дали возможность осуществить этот проект крымско-гвардейского эскадрона, чему также помог приезд Императора Александра I в Крым в 1825 г., так как Кая-Бей все время находился в свите и сопровождал Государя по всему Крыму». Он приложил громадные усилия, все свои связи и влияние, использовал личную дружбу с российским императором Александром I ради положительного решения вопроса о создании лейб-гвардии крымско-татарского эскадрона⁸³.

Первым командиром созданного лейб-гвардии крымско-татарского эскадрона стал брат генерала Кая-Бея, герой Отечественной войны 1812 г., награжденный золотым оружием за воинское отличие 13 сентября 1812 г., подполковник князь *Балатуков Адиль-бей*, вскоре произведенный в полковники. 16 марта 1828 г. командир эскадрона Адиль-бей Балатуков по болезни ушел в отставку, а на его место был назначен полковник князь Ахмет-бей Хункалов. Эскадрон принял участие в начавшейся в

том же году очередной русско-турецкой войне. За осаду и взятие крепости Варна крымцы вместе с лейб-гвардии Сводно-казацким полком получили серебряные трубы⁸⁴.

Родственник генерала – коллежский асессор князь *Балатуков Измаил-бей*, исполнявший должность Таврического (Крымского) губернского предводителя дворянства, по ходатайству Херсонского военного губернатора Высочайше награжден золотыми часами, осыпанными алмазами, за активное участие в формировании татарских полков в 20 мая 1808 г., один из которых (Симферопольский) возглавил Кая-Бей Балатуков⁸⁵.

В Крыму под командованием ротмистра *Балатукова Омер-бея*, часть лейб-гвардии Команды крымских татар обороняла Севастополь и участвовала в действиях на Черной Речке в отряде генерал-лейтенанта Рыжова во время Крымской (Восточной) войны в 1853–1856 гг. Разъезд полуэскадрона отличился 25 сентября 1854 г., сняв на Мекензиевой горе пикет английских гвардейских драгун и захватив в плен одного офицера и пятерых солдат. Позднее полковник князь Омер-бей Балатуков с 1862 по 1864 г. командовал лейб-гвардии эскадроном крымских татар⁸⁶.

Прапорщик *Балатуков Али-бей*. Из послужного списка младшего унтер-офицера, составленного на 1913 г., следует, что он родился 26 сентября 1885 г., происходил из потомственных дворян магометанского вероисповедания. Окончил Керченскую Александровскую гимназию (аттестат от 4 июня 1907 г.), зачислен на службу согласно его прошению на Высочайшее имя в 51-й пехотный Литовский полк вольноопределяющимся 1-го разряда на собственном содержании в 7-ю роту 1 октября 1912 г. Заболел и находился в Симферопольском местном лазарете с 13 по 18 декабря 1912 г.; вновь заболел и отправлен в приемный покой с 13 по 25 января 1913 г. Произведен в младшие унтер-офицеры 14 августа 1913 г. Командирован в Севастополь для держания экзамена на чин прапорщика запаса 30 августа 1913 г., по выдержании экзамена прибыл в полк 1 сентября 1913 г. Награжден медалью в память 300-летия царствования Дома Романовых. На момент составления списка был холост. Из рапорта командира 51-го пехотного Литовского полка начальнику 13-й пехотной дивизии о производстве в прапорщики запаса младшего унтер-офицера Али-бея Балатукова следует, что он по национальности татарин. Из аттестации унтер-офицера 51-го пехотного Литовского полка Али-бея Балатуко-

ва, составленного 4 сентября 1913 г., следует, что он признается достойным производства в прапорщики запаса армейской пехоты. Высочайший приказ последовал 2 января 1914 г.⁸⁷

Ротмистр *Балатуков Владимир Али-беевич*. Из аттестации, составленной в 1917 г. на штабс-ротмистра Крымского конного полка, летчика 4-го авиаотряда следует, что он родился 20 февраля 1888 г., евангелическо-лютеранского вероисповедания. Общее образование получил в 1-м Кадетском корпусе; военное: окончил полный курс Николаевского кавалерийского училища по 2-му разряду в 1909 г. (кстати, вместе со ставшими в годы Гражданской войны генералами Агоевым Константином Константиновичем, из осетин, выпущенным в 1-й Волгский полк ТКВ и Бабиевым Николаем Гавриловичем, кубанским казаком. – А.К.). В офицерском чине и в должности с 6 августа 1909 г. Произведен в штабс-ротмистры 16 марта 1916 г. Боевая служба проходила в 1914, 1915, 1916 и 1917 гг. В бою под деревней Викторова в Галиции был ранен шрапнельной пулей в нижнюю треть правого бедра (перевязочное свидетельство от 18.02.1915 г.). За боевые отличия награжден орденами Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2 ст. с мечами, Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость». Из характеристики, данной командиром авиаотряда, следует, что Балатуков Владимир очень исполнительный, хороший офицер, отличный воздушный разведчик, хорошо корректирует. Произвел 28 боевых полетов. Здоровья хорошего, вынослив⁸⁸.

По данным профессора В.С. Волкова, князь Балатуков Владимир Али-беевич, выпускник Николаевского кавалерийского училища 1909 г., штабс-ротмистр Крымского конного полка, летчик-наблюдатель 4-го артиллерийского авиационного отряда, в декабре 1917 г. являлся командиром эскадрона 1-го Крымско-татарского полка в боях с большевиками в Крыму. Ротмистр Белой армии, в эмиграции с 1920 г., после 1934 г. – во Франции. Умер в 1979 г. Жена М. (полное имя не указано. – А.К.) умерла в том же 1979 г. там же.⁸⁹ По данным того же С.В. Волкова, отец его, князь *Балатуков Али-бей*, родился 2 августа 1852 г. и умер 19 сентября 1933 г. во Франции.⁹⁰

Ротмистр *Балатуков Али-бей*. Из полного послужного списка, составленного 26 декабря 1878 г., следует, что он родился 30 мая 1852 г., происходит из дворян Таврической губернии, Симферо-

польского уезда, магометанского вероисповедания. По Высочайшему повелению поступил юнкером в 1-ю смену лейб-гвардии Команду крымских татар собственного Его императорского величества конвоя 29 октября 1869 г.; 2 декабря 1870 г. награжден золотыми часами. По выдержании экзамена произведен в портупей-юнкера 30 декабря 1870 г. Высочайшим приказом произведен в корнеты 3 мая 1872 г. Командирован в действующую Дунайскую армию 11 декабря 1876 г. и за отличие в делах против турок произведен в поручики 6 ноября 1877 г. Возвратился из действующей Дунайской армии 12 января 1878 г. Высочайшим приказом отчислен из конвоя по болезни с зачислением по армейской кавалерии ротмистром 26 октября 1878 г. За отличие в делах против турок награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», для нехристиан установленным 22 января 1878 г.; серебряной шашкой с надписью на клинке с одной стороны «Собственного Моего Конвоя поручику Али-бею Балатукову», а с другой – «В память Турецкой войны 1877 года, 28 декабря 1878 года», знаком с вензелевым изображением имени Его величества 12 мая 1878 г., светло-бронзовой медалью в память войны 1877–78 гг. На конец 1878 г. был холост. Имел в г. Симферополе каменный дом⁹¹; 21 января 1884 г. состоящий по кавалерии ротмистр Балатуков Али-бей обратился на имя императора Александра III с просьбой об увольнении в отставку в связи с болезнью, а также «дабы повелено было меня уволить от службы с награждением следующим чином, пенсионом одной трети оклада и во внимание моей службы, все время в собственном Вашего Императорского Величества конвое и полученной от в бозе почивающего Государя Императора Высочайшей награды – серебряной шашки в память войны конвойного образца как прирожденному Азиатцу при отставке сохранить мундир Кавказского образца и черкеску».⁹²

Ротмистр *Балатуков Максют-бей*. Из послужного списка поручика, составленного 20 июня 1890 г., следует, что он родился 8 августа 1853 г., происходит из потомственных дворян Таврической губернии, Евпаторийского уезда, магометанского вероисповедания. В службу вступил в Крымский дивизион 9 января 1875 г., произведен в ефрейторы 15 февраля 1875 г., в старшие вахмистры 25 сентября 1878 г.; награжден темно-бронзовой медалью в память войны 1877, 1878 гг. В 1877 г. с 12 апреля по февраль 1878 г. находился в составе войск 10-го Армейского корпуса,

охранявшего побережье Черного моря. По окончании обязательного срока службы пожелал добровольно продолжать таковую с правами, означенными в приказе по Военному ведомству 1874 г. за № 259; 18 ноября 1878 г. командирован в Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище для держания приемного экзамена и поступления в училище 29 августа 1879 г. В училище прибыл и зачислен юнкером приготовительного класса 23 сентября 1878 г. Выдержал экзамен по второму разряду 6 августа 1882 г. Утвержден в звании эстандарт-юнкера 8 августа, обратно прибыл в дивизион 15 августа. Высочайшим приказом, состоявшимся 28 мая 1883 г. произведен в корнеты. С Высочайшего соизволения прикомандирован к команде лейб-гвардии Крымских татар Собственного Его Величества конвоя и прибыл 10 марта 1884 г. Высочайшим приказом переведен в Команду лейб-гвардии Крымских татар корнетом 6 мая 1884 г. Уволен на льготу 21 октября 1884 г. За отличие по службе произведен в поручики 30 августа 1887 г. Прибыл на службу в С.-Петербург 1 сентября 1887 г. Прикомандирован к лейб-гвардии 1-му Терскому казачьему эскадрону 6 сентября того же года. На момент заполнения был холост. Высочайшим приказом 29 июня 1890 г. упраздняемой команды лейб-гвардии Крымских татар поручик Балатуков произведен за отличие по службе в штабс-ротмистры с зачислением в запас армейской кавалерии и с переименованием в ротмистры. В 1-й день сего июня государь император Высочайше повелеть соизволил: названного офицера наградить знаком за службу в собственном Его Величества конвое, с сохранением ему мундира и получаемого содержания в размере 1200 рублей в г. из сумм Государственного казначейства до получения им назначения с равным или высшим окладом, а по выходе в отставку сохранить это содержание в пенсии, если дальнейшею службою не приобретет права на больший оклад, с представлением семейству сего офицера, (в случае его смерти) пользоваться таковою пенсией по расчету на общем основании. Июля 28 дня 1890 года. Высочайшим приказом 8 марта 1896 года состоящий в запасе армейской кавалерии и на учете по Евпаторийскому уезду ротмистр Балатуков уволен в отставку с мундиром на пенсию...⁹³

Подковник *Балатуков Омер-бей*. С 1862-го по 1864 г. командовал Командой лейб-гвардии крымских татар Собственного Его Величества конвоя⁹⁴.

Во второй половине XIX в. Балатуковы все реже упоминают свое черкесское происхождение, постепенно становясь «потомственными дворянами Таврической губернии», а к началу XX в. в послужных списках представителей этого рода указывается, что они «татары».

Как выше было указано, через полгода после смерти брата, 16 марта 1828 г., Высочайшим приказом командир лейб-гвардии эскадрона крымских татар полковник князь Балатуков Адильбей по болезни отчислен и возвращен в Крым, а на его место назначен командиром полковник князь Ахмет-бей Хункалов⁹⁵.

Герой Отечественной войны 1812 г. генерал-майор князь *Хункалов I Ахмет-бей Пирмамбет*. Из формулярного списка командира лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона, составленного на 1833 г., следует, что ему 63 года; происходил из черкесских князей Таврической губернии. В службу вступил сержантом в Тамбовский мушкетерский полк 1 ноября 1784 г. С 1 ноября 1784-го по 1 ноября 1785 г. находился в Крыму «для обучения наукам». Был в походах и делах против турок в 1787 г. За усердие по службе произведен в поручики 20 апреля 1790 г., по повелению князя Потемкина определен ротмистром в Таврический дивизион 3 августа 1790 г. Произведен в майоры 16 мая 1791 г. Назначен командиром Перекопского конно-татарского полка 20 июня 1807 г. За усердие по службе произведен в подполковники 10 января 1812 г. Принимал участие в сражениях 1812 г. и в заграничных походах русской армии: 27 и 28 июня 1812 г. при г. Мире, 2 июля – при Романове, 9 и 11 июля – при Могилеве, за что награжден орденом Св. Владимира 4 ст. с бантом; за участие в заграничных походах – орденом Св. Анны 2 ст. (18.10.1813 г.). Вторично награжден орденом Св. Анны 2 ст. (1813); за участие в блокаде крепости Данциг и в других сражениях – золотой саблей с надписью «За храбрость» (21.08.1813), медалью в память 1812 г. За отличие, оказанное против французов, произведен в полковники 18 октября 1813 г. Назначен командиром л.-гв. Крымско-татарского эскадрона 16 марта 1828 г. За отличие по службе произведен в генерал-майоры 10 апреля 1832 г. Был участником кампании против турок в 1828 г., за турецкую войну 1828–1829 гг. награжден бронзовой медалью на Владимирской ленте. «Российскую и татарскую грамоту читать и писать знает». Женат на дочери капитана артиллерии Мурзы Умли

Султана Ханоле (по другим данным – капитана Адиль мурзы Эдиге Атманаева – Уме Султан Ханым). Имел сыновей: Махмуд-бея (Магмуд-бей) – 24 лет, Абдуш-бея (Абдулла-бей) – 21 года, Али-бея – 14 лет; дочерей: Хависут (Гафи (Хафие) Султанбек-заде) – 16 лет и Ихадусулт (Айше Султан бек заде) – 15 лет. Имел недвижимое имущество в Симферопольском уезде при дер. Коджук Эли, Утеш Эли, Кулумбет Эли, Сеимонлар, Битаныш, Тегеш, Чуйке и Бички, всего 5000 десятин пахотной, выгонной и сенокосной земли, на которой располагались два виноградных и два фруктовых сада. В Евпаторийском – владел 4 деревнями, примерно до 6000 десятин земли, в т.ч. при дер. Икибаш, Актачи. В Перекопском – при дер. Бабалан Кият, Барин, Тархандин, Рыгатлы, Акчора, Келдыбай, Камарджи Онлар, Килек, Кинегес, Канлытып, Дипапаш, Тереклы, Абаш и Асис Кенегес, всего 20 деревень – примерно 30 000 десятин земли, на которых располагались два виноградных и один фруктовый сад. Проживал в Симферопольском уезде. Родными братьями Ахмет-бея были Селямет-бей, князь Хункалов, и Ислям-бей Хункалов. Из документов усматривается, что ставшему генералом Хункалову находившийся у него в подчинении на 20-е мая 1808 г. есаул *Хункалов II Селямет-бей*, офицер Перекопского конно-татарского полка, доводился родным братом⁹⁶.

Еще один представитель этого рода – полковник князь *Хункалов Махмут-бей* командовал гвардейским крымско-татарским эскадром с 1835-го по 1838 г.⁹⁷

Штабс-ротмистр *Хункалов Максот-бей*. Из формулярного списка штабс-ротмистра лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона, составленного на 1833 г., следует, что ему 24 года происходит из черкесских князей Таврической губернии. В службу вступил корнетом в 17 лет в лейб-гвардии Крымско-татарский эскадрон; произведен в поручики 8 ноября 1830 г., штабс-ротмистры – 1 сентября 1833 г., ротмистры – 6 декабря 1835 г. Был в походах и делах против турок в 1828 г.: 31 июля переправился через реку Дунай и находился в турецких владениях, далее следовал в конвое при штабе Гвардейского корпуса через крепость Исакчи до г. Варна. Находился при осаде крепости Варна и взятии ее 7 октября. Обрато в Россию следовал в конвое корпусной квартиры. Был награжден годовым жалованьем, а по возвращении из похода, при вступлении в Санкт-Петербург, «за отличный порядок

и устройства» получил Высочайшие благоволения 14 февраля 1830 г.; следующее благоволение получил «за парад» 10 октября 1833 г. «Российскую и татарскую грамоту читать и писать знает». На момент составления формулярного списка был холост⁹⁸.

Исследования показывают, что из четырех крымско-татарских российских генералов двое были черкесского происхождения. Трое из старших офицеров были награждены высшими военными наградами России: 1 – орденом Св. Георгия⁹⁹, 2 – золотым оружием (все за Отечественную войну 1812 г.)¹⁰⁰, 1 – серебряным оружием. У истоков создания привилегированного подразделения – лейб-гвардии Команды (эскадрона) Крымских татар – также стоял черкес (генерал-майор князь Балатуков К.-б. М.-б.), командовали подразделением в разное время (с 1827-го по 1864 г.) не менее четырех офицеров черкесского происхождения. Т.к. подразделение существовало до 1890 г., не исключено, что кто-то из Балатуковых или Хункаловых командовал в период с 1864-го по 1890 г.

По российским документам, потомки черкесских князей Балатуковых и Хункаловых упоминаются с титулом «князь», в отличие от их современников – коренной татарской элиты, применительно к которым употреблялся титул «мурзы».

Выше было указано, что отдельные потомки Гиреев переходили в православие или другие христианские течения. Не избежали этого и потомки «крымских черкесов». В частности, вышеуказанный герой Первой мировой войны, летчик, штабс-ротмистр Балатуков Владимир Али-беевич, сын мусульманина, согласно послужному списку, исповедовал «евангелическо-лютеранскую веру».

Обосновавшиеся на Северном Кавказе чингизиды – Султаны Гирейи – поступали на службу в лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон, в то время как потомки черкесских князей в Крыму («потомственные дворяне Таврической губернии») Балатуковы и Хункаловы – в лейб-гвардии Команду Крымских татар. Практически нет свидетельств о том, чтобы гвардейцы – «крымские черкесы» – просились бы в Кавказско-Горский полуэскадрон, а султаны – в Команду Крымских татар.

Это может свидетельствовать о том, что приобретенный со временем статус как ставшими «крымскими» черкесами, так и ставшими «черкесами» Гиреями, устраивал всех. Несмотря на

прекрасное знание о своих родословных корнях, как одни, так и другие не стремились на «историческую родину предков». Вероятно, они считали себя интегрированными по месту проживания, не старались что-либо в этом изменить.

Примечания

1. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. В 2-х. М., 2005. Т. 1. С. 498.
2. Там же. С. 499.
3. Там же. С. 271.
4. Там же. С. 315.
5. Там же. С. 321.
6. Там же. С. 270.
7. Рыжов К.В. Величайшие монархи мира: Энциклопедический справочник. М., 2007. С. 215–216.
8. Там же. С. 224.
9. Там же.
10. Там же. С. 226.
11. Там же. С. 220–223.
12. Там же. С. 230.
13. Там же. С. 232.
14. Там же. С. 256.
15. Там же. С. 257.
16. Там же. С. 263, 266, 282.
17. Там же. С. 342, 354.
18. Там же. С. 354.
19. Смирнов В.Д. Указ. соч. С. 313.
20. Груссе Р. Чингисхан / Пер. с французского Е.А. Соколова. М., 2007. С. 217.
21. Ру Ж.-П. Тамерлан / Пер. с французского Е.А. Соколова. М., 2007. С. 95.
22. Смирнов В.Д. Указ. соч. С. 302.
23. Там же. С. 312.
24. Там же. С. 306.
25. Там же. С. 317–319.
26. Там же. С. 319.
27. Там же. С. 224.
28. Мафедзев С.Х. Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов. Нальчик, 1991. С. 139.
29. Смирнов В.Д. Указ. соч. С. 193.

30. Там же. С. 206.
31. *Виноградов А.М.* Род князей Черкасских и русско-крымские отношения второй половины XVI века: Сб. «Народы Северного Кавказа и Россия». Нальчик, 2007. С. 114.
32. *Смирнов В.Д.* Указ. соч. С. 271.
33. Там же.
34. *Смирнов В.Д.* Указ. соч. С. 271.
35. Там же.
36. Там же. С. 399.
37. Там же. С. 413.
38. Там же. С. 497.
39. Там же.
40. Там же. С. 498.
41. Там же.
42. Там же. Т. 2. С. 10.
43. *Смирнов В.Д.* Указ. соч. Т. 2. С. 13.
44. *Кларот Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Нальчик, 2008. С. 43.
45. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 407.
46. *Смирнов В.Д.* Указ. соч. Т. 2. С. 14.
47. *Рыжов К.В.* Мусульманский Восток XV–XX вв. М., 2004. С. 170.
48. *Смирнов В.Д.* Указ. соч.
49. Там же. С. 15.
50. Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX в. Нальчик, 1988. Кн. 2. С. 145–148.
51. *Смирнов В.Д.* Указ. соч. Т. 2. С. 33.
52. *Кумыков Т.Х.* Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик, 1957. С. 35.
53. *Смирнов В.Д.* Указ. соч. Т. 2. С. 33–34.
54. Там же. Т. 1. С. 304.
55. Там же. С. 271.
56. Там же. С. 467.
57. Там же. С. 489.
58. Там же. С. 271.
59. РГВИА. Ф. 409. П/с 368–521. Л. 45–50; Там же. П/с 362–047. Л. 45–50.
60. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24695. Л. 11–25.
61. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24695. Л. 4–5 об.
62. Там же. Ф. 400. Оп. 9. Д. 32316. Л. 131–132-об., 137–137-об.
63. Там же. Ф. 395. Оп. 154. Д. 45. Л. 2–10.
64. Там же. Ф. 409. П/с 191–385-а; Там же. Оп. 1. Д. 181073. Л. 131–134.
65. Там же. Ф. 409. П/с 191–385-а; Там же. Оп. 1. Д. 181073. Л. 138-об.

66. Там же. Ф. 409. П/с 368–520. Л. 33–44.
67. Там же. Ф. 395. Оп. 152. Д. 415. Л. 20–25.
68. Там же. Ф. 409. П/с 5032. Л. 1–4-об.
69. Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 2254. Л. 31, 32, 35.
70. Там же. Ф. 409. П/с 3716. Л. 1–7.
71. Там же. Ф. 409. Оп. 3. Д. 8928. Л. 1–2; Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 2254. Л. 31, 32, 34.
72. Там же. Ф. 409. П/с 283–311. Л. 1.
73. Там же. Ф. 400. Оп. 9. Д. 33678. Л. 159–164.
74. Там же. Ф. 409. П/с 362–044. Л. 1–20.
75. ЦГА РСО-А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 23. Л. 240.
76. Там же. Л. 28.
77. Смирнов В.Д. Указ. соч. Т. 2. С. 14.
78. Андрейко Е.В. А.С. Пушкин в Симферополе // Культура народов Причерноморья, 1998. Т. 3. С. 82.
79. Масаев М.В. Исторические портреты генералов Кая Бей Балатукова и Амет Бей Хункалова.
80. Там же.
81. Муфтийзаде И.М. Очерк военной службы крымских татар с 1783-го по 1899 г. // Восточная коллекция, 2001. № 3. С. 114.; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия: Именные списки 1769–1920 (Биобиблиографический справочник). М., 2004. С. 224; Масаев М.В. Указ. соч.
82. Андрейко Е.В. Указ. соч. С. 82–83.
83. Муфтийзаде И.М. Указ. соч.
84. Там же. С. 116.
85. Муфтийзаде И.М. Указ. соч. С. 116.
86. Там же. С. 116, 117.
87. РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 34726. Л. 143–147.
88. Там же. Ф. 2077. Оп. 1. Д. 112. Ч. 1. С. 262–262-об.
89. Волков В.С. Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М., 2004. С. 60.
90. Там же.
91. РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 22757. Л. 12–13-об.
92. Там же. Л. 5–5-об.
93. РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 8776. Л. 14–18-об.
94. Муфтийзаде И.М. Указ. соч.
95. Там же.
96. Там же.
97. РГВИА. Ф. 3610. Оп. 2. Д. 99. Л. 245-об–250; Исмаилов Э.Э. Золотое оружие с надписью «За храбрость»: Списки кавалеров. 1788–1913. М., 2007. С. 146; Муфтийзаде И.М. Указ. соч.

98. *Муфтийзаде И.М.* Указ. соч.
99. РГВИА. Ф. 3610. Оп. 2. Д. 98. Л. 82–84.
100. Военный орден Святого Великомученика ... С. 224.
101. *Исмаилов Э.Э.* Указ. соч. С. 111, 146.

---

*Кармов Р.К.
(г. Нальчик)*

ЛИЧНЫЕ ПЕЧАТИ В КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ АДЫГОВ

Символы любого народа являются основой его идентичности, и поэтому каждая народность должна уделять максимум внимания изучению древних своих символов. За прошедший с 1917 г. период в нашей республике и в целом в России этому направлению не уделялось должного внимания. Это положение немного выправилось в России с конца XX в., многие народы Кавказа зафиксировали известные свои символы в своей официальной геральдике, и можно сказать, что только адыги обладающие огромной, уникальной символикой, еще не отдали должного внимания этой теме.

Частью символики являются гербы, экслибрисы, печати и другие геральдические символы. Они дополняют друг друга и помогают в решении вопросов, возникающих при изучении отдельных символов.

Наука, изучающая печати, называется сфрагистика. Слово «сфрагистика» происходит от греческого слова σφραγίς и означает печать; она является вспомогательной исторической дисциплиной, изучающей печати (матрицы) и их оттиски на различных материалах. Печатами принято называть штампы, вырезанные на различных твердых материалах, матрицы, а также их оттиски, которые были на совершенно разных материалах, начиная с золота и заканчивая бумагой.

Печать, сопровождающая документ, являлась знаком, свидетельствующим, что этот документ действительно исходит от

лица или учреждения, которым она принадлежит. Бесспорно, что изучение печатей как знаков удостоверения документов, придание им юридической силы и не только, имеет большое практическое значение для исторической науки. Так, памятники сфрагистики могут дать ценные сведения об определенных сторонах деятельности государственных институтов; в рисунках печатей находят отражение различные события прошлого, поэтому они представляют собой ценнейший материал в общем комплексе источников для изучения той или иной эпохи. С помощью печати определяется авторство документов. Вырезанные с большим мастерством талантливыми мастерами, они нередко являются памятниками искусства. Они даже могут являться источниками генеалогической информации, уходящей далеко в глубь веков.

Во всем мире сфрагистические материалы являются важными источниками эпиграфических, ономастических и геральдических данных. Начало этой науке было положено в 1709 г. исследователем Мих. Гейнекцим. Сфрагистика имеет непосредственную связь с геральдикой и нумизматикой. С первой она связана тем, что в мировом развитии многие изображения, употреблявшаяся прежде лишь на печатях, перешли потом в гербы. Сфрагистика предоставляет огромный материал, который является бесценным для изучения геральдики.

Обычай употребления печатей очень древний. Восточные народы, преимущественно в Вавилоне и Египте, уже в далеком прошлом употребляли печати и пользовались для того твердыми цветными камнями в форме цилиндров, жуков и т. п., на которых вырезались различные знаки.

В России до 30-х гг. XX в. специалисты по сфрагистике основное внимание уделяли публикации печатей; позже, в 50-е гг., сфрагистике стали уделять больше внимания как к науке, но у нас, в республике, до сих пор не уделяется этому должного внимания и даже еще ни разу не были опубликованы многочисленные оттиски печатей, имеющиеся в архивном фонде республики. Исходя из того, что в адыгской среде роль печатей выполняли тамги, можно, конечно, сказать, что эта проблема изучена неплохо, но мы уделили ничтожно мало внимания более поздним сфрагистическим материалам, и имеем большой пробел.

Сложно сказать, когда именно появились первые печати-перстни, которые прикладывали к разного рода документам, но

точно известно, что адыгские дворянство употребляло их уже в XVII в. На этих перстнях в часто вырезались имена и фамилии владельца и его сословное положение. В XVIII – начале XIX в. эти записи делались в основном арабскими буквами на турецком, арабском или адыгском языках; сами печати имели в основном круглую форму. На сегодняшний день их очень сложно прочесть в связи с малограмотностью писавших их людей и плохим состоянием сохранившихся оттисков. В начале XIX в. на перстнях, кроме букв, стали появляться рисунки–тамги, показывающие принадлежность хозяина печати к тому или другому роду; стали меняться формы печати, появились печати совершенно различных форм. В конце XIX в. в Кабарде получили широкое распространение печати и перстни, содержащие надписи на русском языке.

Учитывая обширные связи адыгов с различными народами и их влияние на развитие печати, можно сказать, что начиная с X в., основное влияние оказали Османское и Русское государства. Одним из первых изображений на печати можно считать изображение грифона, которое присутствует на гербах потомков касожского (адыгского) князя Редеди.

Кроме этого, печати дают информацию о генеалогических связях: на печати Атажукина в левом нижнем углу большого герба изображен грифон такой же, как на гербах русских потомков знаменитого адыгского князя Редеди. Из этого можно сделать вывод, что кабардинские князья считали Ридаду – своим родственником и, естественно, они должны были считать своими родственниками его потомков, находящихся в России.

Во времена, когда адыгские князья условно разделились на сторонников турок и русских, развитие форм печатей тоже изменилось. В среде кабардинцев появились печати как с арабской надписью, так и очень похожие на гербы российских дворян.

Ниже мы приводим оттиски некоторых, наиболее интересных, печатей принадлежавших князьям и дворянам Кабарды. Первые два оттиска принадлежат кабардинским князьям Атажукиным и Адальгериевым. Рисунки на них свидетельствуют об их прорусской ориентации и, хотя они не были вписаны в дворянскую книгу России, но на их печатях явно видны гербы, прообразами которых являются гербы черкесских князей, поступивших в свое время на русскую службу.

К нашему сожалению, некоторые детали на оттисках печатей, которыми мы обладаем, очень плохо видны, но мы надеемся, что со временем найдем другие отпечатки и узнаем о всех деталях, изображенных на этих печатях. Оттиск печати князя Адальгериева дает нам некоторые сведения о наградах, которые он получил. Мы надеемся, что со временем будут исследователи, которые уделят изучению адыгских печатей достойное внимание.

Печать кн.
Мисоста Атажкина, ок. 1840 г.

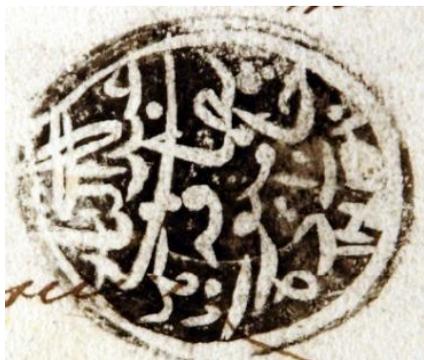
кн. Б. Адальгериев, сер. XIX в.

Штабс-капитан
кн. Туган Ахлов, 1852 г.

Ротмистр кн. Иналов, 1854 г.

Прапорщик кн. Джамботов, 1849 г.

Княгиня Кебехан Наурузова, 1847 г.

кн. П. Касаев, 1876 г.

Поручик кн. Муртазали
Бекович-Черкасский

кн. Кагерман Алхасов, 1849 г.

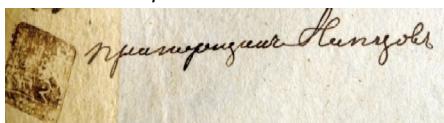
Начало XX в.

Абрахманов 1842 г.

Магомед Абуков, 1846 г.

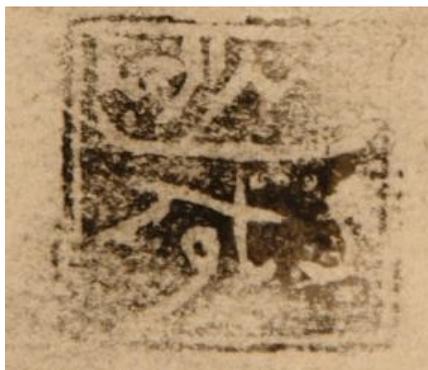
Прапорщик Нацев, 1846 г.

Жансох Агоев, 1847 г.

Увжуко Жамбеков, 1847 г.

Абрахман Тавкешев, 1847 г.

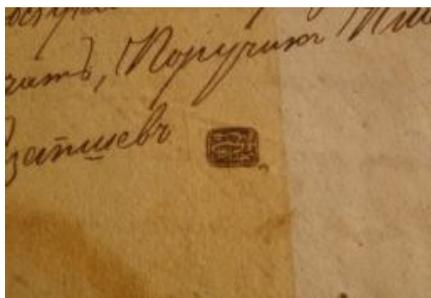
Асланбек Клешибиев, 1847 г.

Напцев, 1847 г.

Мисост Кошироков, 1850 г.

Пиемахо Азатицев, 1850

Прапорщик Каголжин, 1851 г.

уорк Батырбек Тамбиев

Есаул, уорк Кучук Анзоров 1852 г.

уорк Анзоров, сер. XIX в.

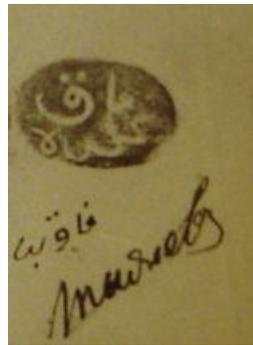
Ток Асланов, сер. XIX в.

Поручик Деров, сер. XIX в.

Исмаил Кунижев

Тыжев

Отпанов

Мурзабек Думеев

Прапорщик Кучмазукин

Гошенашхо Кудинетова, 1852 г.

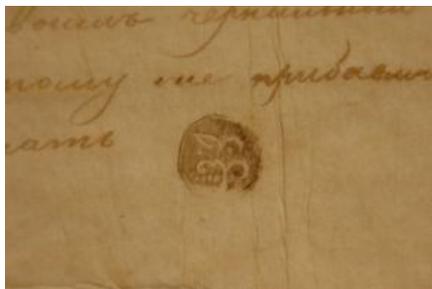
Исхак Дауров, 1853 г.

Дандык Хуранов, 1853 г.

Цикула Абидов, 1853 г.

Котулхан Хаушиева, 1854 г.

Прапорщик Исмаил Кунижев, 1854 г.

Хорунжий Токум Бугов, 1855 г.

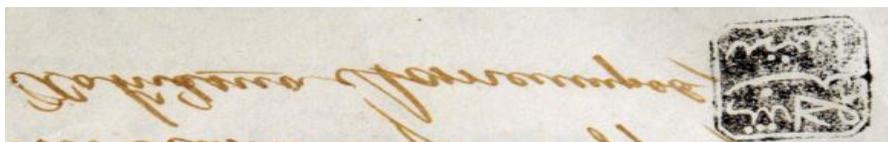
Исмаил Ашабов, 1855 г.

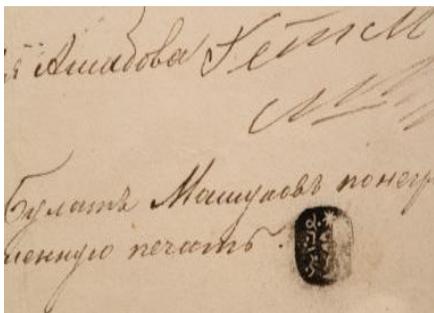
Полковник Тамбиев, 1857 г.

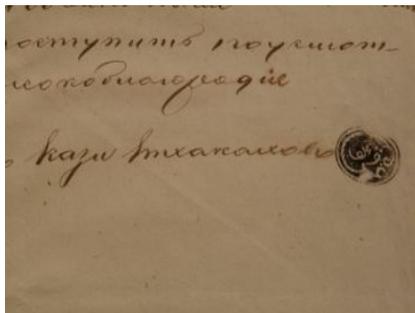
Каномат Тутуков, 1861 г.

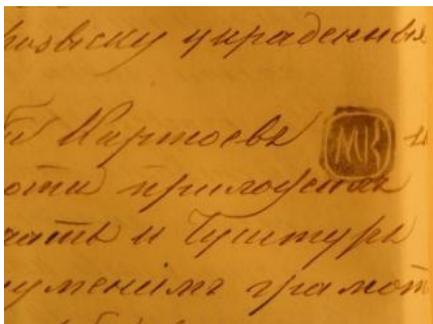
Хакяша Астемиров, 1870 г.

Булат Маиуков, 1874 г.

Кази Тхакахов, 1874 г.

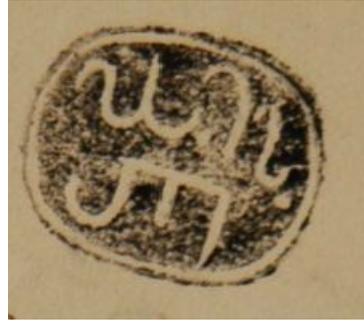
Метрби Картоев, 1875 г.

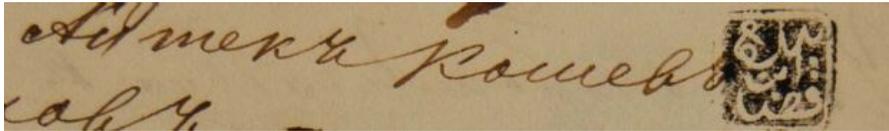
Тогланов, 1875 г.

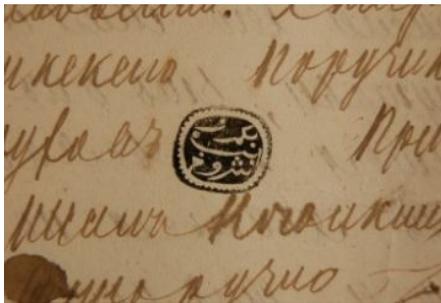
Женоков, 1875 г.

Ильяс Пишук, 1875 г.

Айтек Кошев, 1875 г.

Бекмурза Шурухов, 1875 г.

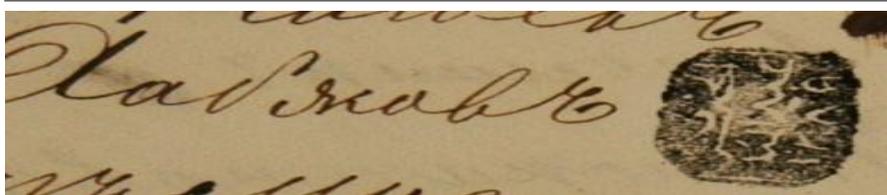
Харнис Маржохов, 1875 г.

Сафар Махсидов, 1875 г.

Магомурза Анзоров, 1876 г.

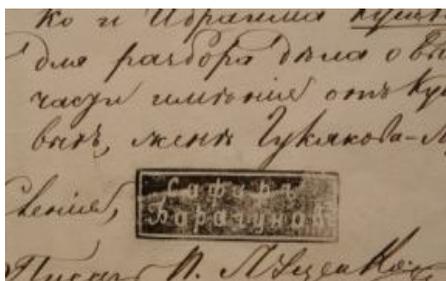
Хабжов, 1875 г.

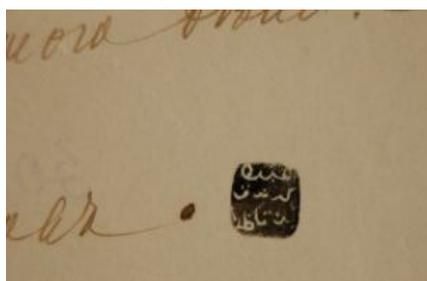
Маша Каров, 1876 г.

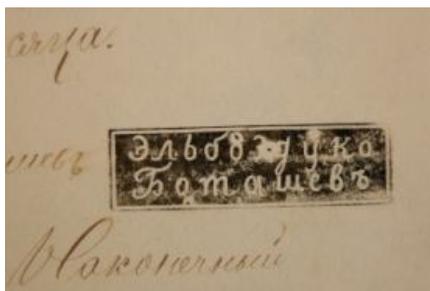
Заурбек Оришадугов, 1876 г.

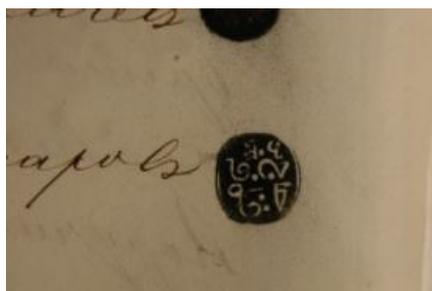
Сафар Баратунов, 1876 г.

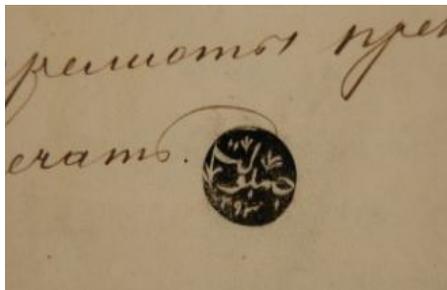
Генардуко Тяжгов, 1876 г.

Эльбоздуко Боташев, 1877 г.

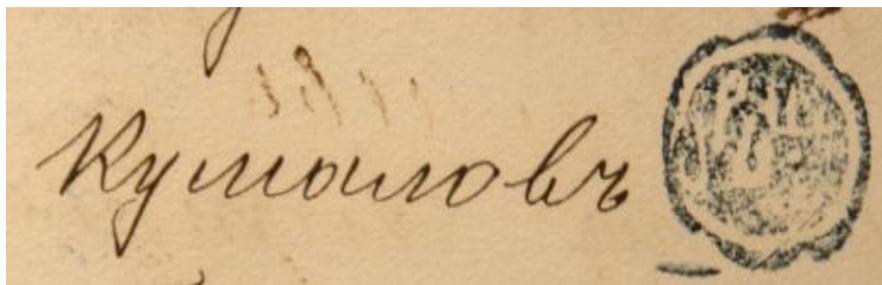
Хажу Кумахов, 1878 г.

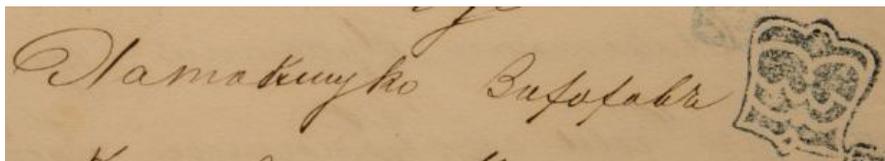
Жамбот Очертлов, 1878 г.

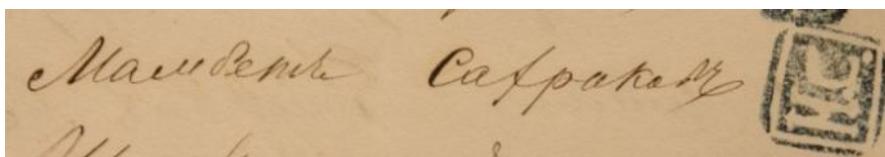
Каниао Абазоков, 1882 г.

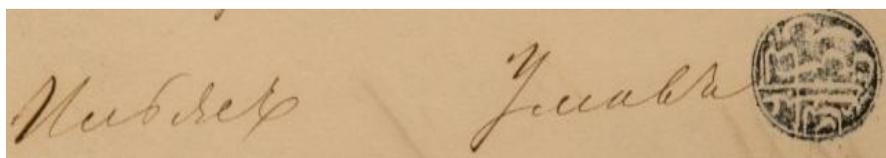
Ислам Кумалов, 1882 г.

Хатокишко Захов, 1882 г.

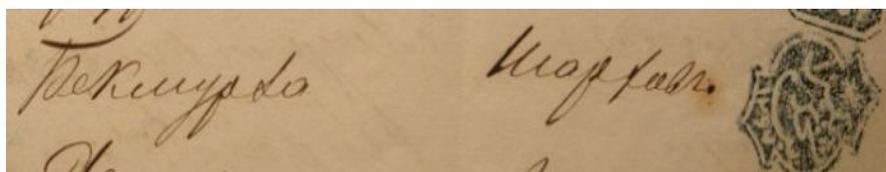
Мамбет Сахроков, 1882 г.

Ильяс Умов, 1882 г.

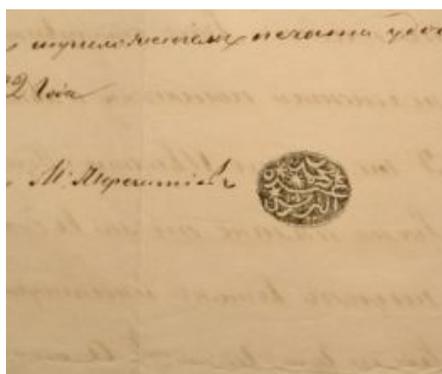
Бекир Аюбов, 1882 г.

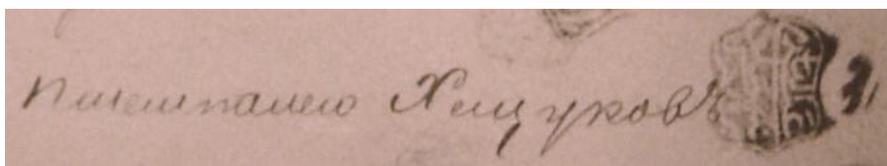
Бекмурза, Шорхов, 1882 г.

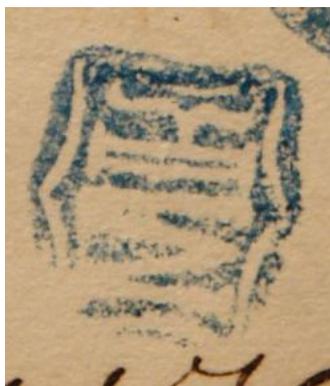
Таусултан Кушхабиев, 1882 г

М. Жерешитиев, 1882 г.

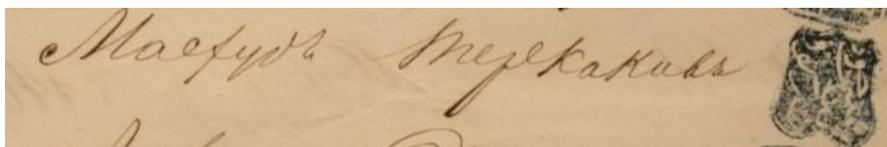
Пшемахо Хацукон

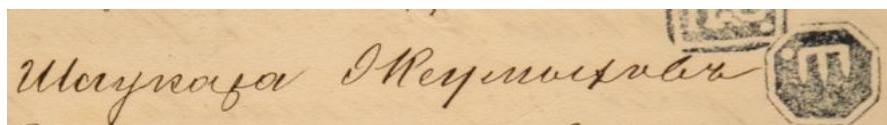
Магомет Кулов, 1882 г.

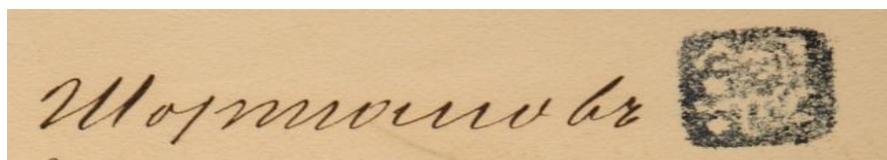
Магомет Абазов, 1882 г.

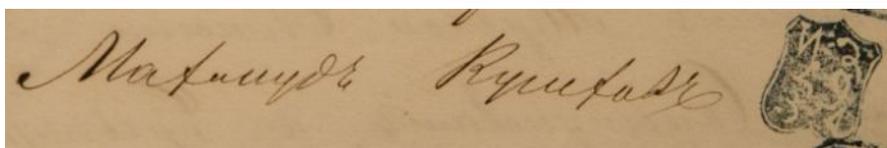
Масхуд Теркоков, 1882 г.

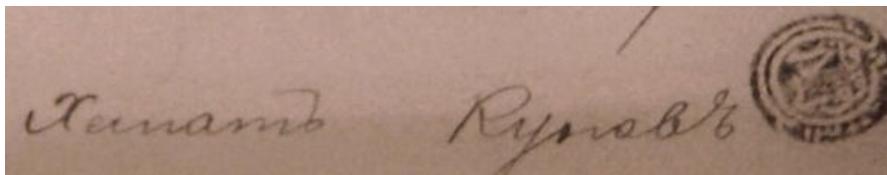
Шоукаца Жеумыхов, 1882 г.

Хажбекир Шарданов, 1882 г.

Махмуд Кухихов, 1882 г.

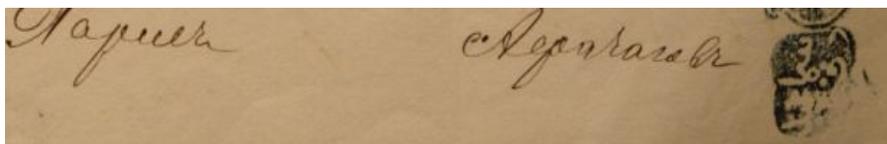
Ханат Кухов

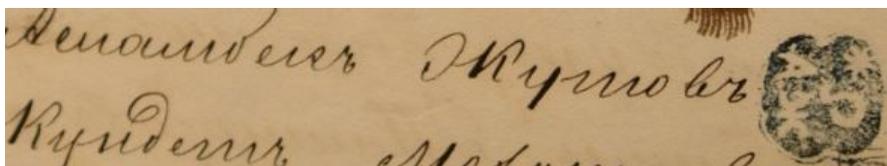
Магомед Озроков, 1882 г.

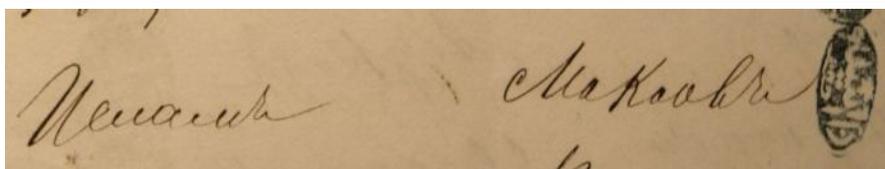
Исмаил Чежоков, 1882 г.

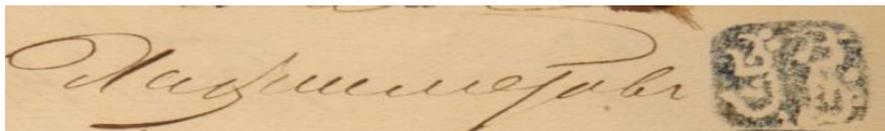
Харрис Афачагов, 1882 г.

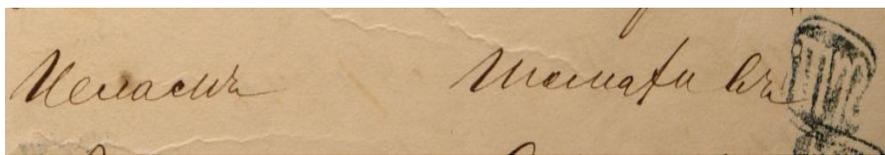
Асланбек Жухов, 1882 г.

Ислам Макоов, 1882 г.

Ильяс Хажиметов, 1882 г.

Ислам Шамахов, 1882 г.

Пак Сохов, 1882 г.

Измаил Кожоков, 1882 г.

Герандуко, Бесланеев, 1882 г.

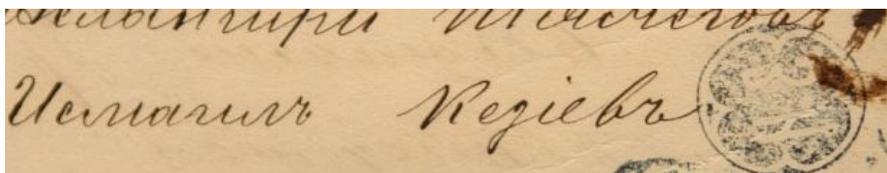
Ильяс Отаров, 1882 г.

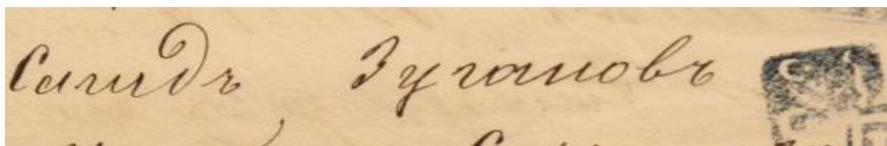
Гамлет Хакулов, 1882 г.

Нахо Шитиев, 1882 г.

Исмаил Казиев, 1882 г.

Сагид Зуганов, 1882 г.

Эльмурза Бадраков, 1882 г.

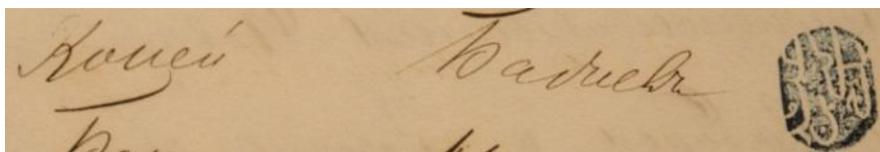
Исмаил Кумахов, 1882 г.

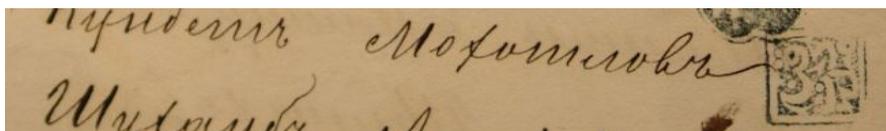
Генардуко Карданов, 1882 г.

Абрек Балкаров, 1882 г.

Каней Бажсев, 1882 г.

Кундет Махотлов, 1882 г.

Жамбот Кишев, 1882 г.

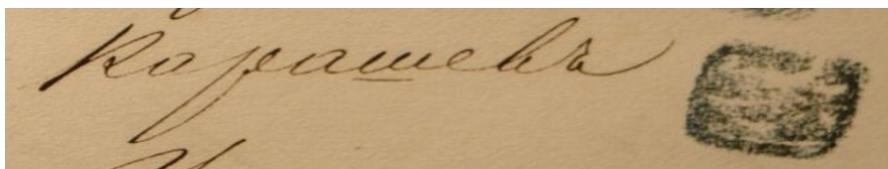
уорк Кучук Лафишев, 1882 г.

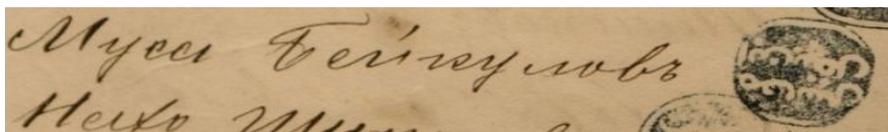
Махмуд Кармов, 1882 г.

Абдрахман Алтудоков, 1882 г

Заурбек Карашев, 1882 г.

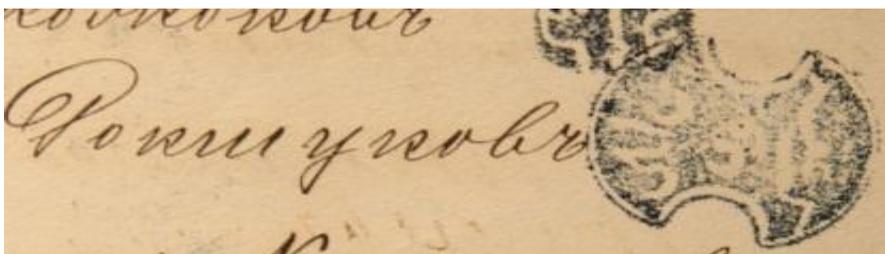
Мусса Бейкулов, 1882 г.

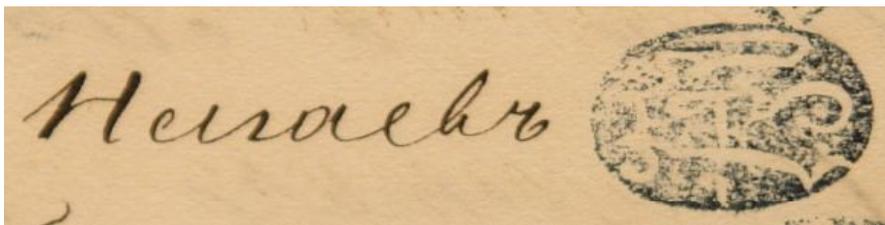
Бата Дишеков, 1882 г.

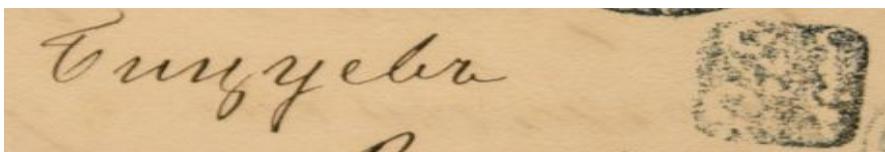
Альбахсит Тхакумачев, 1882 г.

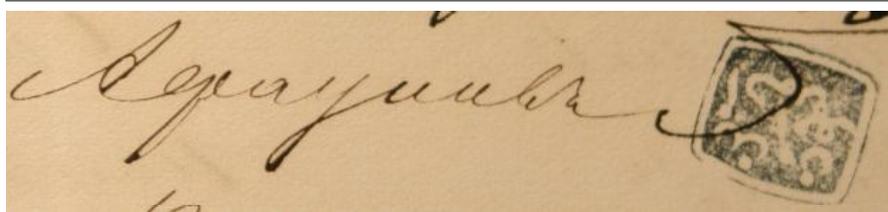
Сафар Докиуков, 1882 г.

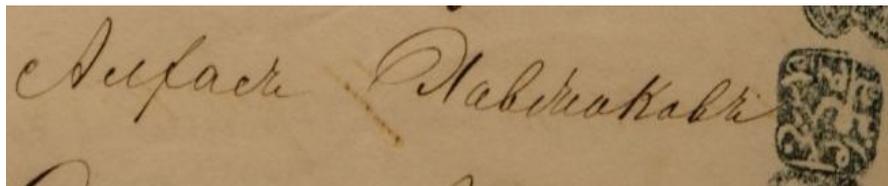
Бата Нагоев, 1882 г.

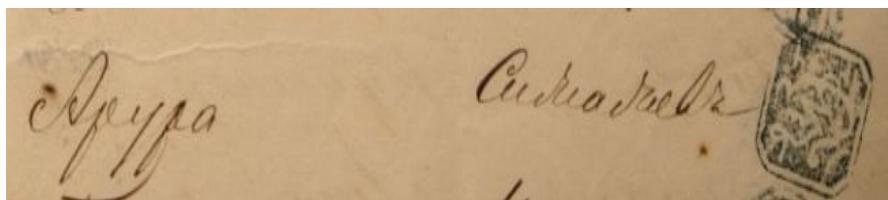
Али Бицуев, 1882 г.

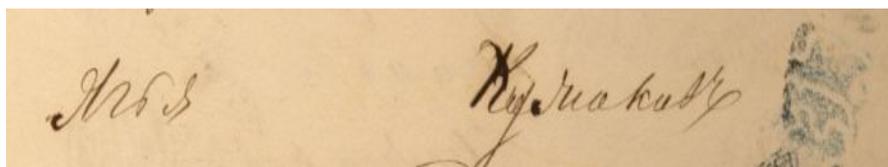
Ахмед Афаунов, 1882 г.

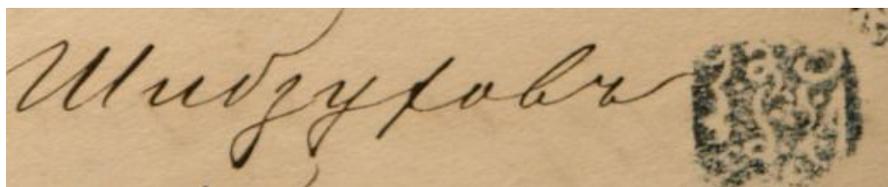
Алхас Хавжоков, 1882 г.

Арура Сижажев, 1882 г.

Яхья Куржоков, 1882 г.

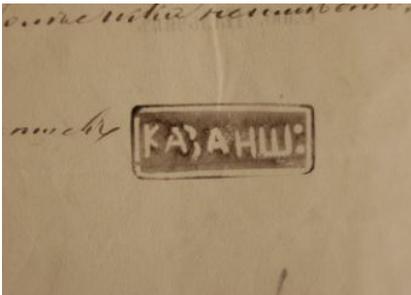
Исуф Шебзухов, 1882 г.

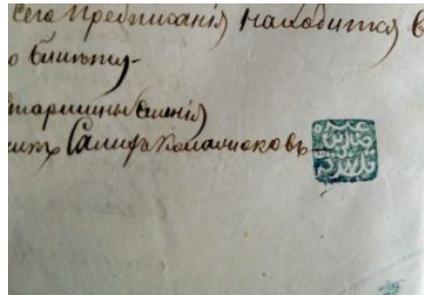
Мисот Гедгафов, 1882 г.

Казн Шогенов, 1883 г.

Умар Казаньшев, 1883 г.

Салих Калажоков, 1885 г.

Мисот Боров, 1883 г.

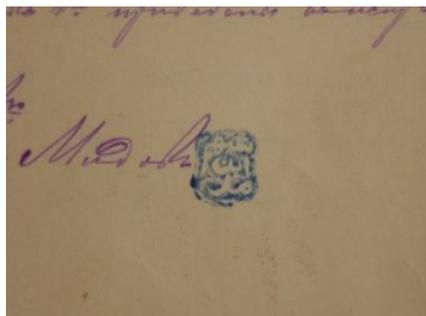
Ильяс Шиков, 1885 г.

Ш. Аджиев, 1890 г.

Мазан Алоков, конец 19

Мидов, 1893 г.

Хуранов, 1903

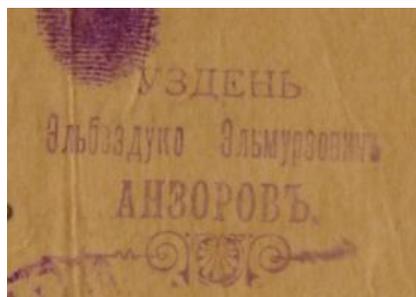
Хоф Курманов 1903

Начало XX века

Начало XX века

Эльбоздуко Анзоров, 1905

1906 г.

1906 г.

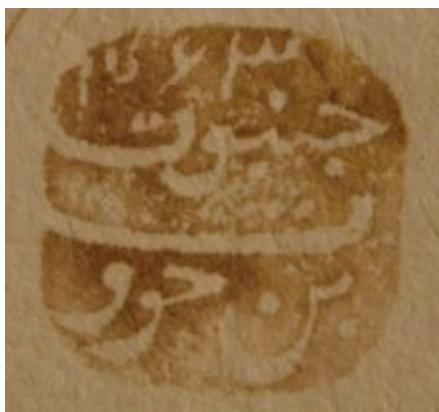
1906 г.

Эркенов, 1906

Заракуш Тамбиев

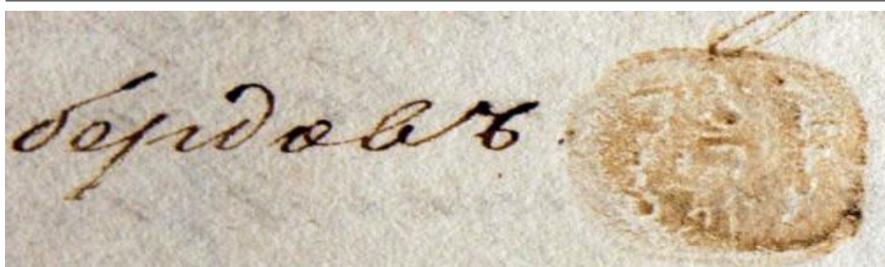
Джамбот Хаудов

Бекир Тохов

Начало XX века

Бердов

Исмаил Псануков, 1908

Умар Бжеников, 1908

Кушков, 1908

Б. Мисхожев, 1908

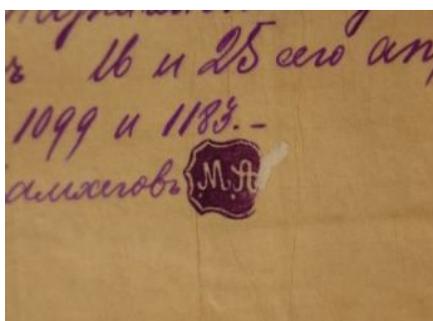
1909 г.

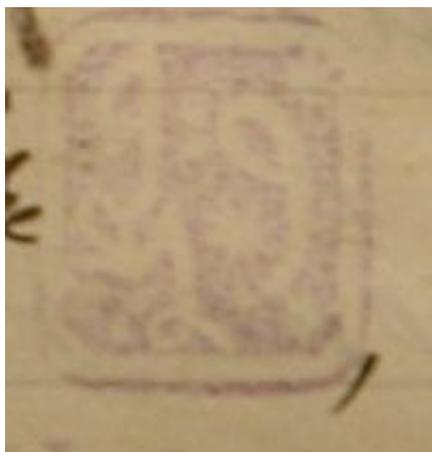
1908 г.

1908 г.

А. Мамхегов, 1911 г.

Хатокиуко Канлов, 1912

Шарахмет Тарчоков, 1912

Афашагов 1912

---

*Кешева З.М.
(г. Нальчик)*

К ИСТОРИИ ФАМИЛИИ АНЗОРОВЫХ

История изучения фамилий насчитывает не одно десятилетие, но особая популярность и общественный интерес к этому предмету возник сравнительно недавно. Не требует обоснования тот факт, что из историй отдельно взятых фамилий складывается история целой страны. Поэтому важное значение имеет исследование вклада, внесенного представителями фамилии Анзоровых в исторические события, происходившие в Кабарде, в частности, в период Кавказской войны.

Генеалогия Анзоровых восходит к первопредку Генардуко. От его сыновей, Коголко и Анзора, образовались соответственно роды Коголкиных и Анзоровых, которые являлись тлехотлешами князей Талустановых и Джилястановых. Они обладали значительными территориями в районе рек Сунжа, Терек, Урух, Лескен. В архивных документах встречаются названия земель: Онзореева Кабарда, Созорукины Кабаки (Барокины земли). В середине XVIII в. часть Анзоровых, проживавших в районе р. Сунжа, перешла на жительство на вершину реки Урух. Здесь поселения Анзоровых находились до эпидемии чумы (1804–1806).

В 1822 г. в Кабарде в связи со строительством Кабардинской линии и выселением аулов, расположенных между реками Кубань и Малка, вспыхнуло мощное антиколониальное движение. Четверо братьев: Амфоко, Иналуко, Сузоруко и Докшуко Анзоровы – присоединились к этому движению, оказывая сопротивление царским войскам, а впоследствии ушли в Западную Чер-

кесию. Имеется ряд архивных документов, подтверждающих, что представители фамилии Анзоровых активно включились в борьбу против российской администрации в период Кавказской войны.

В рапорте начальника Левого фланга Кавказской линии генерал-майора Ольшевского начальнику Центра Кавказской линии генерал-майору и кавалеру Пирятинскому от 18 февраля 1841 г. сообщается: «Вследствие отношения Вашего Превосходительства от 9 февраля № 6 я постарался узнать об имени того кабардинца, который приезжал к Ахверды Магома. Теперь лазутчики дали мне знать, что видели у Ахверды Магома из Малой Кабарды узденя Адильгеря Анзорова с шестью товарищами, что Анзоров не скрывается и был при нападении чеченцев на Большую Яндырку»¹.

Когда в апреле 1846 г. Шамилем был организован поход на Кабарду, многие представители этой фамилии примкнули к его движению. Все Анзоровы, кроме проживавших в ауле Бароковом, а также служивших в Санкт-Петербурге или находящихся в аманатах, перешли на сторону Шамиля. «Между прочими виновными в сношениях содействии неприятелю оказались следующие лица:

1. Подпоручик Магомет-Мурза Анзоров, признанный как один из главных виновников беспорядков и ясный соучастник, подписавший призывание Шамиля в Кабарду.

2. Корнет Анзор Анзоров, обвиненный в том, что не бив вынужден силой идти к Шамилю и хотя не действовал против нас вооруженной рукой, но показал малодушие и нерешительность.

3. Корнет Кучук Анзоров до прибытия Шамиля доставлял сведения о его движении; когда же неприятель занял его аул, то, отправив семейство свое в лес, явился к Шамилю и служил в кабардинском ополчении»².

Магомет-Мирза Анзоров – (Магомет-Мирза, Мухаммад-Мырза) (1809–1851 г.), поручик (по другим данным – подпоручик к 1843 г.), кабардинский уздень 1-й степени (тлелотлеш); был взят в аманаты при покорении Кабарды в 1822 г. В 1840 г. в чине прапорщика состоял членом Кабардинского временного суда. Например, в рапорте исправляющего должность пристава Малой Кабарды подпоручика Абаева командующему Кабардинской линией полковнику Пирятинскому, свидетельствующем о побеге в

Чечню Ибрагима Кушхабиева от 10 июня 1834 г., отмечено: «Но Кушхабиевы, осведомясь о сем и во избежание наказания, тотчас учинили побег в Чечню, где и поныне находятся отец и брат сказанного Ибрагима Кушхабиева. А сей, последний, прибыл в Кабарду на злодеяния, однако, не достигнув до предпринятого им намерения, был схвачен узденем Большой Кабарды Магомет-Мирзою Анзоровым и представлен в крепость Нальчикскую»³.

В 1844 г. Магомет-Мирза был членом депутации кабардинцев в Санкт-Петербург для принесения благодарности императору Николаю I за пожалованное Кабардинскому народу знамя. В «Именном списке депутатов, отправляемых в Петербург по Высочайшему соизволению с отметкой о мере преданности к Российскому Правительству и качествах каждого из них» содержится характеристика Магомет-Мирзы Анзорова: «Первый наездник по всей Кабарде, воспитанный покойным Хаджи Астемировым, он сначала позволял себе некоторые отступления от правил, которые ему были внушены аталыком (воспитателем), но с того времени, как Астемиров, падший впоследствии при нападении на Моздок жертвой преданности к России, привел ко мне, ручаясь за будущее поведение его, Анзоров сдержал данное за него обещание и во всяком случае выказывал рвение и послушание примириться, невзирая на прежние взгляды, ни на угрозы в мщении, когда дело шло о доставлении абреков. Богатство и удалство, которыми он известен преимущественно перед другими узденями не только в Кабарде, но и между всеми горскими племенами, доставили ему в народе значение, ставящие его на ряду с князьями»⁴.

Показательно, что получив от царской администрации знак «За усердие и преданность правительству» в начале 1846 г., 18 апреля того же года перешел на сторону имама Шамиля, став его наибом в округе Гехи в Малой Чечне. 4 марта 1849 г. Магомет – Мирза был назначен мудиром (генерал-губернатором) в Малой Чечне. 19 июня 1851 г. Магомет-Мирза Анзоров умер от полученных во время набега на Сунженскую линию ран в бою с отрядом генерала Слепцова. Слепцов, сам раненый в этом бою, распорядился послать из своих средств помощь семье погибшего, выказывая этим поступком дань храбрости Магомет-Мирзы.

Выдвигается ряд версий, почему Магомет-Мирза Анзоров перешел на сторону Шамиля. В исследовании «Кабарда: исто-

рия и фамилии» С.Н. Бетуганов отмечает: «Переход к Шамилю им готовился исподволь... Голицын докладывал своему начальнику, что по имеющейся у него информации, аул Магомет-Мирзы Анзорова, одного из членов Кабардинского временного суда, «приготавливается к измене Российскому правительству и собирается перейти к непокорным горцам»⁵. Главная претензия Анзоровых заключалась в территориальных притязаниях. В переписке от 2 мая 1844 г. полковника Петрусевича с Анзоровыми по поводу земель, отошедших от последних в пользу казачьих станиц, указано: «По требованию Вашего Высокоблагородия об указании Вам границ как письменно, так и в натуре, сколько земли нашей по воле Вашего начальства отмежевано под поселения на протяжении Военно-Грузинской дороги Владикавказского казачьего полка, что земли нашей собственно и нераздельно всей фамилии нашей издревле принадлежавшая, а именно: мне, Магомету Анзорову, и двоюродным братьям моим: гвардии ротмистру Хату Анзорову, Кучуку Анзорову, корнету Анзору Анзорову и Атажуку Анзорову; также и родного умершего брата моего Пшемахо Анзорова трем сыновьям, а моим племянникам: Асла Мурзе, Исмаилу и Магомету Анзоровым – отмежеваны для поселения Владикавказского полка станиц Александровской, Котляревской и Урухской пространства»⁶.

В мемуарах Муссы Кундухова, сына осетинского аддара-мусульманина Алхаста Кундухова (1818–1889), российского генерал-майора, впоследствии турецкого дивизионного генерала, эта точка зрения подтверждается. Исходя из косвенных сведений, можно прийти к выводу, что Анзоров проявлял недовольство сложившейся ситуацией и политикой, которую проводила Россия в отношении кабардинцев, в частности, это касалось территорий, которые были изъяты у них царским правительством. «Перед тем как я хотел повести их принять подарки и проститься с корпусным командиром, зашел в номер гостиницы, где стояли князь Алхас Мисостов и Магомет-Мирза Анзоров, которых я уважал больше других кабардинских депутатов. Они оба, будучи недовольными ответом генерала Головина на просьбу их об утверждении за Кабардою земли Золко и Этока, спросили меня: «Можно ли нам отказаться от подарков корпусного командира?» «Нельзя», – сказал я. «Почему?» – спросили они. «Потому что в настоящее время он сильно опасается общего волнения

всех горцев Кавказской линии, а более всего за Кабарду и за тагаурцев, и потому легко может понять ваш отказ как дурной знак, то есть может подумать, что вы уже в сношении с Шамилем...» «Подарки эти, – сказал Анзоров, – мы примем, но просим вас не сомневаться в том, что они внушают нам не благодарность, а негодование к тем русским, которые их нам делают коварно, но еще более и сильнее внушают нам презрение к нашим, которые, зная унижительность нашего положения, вопреки заветам достославных отцов наших, жадно за них хватаются, жертвуя за них народным интересом»⁷.

Наместник России на Кавказе генерал-адъютант князь Воронцов после похода имама Шамиля в Кабарду в апреле 1846 г. «...определил бывшего в Чечне Магомета Анзорова объявить абреком, а с имуществом его поступить на основании прокламации генерала Ермолова. Анзору Анзорову прекратить производство получаемого им от казны содержания впредь до нового отличия, а Кучука Анзорова отправить на службу на Черноморскую кордонную линию, дабы там усердием и надлежащим исполнением своих обязанностей он мог обратить на себя вновь внимание начальства.

Такое поведение Анзоровых было причиной, что в числе мер, предпринятых с целью обеспечения безопасности Кабарды, господин генерал-адъютант князь Воронцов для вящего охранения спокойствия наших пределов предположил все аулы рода Анзоровых переселить на места, где, находясь под ближайшим наблюдением начальства, они вместе с тем не стесняли бы своим пребыванием других жителей».⁸

В результате, царская администрация решила переселить аулы Анзоровых вглубь Кабарды. Аул Магомет-Мирзы был упразднен в 1847 г., большая часть жителей перешла на жительство в аул Хату Анзорова.

После перехода к имаму Шамилю представители фамилии Анзоровых продолжали активные действия против царской администрации в Кабарде. Например, в рапорте начальника линии Военно-Грузинской дороги полковника Ильинского начальнику Центра Кавказской линии генерал-майору и кавалеру князю Голицыну от 14 мая 1846 г., в частности, говорится: «Генерал-майор Нестеров уведомил меня, что по известиям, полученным генерал-лейтенантом Фрейтагом, Ибрагим Анзоров собирает в

Чечне партию и когда соберет до 300 человек, намерен отправиться с нею в Кабарду. Небольшие отряды из малокабардинцев на реке Курп и из жителей Большой Кабарды между Пришибом и Котляревской, а также и на Урухе, конечно, бы не допустили злонамеренных Анзоровых на какое-либо предприятие»⁹.

19 июля 1846 г. штабс-ротмистр Шпаковский сообщал исправляющему должность начальника Центра Кавказской линии полковнику и кавалеру Хлюпину о том, что по полученному им известию Магомет-Мирза Анзоров 4 дня находится в Кабарде с тайной миссией. «Нет сомнения, что абреки выжидают только случая при малейшей оплошности сделать какое-либо злодеяние: или же, приглася приближенных к себе, бежать в Чечню. Это доказывается, что в ауле Кучука Анзорова и в ауле Мирзы многие те из жителей, у которых сожжены сакли, не думают их устраивать и не занимаются никаким хозяйством и как пишет штабс-ротмистр Шпаковский, даже поговаривают в Кабарде, что к сентябрю месяцу опять явится сюда Шамиль»¹⁰.

Однако среди Анзоровых были и те, кто поддерживал политику царской администрации в Кабарде. Анзоров Хату (1802–1856) происходил из кабардинских узденей 1-й степени (тлекотлеш). Военная карьера Хату Анзорова складывалась весьма удачно. В 1830 г. он поступил оруженосцем лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона собственного Его Императорского Величества конвоя, приобрел чин юнкера в 1832 г. Хату Анзоров участвовал в Польской военной кампании 1830–1831 гг. В 1834 г. он был произведен в корнеты, в 1838 г. – в поручики. В 1840 г. был прикомандирован к Владикавказскому казачьему полку (станция Ардонская). В 1844 г. произведен в штабс-ротмистры, в 1845 г. – в ротмистры. В том же году Хату Анзоров был назначен командиром лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона. В 1848 г. произведен в полковники, в 1855 г. – в генерал-майоры. Награжден знаком отличия Военного ордена под № 63737 (1831), знаком польского ордена «За военные достоинства» 5-й степени (1831), золотой медалью на Георгиевской ленте с надписью «За храбрость» для ношения на шее, серебряной медалью «За взятие приступом Варшавы» (1831). За боевое отличие награжден орденом Св. Анны 2-й степени «с императорской короной»¹¹.

На службе при дворе императора Хату Анзоров находился до 1855 г. Он не принимал участия в событиях 1846 г. и был

известен своей усердной службой, поэтому наместник на Кавказе генерал-адъютант князь Воронцов в предписании генералу Завадовскому от 6 мая 1846 г. высказал пожелание, чтобы при назначении новых мест для переселения аулов Анзоровых было обращено особое внимание на предоставление аулу Хату Анзорова удобного места. После доклада князя Воронцова Николаю I было принято решение о предоставлении ротмистру Хату Анзорову тех земель Магомет-Мирзы Анзорова, которые окажутся лишними после полного обустройства Владикавказского казачьего полка.

В феврале 1848 г. комиссия по определению земель для переселения аулов Анзоровых закончила свою работу. Выдача вознаграждений до окончательного дознания о правах каждого из бывших владельцев была отложена, переселение аулов предписывалось произвести следующим образом.

«Аул Тамбота Анзорова переселить на правый берег р. Терек ниже укр. Черекского. Аул Селим-Гирея Анзорова – в аул Бароков, что в Малой Кабарде. Аул Хату Анзорова – на Малку, на место бывшего аула Трамова в 14 верстах выше ст. Новомарьинской и в 8 верстах ниже поста Д (неразб.). Остальные аулы Анзоровых – на левый берег р. Урвань, ниже аула Алхаса Мисостова. При этом распоряжении комиссия за исключением аула Хату Анзорова основывала свои заключения на акте, данном 13 депутатами из кабардинцев в том, что они добровольно и по общему согласию избрали для переселения Анзоровских аулов в указанные места»¹².

Хату Анзоров хорошо зарекомендовал себя на царской службе, поэтому было решено, что он будет наделен землей в Кабарде в таком количестве, каким владел он и бежавший к Шамилю его брат Мирза Анзоров на Военно-Грузинской дороге. Однако генерал-адъютант князь Воронцов предписал: «Из представленных по этому предмету сведений оказалось, что все земли в Большой Кабарде искони принадлежали четырем княжеским фамилиям и некоторым фамилиям узденей, но что ими владеют совместно с владельцами с давнего времени поселившиеся на них жители, иногда даже такие, которые не состоят ни в каких отношениях подвластности к владельцам участков, подобно тому, как Хату Анзоров и его брат были водворены и владели землями узденей Коголкиных, которых предназначается отвести Хату Анзо-

рову участок. По народным обычаям, владельцы не имеют права отчуждать каким бы то ни было образом свои земли, которые считаются совокупным общественным достоянием владельцев и водворенных на них жителей. Границы участков, хотя не определены знаками, но они известны по преданию, и нарушение оных нередко сопровождалось кровавыми распрями между кабардинцами; казенной же земли вовсе нет за исключением небольшого участка около Нальчика, необходимого для расположения наших войск»¹³.

Таким образом, при существовавшем положении поземельной собственности в Большой Кабарде стало очевидным, что формальная отдача правительством в исключительную и потомственную собственность даже владельцам принадлежащих им участков была бы сопряжена с большими затруднениями, и подобный шаг в отношении Хату Анзорова вызвал бы недовольство во всех сословиях.

Из-за невозможности предоставления участка в Большой Кабарде Хату Анзорову предложили отмежевать участок в 12 тысяч десятин из Горькобалковской степи Ставропольской губернии. Однако Анзоров отказался от участка в Горькобалковской степи вследствие того, что она не приносила бы ему дохода.

Даже учитывая факт конфискации земель и лишения большей части дохода, материальное состояние семьи Хату Анзорова должно было оказаться достаточно благополучным, имея в виду тот факт, что он пользовался уважением в высших слоях царской администрации и длительное время служил российскому правительству. Однако после его смерти в 1856 г. обнаружилось, что семья Хату Анзорова находилась в тяжелой материальной ситуации. Согласно описи имения, составленной 30 мая 1856 г., имущество, оставленное Хату Анзоровым, было достаточно скромным относительно занимаемого им положения. Кроме того, за ним остался значительный долг – 3438 руб. 48 коп. Хату Анзоров, прослуживший длительное время царской России, на исходе жизни практически ничего не приобрел, оставив после себя огромные долги.

В 1860 г. к аулу Хату Анзорова были присоединены часть жителей аула Тембота Анзорова в связи с переселением большинства жителей этого аула в Турцию. Старшинами села были брат Хату Анзорова Кучук, сыновья: ротмистр Исмаил, юнкер

Эльмурза, а позже – внуки Хату, Кучука Магомет-Мирзы Анзорова. Многие жители аула переселились в Турцию в 1869, 1892 и 1904 гг. В 1922 г. Анзоровы были репрессированы и выселены.

В целом, можно заключить, что представители семьи Анзоровых сыграли значительную роль в истории Кабарды периода Кавказской войны. Обращение к фактам, связанным с ролью личности, семьи, рода в событиях прошлого, дает нам возможность посмотреть на многие вопросы «изнутри»; это не только расширяет, но и углубляет границы наших представлений относительно специфики и тенденций дальнейшей интеграции Кабарды в состав России.

Примечания

1. УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 129. Л. 61.
2. УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1428. Л. 13.
3. УЦГА АС КБР. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 34. Л. 101.
4. УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 252. Л. 32.
5. *Бейтуганов С.Н.* Кабарда: история и фамилии. Нальчик, 2007. С. 106–107.
6. *Мамхегов А.* Почему Магомет-Мирза перешел к Шамилю. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazavat.ru/history3.php?rub=12&art=201>
7. *Кундухов Мусса.* Мемуары: [Электронный ресурс]. URL: http://www.biblio.darial-online.ru/text/Kunduhov/index_rus
8. УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1428. Л. 13 об.
9. УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 536. Л. 3–3 об.
10. УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 593. Л. 35–35 об.
11. *Казиков А.В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Нальчик, 2006. С. 45–46.
12. УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1428. Л. 15.
13. УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1428. Л. 23 об.

Марзоев И.-Б.Т.
(г. Владикавказ)

ЛИЧНОЕ И ПОТОМСТВЕННОЕ ДВОРЯНСТВО В ОСЕТИИ

По действовавшему в Российской империи законодательству, дворянство было разделено на потомственное и личное. Потомственные дворяне каждой губернии по владению недвижимой собственностью, вносились в родословные книги, разделенные на шесть частей: «первая часть – дворянские роды, пожалованные монархом, вторая часть – дворянские роды, приобретенные чинами на службе военной, третья часть – то же на службе гражданской или получившие достоинство через пожалование ордена, четвертая часть – иностранное дворянство, признанное в своем достоинстве русскими государями, с обязательным принятием русского подданства, пятая часть – титулованные дворянские роды, шестая часть – древние роды, могущие доказать свою принадлежность к дворянскому сословию в течение 100 лет до момента издания жалованной грамоты» [2. С. 21].

Потомственное дворянство приобреталось службой или пожалованием – чинами действительного статского советника, полковника и капитана I ранга, полученными на действительной службе, а не при отставке, и всеми орденами первой степени, Св. Георгия всех степеней и Св. Владимира первых трех степеней. В указе от 28 мая 1900 г. было отменено приобретение потомственного дворянства орденом св. Владимира IV степени (право на этот орден имели все, прослужившие 35 лет на каких бы то ни было классных должностях). Этим же указом отменено было право просить о возведении в потомственное дворянство

лиц, отцы и деды которых имели чины, дающие личное дворянство [9. С. 230–237].

Личное дворянство, созданное Жалованной грамотой дворянству Екатерины II от 21 апреля 1785 г., приобреталось или пожалованием (на практике такие случаи крайне редки), или чином и орденом. Из чинов личное дворянство сообщали в действительной военной службе чины обер-офицерские, а в гражданской – чин IX класса. Из орденов личное дворянство давали: Св. Станислава II и III ст., Св. Анны II–IV и Св. Владимира IV ст. Личное дворянство сообщалось браком жен. Личный дворянин пользовался такими же личными правами, что и потомственный, но не мог передать их детям, которые пользовались правами потомственных почетных граждан. Никакой корпоративной организации личные дворяне не имели [9. С. 230–237].

По мнению В. Ключевского, личное дворянство как таковое сословием не являлось, так как было лишено отличительных дворянских прав: личные дворяне не входили в состав местных дворянских обществ и при крепостном праве не могли владеть крепостными людьми. Объединяющей основой потомственного и личного дворянства являлся одинаковый способ приобретения того и другого звания: как личное, так и потомственное дворянство приобреталось пожалованием, чинами по службе и полученными орденами [4. С. 4–5].

К исключительным правам дворян, принадлежавших каждой из двух категорий в отдельности и отличавших их от прочих сословий, являлись: право иметь родовой герб; право писаться помещиком своих поместий и вотчинником своих вотчин, наследственных и жалованных; право учреждать заповедные и временно заповедные имения (закон от 25 мая 1899 г.); право носить мундир той губернии, где у него имение или где он записан; право на получение первого классного чина (при поступлении на службу лица, не получившего образования) по выслуге особо краткого срока (2 года); право на залог имений в Государственном дворянском земельном банке, предоставлявшем своим заемщикам ряд существенных льгот. Свидетельством благородства было право ношения шпаги, которое имели дворяне. Общим для всех дворян был титул «ваше благородие» [6]. В Российской империи дворянство было открыто для наиболее отличивших-

ся представителей других сословий, что только подчеркивало ее демократичность по сравнению со странами Европы.

В Осетии социальные отношения отличались большей консервативностью. И переход из сословия незнатного в знатное практически не имел места. Исключение составило признание трех фарсаглагских фамилий Тагаурского общества в звании тагаурских узденей 1-й степени. На протяжении веков в Осетии сложилась своя оригинальная социальная структура высшего сословия: К *осетинской этнической элите* относятся потомки осетинских родов Царазоновых, Сидамоновых, Кусагоновых, Цахиловых и Агузовых. Все законные потомки этих родов, согласно различным источникам, на протяжении нескольких столетий пользовались определенными сословными привилегиями. По мнению Г.А. Кокиева, «выдвинувшиеся старшинные феодальные фамилии» Сидамоновых, Кусагоновых, Царазоновых, Цахиловых и Агузовых «мечом восстановили в Северной Осетии феодальные порядки и свои незаконные права на лучшие земельные угодья и трудящуюся крестьянскую массу» [5].

К *потомственному дворянству* мы отнесли *тагиат, куртат, цимитат, баделят, царгасат* и *гагуат*. Как и в Российской империи, в Осетии потомственное дворянство передавалось жене и законным детям [2. С. 21]. Оно приобреталось только рождением. Его нельзя было заслужить ни чинами, ни орденами, ни личными заслугами.

К *жалованному дворянству* в Осетии относятся некоторые фарсаглагские фамилии, получившие за особые заслуги дворянское звание от Российского правительства и признанные в этом достоинстве традиционной осетинской аристократией. Признание в узденском (дворянском) достоинстве трех осетинских фамилий – Кусовых, Козыревых и Дзгоевых – было случаем исключительным, т.к. «фарсалаки, кавдасарды и гурзиаки не могли ни за какие отличия получать прав на возвышение своего происхождения, но, напротив того, фарсалаки и кавдасарды делались гурзиками за разные преступления и тому подобные обстоятельства», – свидетельствовали, объясняя права тагаурских алдар, прапорщик Хетак Туганов, поручик Кавдын Кундухов, корнет Адиль-Гирей Алдатов, прапорщик Магомед Есенов, прапорщик Осман Мамсуров, подпоручик Паци Кануков, прапорщик Гадо Тхостов и подпоручик Нафи Шанаев [8. Л. 3–4].

К *служилому осетинскому дворянству* относятся потомки лиц, получившие права высшего сословия по военной службе, по службе гражданской и орденам.

К *иноэтничному дворянству* относятся потомки представителей неосетинских аристократических родов, переселившиеся в разные периоды истории в Осетию и признанные в равном достоинстве местной аристократией. К таким родам относятся кумыки Цопановы-Тарковские, абхазы Маршания, кабардинцы Коголкины, балкарцы Айдаболовы, Боташевы, Куцуковы, Темиркановы и др., которые, поселившись в Осетии, влились в состав местной знати.

Особняком стоит родственная группа фамилий Наро-Мамисонского общества, происходящая от легендарного Хетага. Отличительной чертой этих фамилий является замкнутость внутри своей группы при заключении браков. До начала XX в. практически не встречаются примеры установления родственных связей с представителями аристократических родов Тагаурского, Куртатинского, Алагирского и Дигорского обществ Северной Осетии. Между тем предания связывают происхождение этого рода с родоначальником адыгских князей Иналом, а целый ряд его представителей получили в разное время подтверждение своего дворянского и княжеского достоинства от грузинских монархов. И так же как и в других осетинских обществах, в Наро-Мамисонском обществе существовал свой ряд иерархически организованных страт.

Говоря о социальных отношениях, необходимо отметить, что каждое из рассматриваемых четырех осетинских обществ имело свои отличительные особенности, обусловленные историческими, географическими и другими факторами. Как было отмечено выше, социальная структура в Дигорском обществе была наиболее развита. Высшее сословие здесь состояло из трех родственных союзов фамилий, разделивших Дигорию на сферы влияния. В Тапан-Дигории и Уаллагкоме правили бадеята, в Стур-Дигории – царгасата, в Донифарсе – гагуата. В Тапан-Дигории существовала и отдельная категория – хехесы. По свидетельству дигорских старшин, это переселенцы «из соседних обществ – Алагиры, Лезгоры, Стур-Дигоры, Донифарс и другие, – которые совершенно свободны и составляли посторонний класс в обществе под названием хехесов» [10. Л. 40].

Из всех осетинских обществ Алагирское считается самым древним. Однако феодальные отношения здесь были развиты значительно слабее, чем в Дигории и Тагаурии. Но при этом в Алагирском обществе существовали те же сословия, что и в более развитых феодальных обществах. Высшее сословие – *уазданы* («благородные») состояло из ряда фамилий – потомков древних аристократических родов Осетии: Царазоновых, Сидамоновых, Кусагоновых, Цахиловых и Агузовых.

Несмотря на некоторую отсталость в развитии феодальных отношений в сравнении, например, с Дигорией или Тагаурией, высшее сословие Куртатинского общества пользовалось несомненным авторитетом. Доказательство тому – сравнение некоторых куртатинских фамилий с кабардинскими первостепенными узденями.

Отличительной чертой Тагаурского феодального сословия было то, что «всякая алдарская фамилия – сильна ли она была, или слаба, – все равно была с незапамятных времен равноправным членом алдарского сословия» [1].

Тагиата свидетельствовали о том, что «соседние племена наши, как-то: кабардинцы, кистинцы и дигорцы, зная нас владельцами, брали из наших фамилий аманатов в залог свободного сообщения между нами, как и мы брали по таковым же причинам от них из главных их фамилий. Самое правительство до 1830 г. брало в залог верности нашего народа аманатов не иначе как из наших фамилий» [7. Л. 302]. В качестве аманатов (араб. – «заложник») русское правительство брало сыновей северокавказской княжеской знати в целях подтверждения верно-подданнических отношений к престолу. Этот обычай был перенят у местных горских племен и активно использовался русской военной администрацией вплоть до сер. XIX в. [3. С. 19].

Примечания

1. Алдар. О сословных правах горцев // Новое обозрение. 1893. № 3230.
2. Дворянские роды Российской империи. Князья. СПб., 1993. Т. I.
3. Клочков Д.А. «Отличны храбростью...» Собственный Его Императорского Величества конвой. 1829–1917: История, обмундирование, вооружение, регалии. СПб., 2007.

4. *Ключевский В.* История сословий в России. М., 1913.
5. *Кокиев Г.А.* Очерки по истории Осетии. Владикавказ, 1926. Ч. I.
6. *Лавицкая М.И.* Правовое положение дворянского сословия в России в XIX – начале XX века // <http://www.center-bereg.ru/479.html>. (дата обращения: 5.04.2011).
7. НА СОИГСИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 35.
8. НА СОИГСИ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 72.
9. *Сухачева Е.М.* Юридический, социальный и политический статус дворянского сословия: история и современность // Генеалогия народов Кавказа. Владикавказ, 2010. Вып. II. С. 230–237.
10. ЦГА РСО-А. Ф. 291. Оп. 1. Д. 29.

Шумков А.А.
(г. Москва)

**«ЗА ВСЕ ЗАБОТЫ
О БЛАГЕ КАБАРДИНСКОГО НАРОДА».
О НЕСОСТОЯВШЕМСЯ
ПРИСВОЕНИИ ПОЧЕТНОГО ЗВАНИЯ
КНЯЗЮ А.М. ДОНДУКОВУ-КОРСАКОВУ**

Литература о князе Александре Михайловиче Дондукове-Корсакове (1820–1893), в течение девяти с половиной лет занимавшего должности командующего войсками Кавказского военного округа и главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, наказного атамана Кавказских казачьих войск, при котором в 1883 г. было введено новое «Положение об управлении Кавказом», весьма обширна. Не так давно ее обзор прилагался к моей работе о потомстве кабардинской княжны Жан [1], заметим только, что самой подробной и точной работой о службе князя А.М. Дондукова-Корсакова, содержащей также обширную библиографию, остается очерк Д.Н. Шилова и Ю.А. Кузьмина [2].

Александр Михайлович принадлежал сразу к трем ветвям старинного русского рода Корсаковых: отец, дед и прабабка его были рожденными Корсаковыми. Родился он в Санкт-Петербурге 12 сентября 1820 г. в семье гвардейского полковника Михаила Александровича Корсакова (1794–1863) и Марии Никитичны, урожденной княжны Дондуковой-Корсаковой (1803–1884). За два дня до его рождения Высочайшим указом 10 сентября 1820 г. его отцу было пожаловано право после смерти тестя принять титул и фамилию князей Дондуковых и пользоваться

соединенной фамилией. Однако ждать смерти князя Никиты Ивановича Дондукова-Корсакова (1776–1857) никто не хотел: зятя и младенца-внука князя Никиты Ивановича сразу же стали именовать князем и княжичем. 26 июня 1829 г. Государь Император утвердил это произвольное присвоение титула. Прабабка Александра Михайловича, княгиня Мария Васильевна Дондукова, урожденная Корсакова (1756–1831), была женой князя Ионы Федоровича Дондукова, или иногда Дундукова (ок. 1734–1781), до крещения Ассарая, третьего сына калмыцкого хана Дондук-Омбо (умершего в 1741) и его второй жены, кабардинской княжны Джанет († 2.6.1777), получившей в крещении имя Веры, а по Высочайшему указу 6 июля 1745 г. титул и фамилию княгини Дондуковой (Дундуковой).

О калмыцкой ханше Джан († 2.6.1777), кабардинской княжне Джанет Кургоки, дочери старшего князя-вали Кабарды Кургоко (Темирбулата) Атажукина, сестре кабардинского владетеля (пшыщхуза) Бамата (Магомета) Кургокина-Атажукина, также уже написано немало [3].

В августе 1844 г. кандидат прав, поручик лейб-кирасирского Е. Выс. Наследника Цесаревича полка князь А.М. Дондуков-Корсаков был назначен чиновником для поручений к командиру Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющего Закавказского края. Сам молодой князь, конечно, был прекрасно осведомлен о том, кто были его прапрадед и прапрабабушка; о том, что в нем течет кровь калмыцких ханов и кабардинских князей. В 1886 г., в Тифлисе Александр Михайлович опубликовал книгу «Род князей Дондуковых-Корсаковых». Ведало ли о том его начальство, вопрос риторический, а вот предположить, что на Кавказе многие могли знать о его кровной связи с кабардинцами, у нас есть основания.

Стиль управления князя А.М. Дондукова-Корсакова, его примирительная политика по отношению к горским народам, конкретные шаги к сохранению привилегий местной аристократии снискали ему признательность и любовь.

3 июня 1890 г. Высочайшим указом князь А.М. Дондуков-Корсаков по собственному прошению вследствие расстроенного здоровья был уволен от всех занимаемых должностей на Кавказе с оставлением членом Государственного Совета и в звании генерал-адъютанта.

29 апреля 1891 г. Терское областное правление получило и зарегистрировало по 1-му столу Горского отделения за номером 181 письмо представителей кабардинского народа на имя князя А.М. Дондукова-Корсакова:

*Ваше Сиятельство
Князь Александр Михайлович!*

Мы, кабардинцы, проникнутые чувствами глубокой преданности к памяти Вашей за все незабвенные заботы о благе народа в бытность Вашего Сиятельства Главным Начальником обширного Кавказского края, убедительно просим Вас сделать нам великую честь принять звание почетного представителя Кабардинского народа. Ваше Сиятельство! Кабардинцы, памятуя дорогое и славное имя Ваше, желают эти же искренния чувства неподдельной преданности и любви к Вам передать грядущему потомству.

Генерал-майор Шипшев

Магомет Гедгафов (оттиск печатки с литерами W и L)

Каспот Апишев*

Князь Темрук Атажукин

Кады Шебзухов (отпечаток пальца)

Измаил Кармов (собственноручная запись)

Шу Аджиев

Микячо Таликов

Ибрагим Закуреев*

Кази Тавкешев

Увжучо Ортанов*

Барак Гукешоков

Кул Кануков*

Эдык Кучмазукин*

Исхак Берхамов*

Хажиимар Шогенов*

Пшецук Озроков

Бекир Нашхов*

Каирбек Абазоков*

Мисост Ортанов*

Хажибекир Озроков

Хакияша Мазанов (далее подпись арабской вязью)

Али Кушев*
Магомет Дышеков
Магомет Гучинов*
Жанхот Шипшев*
Тембот Мисостов (собственноручная запись)
Камбот Шогенов*
Байземурза Тхамгоков
Ляша Хатанов
Исмаил Пшуков*
Аиса Кушхов
Пак Товкешев (собственноручная запись)
Батоко Ногмов
Эльджеруко Тхагопсоев
Бекмурза Лафишев*
Касай Маржохов
Жамбот Тахтомышев (собственноручная запись)
Кн. Наурузов (собственноручная подпись)
Жандар Тлепшев
Берд Тамбиев*
Абдрахман Алтудоков*
Ислам Хаджев
Тембот Кошев (фамилия написана собственноручно)
Мусса Шогенов*
Дзадзу Сокуров*
Ислам Аскеров
Ачахмат Чипчиков*
Жанкир Саров
Куденетов (собственноручная подпись)
Шамиль Кошеров*
Жамбот Дышеков
Заурбек Маготлов
Исмаил Анзоров*
Ордашукко Кудабердоков
Эдык Коголкин* /
Хатакишукко Танашев
Аиса Мирзов*
Камбулат Бахуцев*
Хажибатыр Койшиев
Асламбек Тляпишников*

Хатокишко Захохов 1-й*

Кучук Докшоков*

Эльмурза Бадроков (далее подпись арабской вязью)

Цуко Губжоков

Гузер Карашев** [4. Л. 5–6].

О письме доложили новому командующему войсками Кавказского военного округа и главноначальствующему гражданской частью на Кавказе генерал-адъютанту С.А. Шереметеву, из канцелярии которого был отправлен отзыв к начальнику Терской области: «...некоторые лица из числа кабардинцев просят бывшего командующего войсками округа принять на себя звание почетного представителя всего кабардинского народа. Его Превосходительство, находя, что высказанное в этом письме желание кабардинцев должно быть облечено в более определенную форму и высказано от лица всего кабардинского народа через законно уполномоченных представителей, а не отдельных личностей, как это имеет место в данном случае» [4. Л. 4–4 об.].

31 мая 1891 г. начальник Терской области препроводил отзыв начальника штаба Кавказского военного округа от 18–21 мая начальнику Нальчикского округа с предложением составить в установленной форме общественный приговор от всех кабардинцев о поднесении князю Дондукову-Корсакову звания почетного представителя их [4. Л. 1–1 об.].

Приговор доверенных от Большой и Малой Кабарды о присвоении Его Сиятельству князю А. М. Дондукову-Корсакову звания почетного представителя кабардинского народа начальник Нальчикского округа представил в Терское областное правление при рапорте от 9 ноября 1891 г. [4. Л. 3]. Однако сам приговор в архивном деле не сохранился. Причиной этого могло быть доношение Главного штаба от 14 января 1892 г. штабу Кавказского военного округа о том, что Военный министр «не изволил на это согласиться и признал возможным испросить поднесение ему лишь звания почетного члена какого-либо одного из кабардинских аулов и при том без наименования представителем, так как кабардинцы уже имеют представителей в местной областной и

---

* После большинства имен (*), вместо своеручной подписи, стоят оттиски печаток с арабской вязью.

центральной Кавказской администрациях... Прошу уведомить, желает ли кабардинский народ поднести бывшему командующему войсками округа звание почетного члена одного из аулов и какого именно [4. Л. 8–9].

Управление Нальчикского округа при рапорте от 23 марта 1893 г. представило 32 общественных приговора, составленных жителями селений Большой Кабарды, пожелавших поднести звание почетного члена своего селения князю А. М. Дондукову-Корсакову. В рапорте было отмечено, что «будучи на сходе, доверенные от всех сельских обществ Кабарды, затруднились в выборе одного какого-либо сельского общества, которое бы поднесло звание почетного члена» [4. л. 13].

ПРИГОВОРЫ:

1893-го г. февраля 14-го дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Жанхотова, 3-го участка... 212 человек домохозяев, имеющих право голоса и будучи проникнуты чувствами глубокой преданности к памяти Его Сиятельства Александра Михайловича Дондукова-Корсакова за все заботы о благе кабардинского народа в бытность Его Сиятельства главным начальником... в том и подписуемся... вместо их неграмотных и по их просьбе равно и за себя расписался на арабском языке Хажемет Балкцов ... [4. Л. 15–16].

1893 г. февраля 19 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Докшоковского 3 участка... 103 человек домохозяев ... в том и подписуемся... а за всех их неграмотных по рукоприкладной просьбе расписался на арабском языке эфенди ... [4. Л. 17–18].

1893 г. февраля 17 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Догужоковского 3 участка... 90 человек домохозяев ... в том и подписуемся... а за нас неграмотных расписался на арабском языке эфендий Заурбек Губеков [4. Л. 19–20].

1893 г. февраля 15 дня, мы, нижеподписавшиеся жители селения Верхне-Кажоковского 5 участка... 75 человек домохозяев ... в том и подписуемся..., а вместо неграмотных по их личной и рукоданной просьбе расписался сельский эфенди по арабски ... (Идрис Моллов) [4. Л. 21–21 об.].

1893 г. февраля 4-го дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Атажукина 2-го... 162-х домохозяев ... в том и подписуемся... а вместо их неграмотных по их личной и рукоданной просьбе расписался, а равно и за себя расписался односелец их ... Гедгосров [4. Л. 23–24].

1893 г. февраля 5 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Кучмачукинского 1-го участка... 192-х человек домохозяев ... в том и подписуемся... а вместо их неграмотных, а равно и за себя эфенди Махмуд Гутов [4. Л. 25–26].

1893 г. февраля 5 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Наурузова 1-го участка... 235 человек домохозяев ... в том и подписуемся... а за их неграмотных по их просьбе расписался на татарском языке Увжуко Шапсигов ... (арабской графикой) [4. Л. 27–28].

1893 г. февраля 28 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Тамбиева 1-го участка... 200 человек домохозяев ... в том и подписуемся... а вместо их неграмотных расписался эфендий Кон... Шо...гов ... [4. Л. 29–30].

1893 г. февраля 12 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Тыжева 1-го участка... 139 человек домохозяев ... в том и подписуемся... а вместо их неграмотных по личному доверию подписался ... по арабски Увжуко Тхакахов [4. Л. 31–32].

1893 г. февраля 17 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Аргуданского 3-го участка... 240 человек домохозяев ... в том и подписуемся... а вместо их неграмотных по их личной просьбе расписался Хатукшуко Кожаров по-арабски ... Хатокшуко Тохов [4. Л. 33–34 об.].

1893 г. февраля 13 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Касин-Анзорова 3-го участка... 249 человек домохозяев ... в том и подписуемся... а вместо их неграмотных по их личному доверию и за себя расписался по арабски эфендий Ягья Эльджеруков ... [4. Л. 36–37 об.].

1893 г. февраля 10 дня, мы, ниже подписавшиеся, жители селения Шалушинского 3 участка... 200 человек домохозяев ... в том и подписуемся... а вместо нас неграмотных по их личной нашей просьбе, а равно и за себя расписался отставной штабс ротмистр *Бекмурза Шардкиз* [4. Л. 39–40 об.].

1893 г. февраля 16 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Коголкина 3-го участка... 196 человек домохозяев ... в том

и подписуемся... а за их неграмотных по их просьбе а равно за себя подписались *Батрбек Коголкин* [4. Л. 42–43 об.].

1893 г. февраля 20 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Хату Анзорова 3 участка... 103 человек домохозяев ... в том и подписуемся... а по безграмотности по личному их доверию расписался ... [4. Л. 45–46].

1893 г. февраля 14 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Куденетова 1-го 3-го участка... 310 человек домохозяев ... в том и подписуемся: отставной генерал-майор *Атаджукоев*, полковник *Куденетов*, узденя *Хацу Атаджукоев* ... неграмотные ... а вместо их неграмотных по доверию, а ровно за себя расписался по-арабски эфендий Тагир Шадов ... Ислак Гуаков*, Жамбот Карашаев, Тотлостан Назранов (печатка с арабской вязью), Шоракка Жаооков (печатка с арабской вязью), Баша Бабучаев (печатка с арабской вязью), Беслан Абазов (печатка с двумя литерами Б и А) [4. Л. 48–49 об.].

1893 г. февраля 11 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Кошеровского 3-го участка... 97 человек домохозяев ... в том и подписуемся... а вместо их неграмотных по доверенности расписался *Асламбек Натцев* [4. Л. 50–51].

1893 г. февраля 11 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Касаевского 1-го участка... 219 человек домохозяев ... в том и подписуемся... а вместо их неграмотных по личной просьбе, равно и за себя расписался на арабском Диолеки Хажи, Ибрагим Лафишев [4. Л. 52–53].

1893 года февраля 26 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Хасаутского 1 участка... 110 человек домохозяев ... в том и подписуемся... а за них неграмотных, ровно и за себя подписался на арабском диалекте Эдык Хаджи Гогуюев... [4. Л. 54–54 об.].

1893 г. февраля 3 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Ашабова... 314 человек домохозяев ... в том и подписуемся... а за них неграмотных по их личной просьбе расписался сельский эфенди Ахмед Канкулов по-арабски ... [4. Л. 56–58].

1893 г. февраля 6 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Лафишевского... 115 человек домохозяев ... в том и подписуемся... а за них неграмотных по личному доверию, равно за себя расписался урядник *Магомед Унаков*, Асхад Кештов (печатка с кириллическими буквами А.К.) [4. Л. 59–60].

1893 г. февраля 8 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Иналовского... 186 человек домохозяев ... в том и подпису-

емя: грамотные: Прапорщик ... Шалбаров, Кн. И.Б. Иналов, Шахбулат Седаков, Мастуд Кумуков ... Магомет ... Бермаматов ... неграмотные: ... а вместо их неграмотных по их личному доверию и за себя расписался Магомет Ордоков [4. Л. 61–62].

1893 г. февраля 5 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Тамбиева 2 ... 125 домохозяев ... в том и подписуемся... а вместо их неграмотных, равно и за себя расписался по-арабски эфендий Магомет Балкаров ... [4. Л. 63–64].

1893 г. февраля 8 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Кармова 1-го участка... 192 человек домохозяев ... в том и подписуемся... а вместо их неграмотных по их личной просьбе расписался Бекмурза Хашуков ... [4. Л. 65–66 об.].

1893 г. февраля 19 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Атажукина 3-го 1-го участка... 180 домохозяев ... в том и подписуемся: Кн. М. Атажукин, юнкер Султанбек Агубеков ... (подпись по-арабски), уздень Измаил Кармов, Мусса Коков, дворянин Измаил Тягов ... (подпись по-арабски и печатка с текстом: ...бек ПАШТОВЪ), Зубаир Кармов ... (подпись по-арабски), а за них неграмотных по просьбе, а равно и за себя расписался на арабском диалекте эфендий Шамаиль Есеноков ... [4. л. 68–69 об.].

1893 г. февраля 13 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Конова 1-го участка... 253 домохозяев ... в том и подписуемся... а за неграмотностью их по личному доверию, равно и за себя расписался сельский эфендий Кургоко Колов ... и Ток Хуранов [4. Л. 71–72 об.].

1893 года февраля 5 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Атажукина 1-го... 168 домохозяев ... в том и подписуемся... а вместо их неграмотных по личной просьбе по-арабски подписал эфендий Мосхус Жофичев ... Князь Мисыт Атажукин [4. Л. 74–75 об.].

1893 г. февраля 14 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Тохтамышевского 3-го участка... в числе 63 человек домохозяев ... в том и подписуемся... а вместо их неграмотных и по доверию и равно за себя расписался сельский эфендий Темержан Конуков ... [4. Л. 77–78].

1893 г. февраля 17 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Нальчикско-Клишбиевского селения 3-го участка... 284 человек домохозяев ... в том и подписуемся... а за неграмотных по их доверию расписался ... Хабыта Фиров, по-арабски [4. Л. 79–81 об.].

1893 г. февраля 18 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Докшукинского 3-го участка... 134 человек домохозяев ... в том и подписуемся... а вместо их неграмотных по личному доверию и за себя расписался по-арабски сельский эфендий Махмуд Хавпачев ... [4. Л. 83–84].

1893 г. февраля 18 дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Мисостова 3 участка... 138 человек домохозяев ... в том и подписуемся... а по их неграмотности и личной просьбе расписался по-арабски эфенди Хажи Кономот Шегонов ... [4. Л. 85–85 об.].

1893 г. февраля 18-го дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения Нижне-Кожоковского 3-го участка... 125 домохозяев ... в том и подписуемся... а вместо их неграмотных по просьбе и доверию, равно и за себя подписался сельский эфендий Хажи-Эрежиб Идороков ... [4. Л. 86–87].

1893 г. февраля 12-го дня, мы, нижеподписавшиеся, жители селения 2-го Куденетова 3-го участка... 135 человек домохозяев ... в том и подписуемся... а вместо их неграмотных по их личной и рукоприкладной их просьбе расписался эфендий Тембот Наурузов по-арабски ... [4. Л. 88–89].

Искренние же человеческие чувства, увы, как часто бывало, утонули в российской бюрократической волоките. 15 апреля 1893 г. в своем родовом имении Полоное Порховского уезда Псковской губернии в три часа дня князь Александр Михайлович скончался. После отпевания в Троицкой церкви соседнего села Бурги 18 апреля он был похоронен в имении. И ныне близ частично сохранившегося господского дома, на пустой площадке, где раньше стояла домовая церковь, а вокруг располагалось родовое кладбище, лежит чудом сохранившаяся надгробная плита князя А.М. Дондукова-Корсакова.

24 апреля 1893 г. начальник Терской области и наказной атаман Терского казачьего войска донес начальнику штаба Кавказского военного округа: «Имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что начальником Нальчикского округа при рапорте от 23 прошедшего марта представлены были ко мне 32 общественных приговора, составленных жителями селений Большой Кабарды, пожелавшими каждое в отдельности поднести генерал-адъютанту князю Дондукову-Корсакову звание почетного члена своего общества, но за смертью Его Сиятельства, приговоры эти как утратившие значение, мною возвращены к

Примечания

1. Шумков А.А. Потомство кабардинской княжны Джан, последней супруги калмыцкого хана Дондук-Омбо // Генеалогия народов Кавказа: Традиция и современность. Владикавказ, 2014. Вып. IV. С. 163–218.

2. Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской Империи. 1801–1906: Биобиблиографический справочник. СПб., 2007. С. 291–295.

3. Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках. СПб., 1834; Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: Соч. 1761 г. Элиста, 1995; Илишкин Л. Ханша Джан // Интернет-сайт Информационного агентства «Бумбин орн» – http://bumbinorn.ru/2006/02/03/khansha_dzhan.html; Колесник В.И. Последнее великое кочевье. М., 2003; Дороги к Москве // Литературная Кабардино-Балкария. 2007. № 4. С. 41–74; Торопицын И.В. Противодействие тайного советника и губернатора В.Н. Татищева планам ханши Джан разыграть персидскую карту в русско-калмыцких отношениях в середине XVIII в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. 2010. № 1. С. 52–55; Почакаев Р.Ю., Почакаева И.Н. Властительницы Евразии: История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII–XIX вв. СПб., 2012. С. 254–264; Очерк двадцать четвертый. Джан – калмыцкая ханша, ставшая российской княгиней (ум. 1777, Калмыцкое ханство); материалы Википедии и сайта Rodovid.

4. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 11 «Терское областное правление». Оп. 1. Д. 161: О присвоении звания почетного представителя кабардинского народа князю М.А. Дондукову-Корсакову, 1891–1893 гг. 90 л.

Фоменко В.А.
(г. Нальчик)

СЕЛЕНИЯ ТАМБИЕВЫХ В РАЙОНЕ ПЯТИГОРЬЯ

Селение (хутор) Тамбиева обозначено на карте середины XIX в.¹ вблизи станицы Горячеводской². У местного населения сохранилось предание о существовании здесь т.н. армянского аула, уцелело также название Армянский лес в соседней долине р. Юцы³.

Известный на Кавказских Минеральных Водах ученый и общественный деятель С.А. Смирнов в своей книге, опубликованной в 1864 г., пишет: «Верстах в 7 от Пятигорска по ту сторону Подкумка, на извилистом берегу реки Юцы, расположен черкесский аул, называемый Армянским преимущественно потому, что зажиточнейшая часть жителей из армян. Для посетителя, не бывшего далее на Кавказе, он представляет тот интерес, что в нем можно видеть сохранившуюся внутреннюю жизнь черкесских аулов при переходе ее к более цивилизованным формам. Внутреннее расположение домов, одежда и украшение женщин, их гостеприимные обычаи и проч. переносят небывалого европейца в совершенно новый для него мир. Дорога в этот аул довольно удобна»⁴. Приблизительно тот же текст под названием «Прогулка в Армянский аул» повторяется позже. Только расположение этого аула на реке Юце указано уже в 4 верстах от Пятигорска⁵.

Сведения об этом населенном пункте сохранились в архиве краеведа Н.М. Егорова, хранящемся в Пятигорском краеведческом музее. 28.07.1933 Н.М. Егоров зафиксировал воспоминания казака станицы Горячеводской 1866 года рождения. Этот казак

сказал, что еще помнит этот аул, он был небольшой, и владельцем в нем являлся Тамбиев. Обстоятельств исчезновения этого аула он не помнит и не знает. Расположен он был на левом берегу р. Юцы. Станица Горячеводская уже заняла (к 30-м гг. XX в. – В.Ф.) всю его площадь и даже подвинулась еще вверх по р. Юце⁶.

Кроме того, осматривая в 2000 г. старое кладбище станицы Горячеводской, я обратил внимание на сохранившийся здесь массивный памятник в виде креста из серого камня с надписью «Тамбиев Макар Давыдович скончался 5-го января 1881 года». Вполне возможно, что здесь похоронен владелец (или близкий родственник владельца) упомянутого селения (аула, хутора)⁷.

Фамилия Тамбиевых относится к наиболее значительным дворянским фамилиям Большой Кабарды. Тамбиевы относились к особому «высокостепенному» кабардинскому сословию глакотлеш⁸. Какое же отношение кабардинские дворяне Тамбиевы имели к Армянскому аулу близ Пятигорска?

Почти исчерпывающий ответ на этот вопрос содержится в публикациях известного историка-архивиста С.Н. Бейгутанова⁹. На основе данных архивов Сафарби Нагмановичу удалось прояснить историю, как он пишет, «армян» Тамбиевых.

Сохранившееся в документах 20-х гг. XIX в. семейное предание Тамбиевых гласит, что у Глостанеша Тамбиева (жил в сер. и второй пол. XVI в.) было три сына: Бекмурза, Умахош и Бий. Младший из братьев, Бий, решил жениться на дочери армянского священника, жившего в те времена в Кабарде. Родственники Бия были против этого брака, и Бий уехал со своей возлюбленной за Кубань. Из Закубанья, опасаясь преследования, уехал в Крым, где «приняв веру армянскую, женился» и «остался жить между тамошними армянами». При крещении Бий получил имя Иосиф. Узнав о смерти своего отца Глостанеша, Бий (Иосиф) захотел помириться с братьями и вернулся в Кабарду вместе с четырьмя сыновьями. Однако братья не стали с ним мириться и не приняли в свою среду. Кроме того, они запретили ему именоваться фамилией Тамбиевых и за «поступки его против веры и родства и по деянию его стали называть Жигат Гауром, то есть Герой Неверный»¹⁰.

В начале XIX в. (согласно преданию, приблизительно в 1804 г.) Жигатовы-Гауровы (или просто Гауровы), «оставя Кабар-

ду, имея на отцов их неудовольство» и опасаясь за свое спокойствие вследствие принятия... христианской веры», перешли под покровительство России и поселились со своими подданными под Лысую гору в Пятигорье¹¹.

Представители рода Гаур-Тамбиевых, основавшие селение у Лысой горы, многократно упоминаются в документах XIX в., т.к. они пытались доказать свое знатное кабардинское происхождение и просили причислить их к дворянскому сословию¹².

Командующий войсками Кавказской линии и Черномории генерал Г.А. Емануэль отмечал, что «дело Тамбиевых может иметь большое влияние и на прочих узденей азиатского происхождения, которые со временем пожелали бы воспринять христианскую религию и вступить в подданство Российского престола». В документе от 28 февраля 1830 г. Емануэль писал: «Все сие обстоятельство представляя правительствующему сенату, я имею честь присовокупить, что обитатели аула у Лысой Горы Гаур-Тамбиевы, зачисленные в Волгский казачий полк, будучи токмо армянского исповедания, но, происходя из рода кабардинских армян, не суть армяне, следовательно, и к обществу моздокских армян, пользующихся особенными привилегиями, причислены быть не могут». Однако, утверждал Емануэль, «принимая соображения, что состоящие под покровительством Российского правительства князья и уздени, сохраняющие свое вероисповедание, пользуются по службе и в отношении к их подвластным преимуществами своего рода, то несправедливо бы было стеснять или ограничить права тех из них, кои водворились в пределах России, даже приняли веру христианскую или для сохранения оной оставили своих однородцев»¹³. Дело Гаур-Тамбиевых получило широкий общекавказский и общероссийский резонанс и постепенно превратилось «в дело о правах вообще обитающих в России греков и мухаммедан». Этот вопрос в 1838 г. был внесен в Государственный совет, но окончательного закрепления своих сословных прав Гаур-Тамбиевы в то время не добились.

В 1846 г. жители «Армянско-Лысогорской станицы Тамбиевых» 180 душ крепостных вместе со своими владельцами были переселены на Кубань выше крепости Прочно-Окопской¹⁴ (окрестности современного Армавира). При чем, как следует из документов, Тамбиевы были христианами, а их подвластные –

мусульманами. В 40-х гг. XIX в. «армяне Гауровы, по воле начальства», переселяются также в станицу Успенскую близ Армавира¹⁵.

Вместе с тем вполне определенно можно сказать, что Армянский аул у горы Лысой несмотря на переселение оставался и на прежнем месте. Так, на карте района Кавказских Минеральных Вод середины XIX в. у горы Лысой обозначен Армянский аул и на «Геологической карте Пятигорского края» 1875 г. Армянский аул также отмечен на левом берегу реки Подкумок к северо-западу с отклонением к западу от горы Лысой¹⁶.

Похоже, что именно в конце 20-х гг. XIX в. при командующем войсками Кавказской линии и Черномории генерале Г.А. Емануэле и был создан хутор Тамбиева близ гор. Пятигорска (до 1830 г. – сел. Горячие Воды). Незадолго до этого в 1825 г. была основана станица Горячеводская, к которой, видимо, и относился хутор Тамбиева, обозначенный на карте. Похожая история была и с Армянским аулом (по-черкесски Ермэлхабль) на Средней Кубани, который появился только в 1837–1839 гг. у российского укрепления Прочный Окоп¹⁷. До этого времени закубанские армяне – черкесо-гаи, были разобщены по многим горским (черкеским) селениям.

Близость к Пятигорску – административному центру (уезда, а затем отдела) и известному курорту – оставила в тени историю соседнего маленького горско-армянского селения Тамбиевых. Однако, опираясь на воспоминания казака станицы Горячеводской, отраженные в архиве Н.М. Егорова и упомянутые выше, а также на дату смерти М.Д. Тамбиева, похороненного на кладбище станицы Горячеводской, можно предположить, что селение Тамбиевых на реке Юце близ Пятигорска и на окраине Горячеводской станицы существовало до начала 80-х гг. XIX в.

В 50-х гг. XIX в. «армяне Тамбиевы» жили и в окрестностях станицы Боргустанской. Два семейства лысогорских армян Тамбиевых (Антон Емельянович и Макар Григорьевич) в 1856 г. были причислены к столице Боргустанской «для сближения жительства с дядею их, жившим в ауле майора Хаджи Абукова». Спустя два года они добились, чтобы их причислили к аулу Абукова¹⁸. С 60-х гг. XIX в. встречаются сведения, что армяне Тамбиевы проживали в горских селениях, например, в верховьях Кумы в ауле князя Жантемирова¹⁹. В 60-х гг. XIX в. части Гаур-Тамбиевых удалось переселиться в Кабарду, воспользовавшись реформой

укрупнения аулов. Причисленный к Прочно-Окопскому армянскому аулу и проживающий в станице Бургустанской уздень Сергей Тамбиев в январе 1865 г. просит руководство Терской области зачислить его в число жителей Большой Кабарды, где прежде жили предки, и отнести его с братьями, семейством в среду Атажукинской фамилии. Начальник Терской области разрешил узденю Сергею Тамбиеву переселиться на жительство в аул князя Хасанби Атажукина²⁰.

Очевидно, что не все Гаур-Тамбиевы одновременно переселились в Большую Кабарду. Из документа 1866 г. следует, что «... те же из Тамбиевых, которые принадлежат к казачьему сословию, живут в настоящее время также на месте бывшего аула Абуковского» (ныне сел. Первомайское в Малокарачаевском районе Карачаево-Черкесии, в окрестностях Кисловодска). В составе казаков, проживавших здесь «особым от аула поселком» (приобретен ими «покупкою у статского советника Кодзюкова»), числился Макар Тамбиев, которому в 1866 г. был 81 год. Всего же в ауле жило Тамбиевых 23 человека²¹. Не все Тамбиевы были зачислены в казачье сословие. Сергей Тамбиев писал: «... мои дяди (Макар, Емельян, Багдасар) впоследствии времени перешли в казачье сословие и разделили между собой имение; отец же мой (Каспар) приписался к обществу гор. Моздока»²². Крестьянам Тамбиевых, перешедшим в казачье сословие, была дана свобода. Эти Тамбиевы были исключены из Терского казачьего войска в 1870 г. «с тем, чтобы в течение шести месяцев избрать другой род жизни». С 1 января 1873 г. их причислили к сел. Ашабово (ныне сел. Малка Зольского района Кабардино-Балкарии)²³. Однако Тамбиевы, приписанные к сел. Ашабово, были христианами и пожелали «быть причислены к приходу Свято-Георгиевской армяно-григорианской церкви в гор. Георгиевске»²⁴.

В 80-х гг. XIX в. Тамбиевы (Гаур-Тамбиевы) стали крупными коннозаводчиками и землевладельцами. В 1886 г. в сел. Ашабово проживал 71-летний Тамбиев Лазарь Макарович, владевший 835 лошадьми и более чем 1,5 тысячами овец. Тамбиев Антон Емельянович имел 3122 дес. земли и 1621 голову крупного и мелкого рогатого скота²⁵.

Многие Тамбиевы (Гаур-Тамбиевы) были военными. Биографические данные о них собрал историк А.В. Казаков.

Тамбиев Артем Емельянович (? – не позднее 1863 г.), есаул (07.09.1855), из кабардинских узденей, вероисповедания армяно-григорианского. Служил во 2-м полку 1-й Волгской казачьей бригады. Проживал в своем хуторе (Тамбиево) близ станицы Боргустанской Пятигорского отдела. Был женат на дочери кабардинского узденя 1-й степени (в крещении Мария). Сын Емельян и брат Антон к 1907 г. проживали в Кабарде в слободе Нальчик.

Тамбиев Георгий Мартиросович (26.07.1867 – не ранее 15.01.1900 г.), штабс-ротмистр (15.03.1899), из кабардинских узденей Терской области, вероисповедания – армяно-григорианского.

Тамбиев Георгий Мартиросович (06.03.1883 – не ранее 1908 г.) сын кабардинского узденя 1-й степени Терской области, вероисповедания – армяно-григорианского. Произведен в корнеты 14.06.1907 г. с зачислением в лейб-гвардии Конно-гренадерский полк. Проживал в Терской области.

Тамбиев Иван Саркисович (02.10.1867 – не ранее 1914 г.), ротмистр (13.04.1912, со старшинством – с 11.06.1909 г.), из кабардинских узденей Терской области, вероисповедания армяно-григорианского. В Первую мировую войну воевал на Турецком фронте в составе Кавказской армии.

Тамбиев Сосри (? – не позднее 1864 г.), хорунжий (к 1863 г.), из кабардинских узденей, вероисповедания армяно-григорианского. Служил казаком, урядником, офицером в 1-м Волгском казачьем полку. Жена «Софья, дочь кабардинского узденя 1-й степени, православного исповедания». Проживал в Терской области.

Тамбиев (26.09.1867–18.02.1919), полковник (к 1919 г.). Из кабардинских узденей Терской области, вероисповедания армяно-григорианского. Участвовал в Русско-японской войне. Ротмистр – к 1911 г. Участник Первой мировой войны. Проживал в Терской области. Предположительно, во время Гражданской войны (с 11.12.1918 г.) он командовал 3-м Черкесским (Кабардинским) полком белогвардейской Черкесской конной дивизии²⁶.

Отдельно следует сказать о вышеупомянутом хуторе Тамбиева близ Кисловодска. По данным С.В. Боглачева и С.Н. Савенко, владельцы хутора (Тамбиевы) были выходцами из-под Армавира. Земли близ абазинского аула Абуковского (современное село Первомайское) они приобрели около 1870 г. Здесь у Тамбиевых был небольшой конезавод. Они поставляли в

Кисловодск верховых лошадей на прокат посетителям курорта. Кроме того, Тамбиевы разводили породистых овец, завели большие фруктовые сады. Под Кисловодском Емельяну Артемовичу Тамбиеву принадлежали 300 дес. земли²⁷.

В окрестностях сел. Первомайское сохранились топонимы, связанные с фамилией Тамбиевых: Тамбийланы кюнбет – урочище на левом берегу реки Подкумок (по-карачаевски солнечная сторона, склон Тамбиевых); Тамбийланы чегет (по-карачаевски лес, северный склон Тамбиевых)²⁸. На окраине Первомайского сохранилось и христианское кладбище хутора Тамбиева. Этот исторический памятник был осмотрен нами в 2011 г.²⁹ Главный вход на кладбище, имеющее каменную ограду, находится с западной стороны. В стену у входа вмурованы три плиты из камня более темного цвета. В старой (досоветской) части этого небольшого кладбища сохранилось несколько старинных надгробий. На лабрадоритовом памятнике имеется надпись «Здесь покоится прах Марии Архиповны Тамбиевой, сконч. 11 июля 1913 г. 84 лет. Дорогой матери от любящих детей».

Следует сказать, что история Тамбиевых тесно связана и с историей Кисловодска, т.к. они активно занимались предпринимательской деятельностью и в этом курортном городе им принадлежала некоторая собственность. Так, по данным С.В. Боглачева и С.Н. Савенко, в конце XIX в. Е.А. Тамбиев купил в Кисловодске на Курсовой улице участок и дом майорши Свентицкой. После приобретения соседнего участка Емельян Артемович решил построить доходный дом по проекту архитектора Э.Б. Ходжаева. В 1904–1905 гг. это трехэтажное здание в «кирпичном» стиле отличающееся художественностью и рассчитанное на 120 меблированных комнат, было возведено. Немного позднее эти номера получили название «Гостиница Большая Московская». Здесь имелся водопровод, электрическое освещение, отопление, ванны и телефон. Гостиница была очень популярна. Предпринимателю Е.А. Тамбиеву постоянно помогал его сын Антон. При советской власти здание бывшей гостиницы Тамбиева перешло в собственность государства. В 1923 г. здесь был открыт санаторий имени Интернационала. При капитальном ремонте здание было немного переобстроено. Ныне часть помещений этого крупного многоэтажного здания на Красноармейской улице, рядом с городской библиотекой, занимает прокуратура и частная клиника³⁰.

В центре Кисловодска, ниже рынка, расположен старинный особняк с изображением на фасаде тамги Тамбиевых и датой 1915 г. Кому из Тамбиевых принадлежал этот дом, установить не удалось³¹.

Потомки Тамбиевых – Жигатовы – ныне живут в сел. Псынадаха Зольского района Кабардино-Балкарии, куда часть этого рода в 1923 г. переселилась из Кызбуруна I (Атажукино)³².

Существование селений Тамбиевых близ Пятигорска (30-80-е гг. XIX в.) и современного Кисловодска (60-е гг. XIX – начало XX в.) – это всего лишь эпизод более чем 300-летней истории Гаур-Тамбиевых.

Примечания

1. Карта Кабарды, Балкарии и Ставропольской губернии 30–40-х гг. XIX в. с более поздними обозначениями. Хранится в Центральном государственном архиве Кабардино-Балкарской республики (далее ЦГА КБР). Ф. 40. Оп. 1. Д. 209. Л. 156.

2. Ныне поселок Горячеводский, вошедший в состав города Пятигорска Ставропольского края.

3. *Рунич А.П.* Поселения прошлого века на КМВ // Кавказская здравница. Пятигорск, 1978. 22 сентября; *Асадов Ю.А.* Дворянская история Пятигорска: очерк // Бекский дом. Пятигорск, 1996. Вып. 3. С. 3–15; *Фоменко В.А.* Пятигорье в XV – середине XVIII в. Пятигорск, 2002. С. 51–52.

4. *Смирнов С.А.* Путеводитель к Кавказским Минеральным Водам. Пятигорск, 1864. С. 39–40.

5. См.: *Смирнов С.А.* Путеводитель к Кавказским Минеральным Водам. Пятигорск, 1867. Ч. 1. С. 93; *Владыкин М.* Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. М., 1885. Ч. 1. С. 140–141.

6. Архив Н.М. Егорова. Д. 18. Л. 20 и об. (карта).

7. *Фоменко В.А.* Армянский аул или хутор Тамбиева близ Пятигорска // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа. Пятигорск, 2009. С. 309, 315.

8. Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев XV–XIX вв. Майкоп, 1997. С. 45, 80, 211–212, 286.

9. *Бейтуганов С.Н.* Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. Нальчик, 1990. С. 146–157; *Бейтуганов С.Н.* «Армяне» Тамбиевы // Генеалогия Северного Кавказа. Нальчик, 2006. № 16. С. 22–36; К истории рода Тамбиевых (лысогорские «армяне») // Там же. С. 97–106.

10. *Бейтуганов С.Н.* «Армяне» Тамбиевы ... С. 28–29.

11. Бейтуганов С.Н. «Армяне» Тамбиевы ... С. 29.
12. Бейтуганов С.Н. «Армяне» Тамбиевы ... С. 22–36.
13. ЦГА КБР. Ф. 2. О. 1. Д. 740. Л. 25 об., 27 об., 35, 36 об., 38, 40 об.
14. ЦГА КБР. Ф. 16. О. 1. Д. 429. Л. 5, 10, 86.
15. Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. Нальчик, 1956. С. 151, 157.
16. Материалы для геологии Кавказа. Тифлис, 1876. Карта.
17. Щербина Ф.А. История Армавира и черкесов-гаев. Екатеринодар, 1916.
18. Бейтуганов С.Н. «Армяне» Тамбиевы ... С. 31–32.
19. ЦГА КБР. Ф. 24. О. 1. Д. 295. Л. 113.
20. Бейтуганов С.Н. «Армяне» Тамбиевы ... С. 32–33.
21. Бейтуганов С.Н. «Армяне» Тамбиевы ... С. 33.
22. ЦГА КБР. Ф. 2. О. 1. Д. 744. Л. 14.
23. ЦГА КБР. Ф. 3. О. 1. Д. 151. Л. 109.
24. Бейтуганов С.Н. «Армяне» Тамбиевы ... С. 33.
25. ЦГА КБР. Ф. 9. О. 1. Д. 46.
26. Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Биографический справочник. Нальчик, 2006. С. 235–243.
27. Боглачев С.В., Савенко С.Н. Архитектура старого Кисловодска. Пятигорск, 2006.
28. Хапаев С.А., Аджиева М.М., Батдыев А.А., Салпагарова М.Б. Малокарачаевский район. Физическая география и топонимия. Карачаевск, 2007. С. 63.
29. Пользуясь случаем, благодарю кисловодского историка и краеведа В.С. Яновского за экскурсию на этот исторический памятник.
30. Боглачев С.В., Савенко С.Н. Архитектура старого Кисловодска. Пятигорск, 2006.
31. Выражаю признательность кандидату исторических наук В.С. Яновскому за предоставленную информацию.
32. Бейтуганов С.Н. «Армяне» Тамбиевы ... С. 34.

Пчелов Е.В.
(г. Москва)

ПАМЯТИ ДРУГА

С Анатолием Ахмедовичем Максидовым я познакомился на одном из московских генеалогических мероприятий. Как руководитель недавно созданного Кабардино-Балкарского Историко-родословного общества он рассказывал о деятельности своей организации. Его энтузиазм, неподдельный интерес к генеалогии и деятельная работа на ниве генеалогического просвещения сразу привлекли внимание слушателей. Познакомившись с Анатолием Ахмедовичем, мы как-то сразу нашли общий язык. Было видно, что он очень нуждается в поддержке генеалогического сообщества, в советах и общении с коллегами и профессионалами. Ведь, можно сказать, что в генеалогии Анатолий Ахмедович пришел сначала как любитель. Не имея базового исторического образования, что является важным, но не жестко необходимым условием для профессионализма, он уже в достаточно зрелом возрасте увлекся разысканиями в области генеалогии Кабарды. Сама богатая генеалогическая устная традиция кабардинского народа как бы предрасполагала к этому. Анатолий Ахмедович происходил из известного и древнего кабардинского рода, исследованием которого он, разумеется, также занимался. Однако сам в себе он воплощал как бы несколько культур сразу, поскольку, будучи кабардинцем, имел также украинские корни, тесно связывавшие его со славянской культурой. Имея опыт службы на флоте, Анатолий Ахмедович не без гордости показывал нам в Нальчике в своем кабинете штурвал дореволюционного корабля «Редедя, князь Касожский», подаренный ему товарищами.

Образ Редеди – первого исторического героя адыгской истории, тем более связанный с историей Древней Руси, первых веков ее исторического существования, как бы осенял собою всю кабардинскую генеалогию.

С огромным энтузиазмом и интересом Анатолий Ахмедович погрузился в генеалогию Кабардино-Балкарии. Он нередко сетовал на неточности и мифологию устной традиции, стремился поставить изучение генеалогии кабардинцев на твердую почву исторических источников, придать ей научный, а не только мемориальный характер. Размах деятельности его был огромен и поражал всякого, кто с ним сталкивался. Анатолий Ахмедович создал Кабардино-Балкарское Историко-родословное общество, которое и возглавил. Общество вошло в Российскую Генеалогическую Федерацию. А его деятельность была отмечена и на международном уровне избранием Анатолия Ахмедовича членом Международной генеалогической академии, в научных мероприятиях которой он принимал участие. Анатолий Ахмедович создал в Кабардино-Балкарском Институте гуманитарных исследований сектор генеалогии, где собрал большую коллекцию генеалогических материалов. Его кабинет был буквально увешан генеалогическими таблицами, флагами с изображениями тамг, различными мемориальными предметами родовой памяти. Отдел вел большую работу, душой которой был Анатолий Ахмедович. Была развернута деятельность по сбору и фиксации родословных Кабардино-Балкарии. Стремясь приобщить к генеалогии совсем молодые поколения, Анатолий Ахмедович организовывал и проводил конкурсы генеалогических работ среди школьников. Эти материалы заботливо собирались им и переплетались в увесистые тома. Как-то он сказал мне, показывая на них: «Вот это от меня останется, важно, чтобы сохранилось». Генеалогия была предложена им в качестве учебной дисциплины в вузах республики. Вместе мы составили соответствующую программу по генеалогии Кабардино-Балкарии – первую в этом регионе.

Понимая, что любая деятельность бессмысленна без выхода печатных работ, Анатолий Ахмедович создал замечательный журнал «Генеалогия Северного Кавказа», где публиковались материалы и исследования по северокавказским родам, геральдике, семейной и социальной истории. Генеалогию А.А. Максидов мыслил предельно широко, хорошо понимая

все многообразие ее дисциплинарных связей, ее интегрирующую роль в определенном сегменте гуманитарных знаний. Журнал постепенно становился значимым изданием не только на региональном, но и на всероссийском уровне. Качество материалов, помещаемых в нем, неуклонно улучшалось, и очень жаль, что с кончиной Анатолия Ахмедовича издание журнала прекратилось.

Уже из самого названия журнала было понятно, что А.А. Максидов стремился объединить генеалогов не только своей республики, но и всего Северного Кавказа. Немало этому способствовали научные конференции, которые он проводил в Нальчике. На них всегда было видно, каким большим уважением и авторитетом пользовался он среди коллег. Конференции проходили в доброжелательной атмосфере сотрудничества, множество интереснейших страниц генеалогической культуры северокавказского региона было затронуто на них. На двух конференциях я присутствовал в качестве докладчика и даже ведущего ряда заседаний – это были блестяще организованные форумы, участники которых были окружены теплом и вниманием Анатолия Ахмедовича. Вспоминается масштабная конференция, посвященная 450-летию русско-кабардинских отношений в 2007 г., где мне была оказана честь выступить на пленарном заседании. Анатолий Ахмедович подходил к делу очень серьезно и ответственно, и в этом был залог успешной работы научных встреч. Неоднократно Анатолий Ахмедович приезжал к нам в Московский историко-архивный институт, выступал на заседаниях нашего Геральдического семинара, представлял свои книги, участвовал в наших ежегодных кафедральных научных конференциях по вспомогательным историческим дисциплинам. Всегда с большой теплотой его встречали коллеги.

Став постепенно настоящим профессионалом в области генеалогии, А.А. Максидов защитил кандидатскую диссертацию по историческим наукам. Он опубликовал несколько десятков книг самой разнообразной тематики (история и генеалогия отдельных поселений Кабардино-Балкарии, история адыгов, геральдика Кабардино-Балкарии и др.), множество статей. Можно сказать, что он посвятил генеалогии свою жизнь, не жалея ни сил, ни времени, ни средств для любимого дела. Это действительно было дело его жизни – так как и должно быть у настоя-

щего мужчины, не зацикливающегося на «сыновьях, домах, деревнях» и прочих тривиальных вещах.

Кажется особенно важным, что, помимо генеалогии, Анатолий Ахмедович начал заниматься теми областями, которые имеют тесные связи с генеалогическим «пространством». Прежде всего, его привлекала геральдика, причем и государственная символика Кабардино-Балкарии, и, что чрезвычайно существенно, – родовая вернее, эмблематика, выраженная в родовых знаках кабардинцев – тамгах. Он начал сбор тамговых изображений (некоторые тамги имелись у него, что называется в овеществленном виде), на основе этого разработал даже целую систему современных кабардинских гербов. Этот опыт сочетания старой эмблематической традиции с классической геральдической системой оказался очень интересным. Языком древних символов в рамках классического геральдического оформления сформировался феномен кабардинской геральдики, имевшей особые, отличительные черты. Эта деятельность, только начинавшаяся А.А. Максидовым (а он мечтал о ее развитии и продолжении), демонстрировала всю незаурядность его мышления и таланта. Важным виделась ему и вопросы эпиграфики и палеографии, хронологии и других вспомогательных исторических дисциплин. Не пришла бы преждевременная смерть, и мы были бы свидетелями комплексного издания, посвященного вспомогательным (специальным) историческим дисциплинам Кабардино-Балкарии.

Отдельно следует сказать об удивительных личных качествах Анатолия Ахмедовича. Он был настоящим, верным другом, не жалевшим для друзей в буквальном смысле слова ничего. Его гостеприимство, доброта, живое человеческое участие освещали светом его души всех тех, с кем приходилось ему общаться. А уж для нас, его друзей, это был настоящий праздник общения, взаимопонимания и поддержки. Анатолий Ахмедович скончался как настоящий ученый, что называется «как актер на сцене» – буквально во время очередного заседания в своем институте. Он ушел от нас преждевременно рано и неожиданно, но дело его и след его в исторической и генеалогической науке остались. Как и память о нем в наших сердцах.

Очень сложно писать о таком человеке, как Анатолий Ахмедович Максидов – сложно не только потому, что он сам по себе был достойным, ярким, неординарным, разносторонним и очень живым, но и потому, что он оказал мне честь считать его своим Другом. Говорю честь, потому что верность Дружбе была одним из самых главных качеств Анатолия Ахмедовича. И несмотря на то, что разделяла нас четверть века, эта Дружба была одним из самых душевных, самых светлых явлений в моей жизни. Внутреннее благородство Анатолия Ахмедовича, прекрасные черты его личности были, конечно, следствием и его человеческой сущности, и его происхождения.

Анатолий Ахмедович принадлежал к известному в Кабардино-Балкарии роду, о нескольких представителях которого приводятся биографические справки в недавно увидевшей свет фундаментальной «Адыгской энциклопедии». Среди книг Анатолия Ахмедовича есть не только работа, посвященная истории и генеалогии рода Максидовых, но и исследование генеалогической истории родного села Хамидие, на кладбище которого он нашел свой последний земной «причал». Невольное использование «морской» терминологии не случайно: ведь Анатолий Ахмедович по своему первоначальному образованию и профессиональной деятельности был связан с Военно-Морским флотом. Он окончил Львовское высшее военно-политическое училище Советской армии и Военно-Морского флота, а затем двадцать лет прослужил во флоте – на Дальнем Востоке в составе Тихоокеанского флота и на Балтийском море. В отставку Анатолий Ахмедович вышел в чине капитана 2-го ранга. Он всегда с особенной теплотой вспоминал о своей флотской службе и никогда не прерывал контактов с сослуживцами.

В кабинете Анатолия Ахмедовича в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований хранились многие вещи, связанные с его военно-морским прошлым, и он с гордостью показывал мне такую реликвию, как штурвал дореволюционного корабля «Редедя, князь Касожский». Ему передали этот штурвал, зная его кабардинское происхождение, когда корабль пустили на слом... И от принадлежности к древним традициям кабардинского народа (кстати говоря, по матери у Анатолия Ах-

медовича были украинские корни), которые составляли органическую часть его натуры, и, наверное, от прежней флотской службы, в характере Анатолия Ахмедовича были сильны такие замечательные черты, как целеустремленность, энергичность, верность слову и избранному делу. Друзья Анатолия Ахмедовича никогда не могли усомниться в его надежности, абсолютной честности и искренности. Высокие понятия о чести, долге, достоинстве являлись совершенно неотъемлемыми свойствами его личности. Те, кому посчастливилось быть гостем Анатолия Ахмедовича в Нальчике, никогда не забудут той заботы, внимания и тепла, которыми он охватывал своих друзей. Душевная щедрость, с которой он относился к окружающим, не могла никого оставить равнодушным.

В конце 1990-х гг. Анатолий Ахмедович увлеченно занялся генеалогическими исследованиями. Он буквально с головой окунулся в изучение генеалогии адыгских фамилий, отдавая все свои силы любимому делу. Если посмотреть на прошедшие 10 лет его деятельности, невольно поразишься тому, как много он успел сделать, какие огромные «подвижки» произошли в такой области, как генеалогия и геральдика Северного Кавказа, благодаря энергии и потрясающей целеустремленности, по сути, одного энтузиаста. Нельзя, конечно, сказать, что Северный Кавказ, и Кабардино-Балкария в частности, представляли собой до этого в данном отношении абсолютную «пустыню». Благодаря любовно сохраняемым родовым традициям и большому этнографическому материалу, в адыгской историографии появлялись труды генеалогического характера. Одним из пионеров в этом направлении был и остается Александр Ибрагимович Мусукаев, которого Анатолий Ахмедович справедливо считал (и почитал!) своим Учителем. К слову сказать, отношение Анатолия Ахмедовича к своему наставнику может служить ярким примером подлинного уважения и искренней благодарности предшественнику в науке, что, увы, совершенно ныне не характерно для научной и научно-педагогической среды, где бессовестное, корыстное использование и черная неблагодарность становятся порой признаками явственной деградации научного сообщества. Но, несмотря на уже существовавший историографический «фундамент», Анатолий Ахмедович придал адыгской генеалогии и геральдике такой мощный им-

пульс, который прозвучал не только на весь Северокавказский регион, но и на всю Россию и зарубежье.

За 10 лет неутомимой, я бы даже сказал, какой-то неукротимой, буквально подвижнической деятельности Анатолий Ахмедович основал первое на Северном Кавказе генеалогическое общество (Кабардино-Балкарское историко-родословное общество), которое впоследствии вошло в Российскую генеалогическую федерацию, где Анатолий Ахмедович стал вице-президентом; создал и возглавил сектор генеалогии в Кабардино-Балкарском Институте гуманитарных исследований; наладил постоянное издание журнала «Генеалогия Северного Кавказа», успев выпустить 19 его номеров; опубликовал более полутора сотен работ по истории, генеалогии и геральдике, в том числе почти полтора десятка книг; создал первую в Кабардино-Балкарии учебную программу по генеалогии (в соавторстве со мной), на основе которой в республике началось преподавание этой дисциплины. В 2001 г. он защитил по истории кандидатскую диссертацию на тему: «Исторические и генеалогические связи адыгов (черкесов) с народами Причерноморья», и я рад, что смог поддержать его, направив, наряду с другими коллегами, научный отзыв. Он участвовал почти во всех значительных генеалогических конференциях и мероприятиях, причем не только в России, но даже и за рубежом, где был избран членом ряда иностранных академических сообществ. Являлся членом нескольких российских обществ (член Историко-родословного общества в Москве, почетный член Всероссийского геральдического общества), творческих союзов (член Союза писателей и Союза журналистов России), возглавлял Дворянское собрание Кабардино-Балкарии. Большой вклад внес Анатолий Ахмедович в возрождение традиций национальной адыгской культуры. В 2003 г. он стал членом-корреспондентом Международной адыгской (черкесской) академии наук.

Кипучая деятельность Анатолия Ахмедовича, его неукротимая энергия сделали Кабардино-Балкарию и Нальчик, пожалуй, третьим по значимости, после Петербурга и Москвы, генеалогическим центром России – генеалогия и геральдика Северного Кавказа обрели новое дыхание, начался их заметный подъем на принципиально новом уровне. Стали издаваться истории отдельных родов и даже фамильные энциклопедии, началось соз-

дание оригинальных родовых гербов адыгских фамилий, возникла даже традиция проведения школьных конкурсов по генеалогии, где совсем юные приобщались к основам генеалогических исследований, к пониманию важности сохранения родовой памяти – всего не перечислить... Но главное, Анатолий Ахмедович понимал и всегда старался подчеркнуть важность научной основы всего этого процесса. Очень часто увлеченный генеалогией и геральдикой любитель так и остается на уровне дилетанта, не понимая того, что и то, и другое – это, прежде всего, области **научного** знания. А.А. Максидов же, напротив, никогда не престаивал учиться, не боясь признаться в том, что он чего-то не знает – он жадно впитывал все новое, внимательно прислушивался к советам и мнениям коллег, очень дорожил своей научной репутацией и всегда старался оставаться на достойном научном уровне, постоянно стремясь повысить его. Это качество тоже, к сожалению, нечасто можно встретить в научной среде. Буквально на глазах Анатолий Ахмедович стал высоким профессионалом в области генеалогии, но никогда не считал себя мэтром в этой области. Мне неоднократно доводилось слышать от него, что он только в начале большого пути, что генеалогия Кабардино-Балкарии находится только на стадии становления; он просил совета и ждал помощи – и всегда приглашал, звал в Нальчик своих коллег из Москвы и Петербурга, понимая, что это общение будет на пользу и северокавказской генеалогии, и нашему общему делу.

Ратуя за развитие генеалогии и геральдики в нашем Отечестве, болея душой за их положение, будучи настоящим «рыцарем» этих наук, Анатолий Ахмедович много сил отдал делу объединения генеалогов, в том числе и в рамках Северо-Кавказского региона. Он способствовал созданию генеалогических обществ в других республиках Северного Кавказа, стремился к формированию плодотворного творческого взаимодействия, общего «генеалогического пространства». Это стремление воплотилось и в научных конференциях по генеалогии и геральдике Северного Кавказа, которые Анатолий Ахмедович регулярно проводил в Нальчике. Особенно запомнилась конференция в мае 2007 г. «Исторические и генеалогические связи народов Северного Кавказа и России», на которую, помимо ученых Кабардино-Балкарии, собрались представители Северной Осетии, Дагестана, Краснодарского края, приехали москвичи – и состоялось пре-

красное научное и общественное мероприятие, объединенное идеей совместной работы и координации деятельности.

Самое активное участие принял Анатолий Ахмедович и в организации масштабных торжеств осени 2007 г., посвященных 450-летию установления отношений между Кабардой и Россией. В октябре 2007 г. в Нальчике состоялась приуроченная к юбилею представительная Всероссийская научная конференция «Народы Северного Кавказа и Россия». Своим успехом эта конференция также во многом обязана энергии Анатолия Ахмедовича. Мне никогда не забыть тех замечательных дней, которые мы провели в Нальчике, и ту теплоту и заботу, которой нас буквально окружил наш дорогой Анатолий Ахмедович...

Он ушел из жизни на самом подъеме своего научного и творческого пути. Ушел из жизни настоящий энтузиаст своего дела, абсолютно преданный этому делу человек. Он буквально до последней минуты ревностно служил любимой им генеалогической науке, в последний день жизни оформив командировку на конференцию нашей кафедры – кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин РГГУ в Москву и выступив на мероприятии в своем институте. Он был прекрасным, замечательным человеком, настоящим патриотом своей Родины – России и Кабарды, и, можно сказать, истовым «патриотом» генеалогии и геральдики. Всем нам будет очень его не хватать... И мы должны сделать все, чтобы память о нем никогда не утасла в наших сердцах.

Налоев З.М.
(г. Нальчик)

СВЕТ МАКСИДОВА

Каждый род имеет свои достоинства и свои недостатки, как и любое дерево – сильные и слабые стороны. Я ничего не знаю об изъянах Максидовых, может быть, их и не было у них, но я знаю об их достоинствах, и за эти преимущества я уважаю этот род. И как не уважать, как не любить фамилию, подарившую своему народу талантливых и мужественных людей, посвятивших своей нации замечательные подвиги и труд и, наконец, отдавших ей свои жизни. Я имею в виду Казгерия Увжуковича, Залимхана Битуевича и Анатолия Ахмедовича, каждый из которых имеет большие заслуги перед своим народом, точнее говоря, перед его культурой. Каждый должен высоко ценить любой полезный труд, но никогда не следует забывать, что культура – это бессмертие народа. Тот, кто забыл эту истину, утрачен своим народом. Я не считаю справедливым писать об этих братьях отдельно. Каждый из них достойно продолжал дело предыдущего.

Казгерий Максидов родился в 1893 г. в сел. Урожайное (до 1920 г. – Абаево), в крестьянской семье. Он активно участвовал в строительстве советской жизни, занимался партийными и культурными проблемами. В 1925 г. был направлен в Москву на учебу, где он успешно окончил Высшие юридические курсы при Наркомате юстиции РСФСР. В 1927 г. был назначен Народным комиссаром просвещения и одновременно исполнял должность директора Кабардино-Балкарского педагогического института, который в те годы располагался в гор. Пятигорске. Он проявил себя талантливым организатором народного образования.

Однако уже начал активизироваться большевистский террор, жертвой которого стал честнейший просветитель Казгерий Максидов. В 1936 г. его исключили из ВКП(б), в 1937 г. арестовали. Хотя инспектор УНКВД Атанов писал, что «в 8-й группе по КБАССР на гражданина Максидова Казгерия компрометирующих материалов нет», Максидова допрашивали 51 раз. Он отверг все предъявленные ему обвинения, но 25 июля 1937 г. закрытое заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР приговорила Максидова Казгерия Увжуковича к расстрелу.

Вторая безвинная жертва существовавшего режима – Залимхан Битуевич Максидов – родился в 1910 г. в сел. Хамидие (до 1920 г. – Хапцево), тоже в крестьянской семье. Он был высокообразованный журналист и талантливый писатель. В 1931 г. окончил комсомольский отдел Ленинградского института журналистики. Работал в редакции газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария», с 1935 г. занимал должность главного редактора кабардинского сектора местного книжного издательства. Последнее место его работы – председатель Кабардино-Балкарского радиокомитета. Залимхан Битуевич был членом Союза писателей, перевел на кабардинский язык повесть Н.А. Островского «Как закалялась сталь» («Жырыр зэрыпсыхъар»), он автор трех известных рассказов: «Ар зыщыбгъэгъушцэ хъунукъым» («Этого забывать нельзя»), «Хабзэжь удын» («Удар старого обычая»), «Хьыса и махуэ блэкӀахэр» («Прошедшие дни Гисы»). Эти интересные рассказы, быть может, построены на реальных фактах, но главное в том, что они являются отрицанием старого образа жизни, т.е., неприятием того бесчеловечного, что было в прошлом.

Залимхан Битуевич Максидов работал и в жанре журналистики, и в литературе, был верен социализму и, тем не менее 13 января того же 1937 г. был арестован без возбуждения уголовного дела. Ему было предъявлено дикое обвинение в том, что, «являясь участником контрреволюционной террористической троцкистско-зиновьевской организации, осуществившей 1 декабря 1934 г. злодейское убийство С.М. Кирова и подготовившей в последние годы террористические акты против руководства ВКП(б) и Советского правительства, активно проводил контрреволюционную работу в редакции и радиокомитете путем протаскивания контрреволюционных клеветнических материалов

через печать и радиовещание». 26 июля 1937 г. писатель Залимхан Битуевич Максидов был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу.

Залимхан и Казгерий Максидовы посмертно реабилитированы в 1957 г., соответственно 9 августа и 4 декабря.

В 1956 г. летом по программе фольклорной экспедиции мы с другом и коллегой Кимом Мамрешевым искали сказания о знаменитом кабардинском мудреце, жившем в XVIII в., Жабаги Казаноко в Терском районе, и нам случилось встретиться с двумя стариками и старухой лет 80. К сожалению, по нашей теме они ничего толком не смогли рассказать, однако неграмотная старуха заявила, что «у Максидовых лет сто тому назад был мудрец, который был равен по уму и мужеству вашему Казаноко». Продолжая историю Максидова-мудреца, она рассказывала, что «Максидовы составляют единый, цельный род, как по происхождению, так и по родственным отношениям», что «они и работать, и жить умеют, а если потребуется, – то и защищаться». Пассаж этот коротко записал К. Мамрешев. К сожалению, ни имен, ни фамилий я не запомнил. Надо было зафиксировать всю историю, ибо в те годы мы уже кое-что знали о Казгериеи Залимхане, которым тогдашний руководитель республики не простил их образованности, их ума и умения трудиться. Такие промахи случаются в экспедициях, да простит мне Аллах эту ошибку!

Анатолию Ахмедовичу Максидову повезло больше, чем его дядьям. Он жил в другое, более спокойное время и имел возможность заниматься любимым делом. Он родился 28 июня 1944 г. в малокабардинском сел. Хамидие. В 1969 г. окончил факультет журналистики и культуры Львовского высшего военно-политического училища. Служил на Тихоокеанском и Балтийском флотах, капитан 2-го ранга запаса, что соответствует воинскому званию подполковника.

После возвращения в Кабардино-Балкарию активно участвовал в народном движении «Адыгэ Хасэ», был членом Совета «Хасы», выполнял различные поручения общественно-политического характера, неумоимо отстаивал патриотическую идею возрождения кабардинского народа и адыгского этноса, необходимость поднятия статуса кабардинского и балкарского языков на уровень государственного, свободу вероисповедания,

изучения национальной истории в школах и вузах, возрождения знаменитого адыгского этикета («хабзэ»). Несмотря на большое сердце, участвовал в голодовке протеста против захвата власти членами ГКЧП и поддержки их местными руководителями.

Мы с Анатолием были близкие друзья и в общей борьбе за демократию и строительство правового государства часто вспоминали погубленных большевистскими палачами наших дядей – наркома просвещения Казгерия, прозаика Залимхана Максидовых, комиссара Урванского округа Джамурзу, простого колхозника Айтека, первого секретаря Нальчикского райкома партии Шупаго, организатора Кабардино-Балкарского союза писателей и его первого председателя Жансоха Налоевых. Они были не просто знакомы – были друзья и коллеги. И все они без вины расстреляны летом зловещего, 1937 г.

И после «Хасы» друг не забывал меня, заживал ко мне домой со своей замечательной дочкой Маздахой, в которой столько располагающего, что ее невозможно не любить, и мы втроем сфотографировались, и я горжусь этим снимком – чудо Мазгуащэ, друг Анатолий и старик Заур.

Отойдя от общественно-политической деятельности по состоянию здоровья, его захватила, на мой взгляд, куда более интересная работа: творчество, связанное с литературой и историей. Выше я не зря намекал на органическую (тематическую) близость профессии незаурядных Максидовых: Казгерий – педагог и организатор просвещения, а Залимхан, как журналист радио и писатель, профессионально и идейно близок, сродни старшему, а самый везучий из них – Анатолий, покоренный Божественной первоосновой творчества всей душой и талантом, отдался истории и журналистике. Кажется, я верно нашел почву, на которой зиждется единство братских душ.

В 1994 г. Анатолий вышел, по моему убеждению, на самую удачную в своей жизни тропу. Он основал в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований (КБИГИ) сектор генеалогии и стал его заведующим. Вскоре начали выходить в свет его знаменитые книги «История рода Максидовых» (1996), «Фамильная энциклопедия «Хапцей, Пшичо, Азапшей» (1997), «Родословная Калибатовых» (1998), «Родословная Ажаховых» (1999), «Родословная Шукаевых» (2000), «Адыги и народы Причерноморья» (2003) и мн. др.

На основе архивных и полевых находок по истории кабардинских фамилий и научных исследований их генеалогии Анатолий Максидов в 2000 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Исторические и генеалогические связи адыгов с народами Причерноморья».

Благодаря его научным успехам и заслуженной популярности печатных трудов по родословным, Анатолию Максидову и его коллегам удалось впервые на Северном Кавказе в 2002 г. основать историко-генеалогический научно-реферативный независимый журнал «Генеалогия Северного Кавказа». Учредителями журнала являются Северо-Кавказское генеалогическое общество, Кабардино-Балкарское историко-родословное общество. Возглавляют журнал: д-р ист. наук А.И. Мусукаев (гл. редактор), А.А. Максидов (зам. гл. редактора), А.Х. Максидова (ответ. секретарь). Журнал «Генеалогия Северного Кавказа» имеет разделы: «Родословные, семейная хроника», «Документы, архивы», «Рецензии, обзоры, библиография», «Сообщения, объявления».

Работоспособность и талант А.А. Максидова высоко оценены научной общественностью: ему присвоено научное звание чл.-кор. Международной генеалогической академии, он назначен генеральным секретарем Российской генеалогической федерации, председателем Кабардино-Балкарского историко-родословного общества, принят в члены Союза писателей России. Как выше было отмечено, А. Максидов возглавлял сектор генеалогии и геральдики Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований Правительства КБР и Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Нет сомнения, что подобная оценка деятельности свидетельствует о высоких научных и литературных, административных и практических способностях моего давнего друга А. Максидова. При всем при этом он не знал зависти, умел искренне радоваться чужим успехам. Мы живем в такое трудное время, когда множится число жадных людей и завистников, когда совесть дешевет, а рубль дорожает. В такой конъюнктуре альтруизм Анатолия не может не удивить человека, отвыкшего от доброты и отзывчивости.

Максидовы, как и Налоевы, активно и мужественно боролись за победу большевиков и построение новой народной власти. При всем своем уме и знании жизни, они, как и другие револю-

ционеры, были доверчивы и наивны, принимали за истину все обещания о народовластии и не жалели жизни во имя победы социализма, однако правду Сталинских посулов они увидели, только оказавшись на плахе, в тюрьмах и лагерях. Такими наивными были и мы, их потомки, которые добросовестно выполняли свой долг, защищая родину, служа в армии и трудясь на заводах и колхозных полях.

Анатолий Ахмедович, отслужив свой срок на флоте – Тихом океане и Балтийском море, вернувшись на малую родину, серьезно занялся историей своего рода, ибо, как и любой кристально чистый человек, любил свою семью, свою фамилию, своих предков. Это патриотизм, часть любви к народу, к родине. Я не верю, что гражданин, не любящий свою семью, может любить родину. Патриотизм А. Максидова стал содержанием его прекрасных исследований: «История рода Максидовых», «Хапцей-Пшичо-Азапшей – фамильная энциклопедия», «Генеалогия Гетигежевых – Гагагажевых», «Гагагажевы – кабардинцы и ингуши», а также посвященных ему, его 60-летию «Генеалогии Северного Кавказа», № 10 книги В.Н. Котлярова, «Поверенный былых времен» и др.

Семейно-родовой патриотизм для широкой души А. Максидова был чересчур узкой темой, отчего ученого потянуло к истории других фамилий: «Калибатовы. Фамильная энциклопедия» (Нальчик, 1998), «Родословная Ажаховых» (1999), «Родословная Шукаевых» (2000), «Адыги и народы Причерноморья» (2003) и т.д.

Как и положено славным людям и знатокам генеалогии, у А. Максидова было много верных друзей и дома, в республике, и на Тихоокеанском и Балтийском флотах, где он служил, и во многих республиках и городах Российской Федерации. Он легко сходился с хорошими людьми. Удивительно, как Максидов быстро обнаруживал земляка, если такой появится на Дальнем Востоке, во Владивостоке, и эта встреча становилась для него праздником.

Как Анатолий рассказывает в своем дневнике, «5 июля 1978 г. во Владивосток прибыла группа писателей во главе с А. Кешоковым... В 12.45 к клубу морской пехоты подкатили четыре черные «Волги». Из первой вышел Алим Пшемахович Кешоков.

– Сэлам алейкум, Пщымахуэ и къуэ! (Салам алейкум, Пшемахович!).

Алим Пшемахович от неожиданности вздрогнул, окинул меня испытывающим взглядом, неспешно протянул руку.

– Здравствуйте, молодой человек, откуда у вас такое чистейшее малокабардинское произношение? – произнес Алим Пшемахович.

– Уырысыфэ стетми, сэ сыадыгэщ, Пщымахуэ и къуэ. Сыту фЫт мы щЫпІэ жыжьэм дыщызэрихьэлІар! (Хотя я русский, но адыг. Как хорошо, что мы встретились в столь далеком уголке), – выпалил я одним махом.

Лицо Алима Пшемаховича засияло, он еще крепче пожал мне руку и забросал вопросами...

Анатолий всегда переживал трагедию безвинно расстрелянных своих родственников – вышеуказанных Казгерия и Залимхана Максидовых, и он не смог в тот момент удержать свою застывшую боль и спросил знаменитого поэта-земляка:

– Вы знали Максидовых – Казгерия и Залимхана, они в 30-х годах были весьма известны?

– Нет, не знал... – перебил Кешоков молодого офицера, – давай не будем говорить об этом.

«Об этом разговоре он мне больше не напоминал, – пишет Анатолий, – да и я не стал. В тот вечер я понял, что он прекрасно знал и одного, и другого Максидова».

Он уважал талантливых писателей, переписывался с Расулом Гамзатовым, Кайсыном Кулиевым, Хачимом Теуновым, Ахметханом Налоевым и др.

С Ахметханом Налоевым у Анатолия была настоящая дружба, которая завязалась на Дальнем Востоке, куда писатель приехал в 1970 г. в поисках архивных материалов об участии в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Терско-Кубанского конного полка. Анатолий помогал ему в поисках нужных документов.

«В октябре 1976 г. получил от него (Ахметхана) книгу «Всадник на рассвете» на кабардинском языке, – пишет А. Максидов в дневнике. Книгу читали всей семьей, нам очень понравился язык, знание автором быта народа, традиций. На книге имелась дарственная надпись... В середине июня, ранним утром я приехал из сел. Хамидие в Нальчик и постучался в квартиру Налоевых... Встретила меня его супруга очень радушно, тепло... В гостиную вышел Налоев. Седой, огромного роста, он показался мне великаном... Я заинтересовался портретом на стене. Это был Шамиль Налоев. Подарил мне портрет... Зашли в университет. На стене – галерея портретов героев Гражданской войны.

Среди них – Казгерий Максидов, мой дядя... Подходит пожилой мужчина... Знакомится, меня представляет Налоев.

– Максидов?! Разве кто-нибудь из Максидовых остался в живых? Ведь всех уничтожил Калмыков. Правда, и его тоже, после. Скажи, пожалуйста, Максидов?

Налоев прервал его словами: «Зачем ты так, Челимат...»

... За обедом было очень весело. Среди этих людей я совершенно не чувствовал себя посторонним. Эти умные люди вели себя так, будто бы я равен им. Я понял, что в моем лице они чтят память З. Максидова».

Да, дорогой Анатолий, они в твоём лице чтят наркома Казгерия, писателя Залимхана, и они любили тебя, ибо невозможно было тебя не обожать. А сегодня тебя разве можно не любить – талантливого ученого, писателя, автора замечательных книг, начинателя нового и очень нужного раздела нашей истории.

Слишком рано ты ушел от нас, дорогой друг, и мы с Ахметханом глубоко скорбим о тебе.

Да будет тот свет для тебя светлым, теплым и мягким!

20 марта 2008 г.

Сокуров Б.Н.
(г. Нальчик)

ЕГО ЖИЗНЬ БЫЛА КОРОТКА, НО СЛАВА БУДЕТ ВЕЧНОЙ

Каждый человек с момента появления на свет учится жить. На его формирование влияет множество факторов: начиная с самого детства, он впитывает в себя то, что говорят окружающие, прежде всего, родители, дедушки и бабушки, учителя и его окружающая среда. Их действия, поступки, а также образ жизни, мышления и определяют дальнейшее развитие личности. Для ребенка они служат большим авторитетом не только в период взросления, но и в течение всей жизни. Несомненно, их заботу, душевную теплоту мы чувствуем каждой клеточкой своего тела. На начальном и последующих этапах развития характера человека отпечаток оставляют и другие факторы.

На развитие мышления, трудолюбия, дисциплинированности, пунктуальной исполнительности и ответственности за порученное дело Анатолия Ахмедовича большое влияние оказало трудовое воспитание, полученное в родном прекрасном старинном селении – Хамидии, бывшем Хапцево в Малой Кабарде. Его земляки отличались своим умением выращивать и собирать с каждого гектара земли богатый урожай зерна, что позволяло сельчанам содержать самое большое количество крупного рогатого скота и по овцеводству занимать первое место среди колхозов и совхозов Кабардино-Балкарии.

После окончания средней школы Анатолий получил хорошую трудовую закалку, работая механизатором в родном Хамидие, в колхозе «Большевик». Анатолий, прослужив два года

в Советской Армии, – в радиотехнических войсках Московского округа ПВО, стал отличником боевой и политической подготовки, высококлассным профессионалом по своей специальности. Его фотография не сходила с Доски почета воинской части. Он был принят кандидатом в члены КПСС.

Командирам и политработникам части нравились статьи Анатолия. Ему рекомендовали в 1965 г. поступить в Львовское высшее военно-политическое училище Советской армии и Военно-Морского Флота на факультет культуры и журналистики. В 1969 г., после окончания вышеуказанного училища, лейтенант Максидов А.А. стал пропагандистом Дома офицеров Тихоокеанского флота.

Командование и политуправление Тихоокеанского флота заметили, что с появлением нового работника Дома офицеров флота содержание и действенность культурно-массовой, политико-воспитательной работы среди офицеров и их семей стали заметно улучшаться. А.А. Максидова назначили начальником Дома офицеров флота, а через несколько лет он стал начальником Театра Тихоокеанского флота.

Во время службы на Тихоокеанском флоте Максидов А.А. занялся поиском и обнаружил в архивах документы о наших земляках, доблестно защищавших интересы России в Русско-японской войне 1904–1905 гг., на Дальнем Востоке, о которых в КБР сегодня знают по его статьям и книгам.

В 1989 г. в звании капитана 2-го ранга с должности начальника Дома офицеров Таллиннской военно-морской базы Балтийского флота Максидов А.А. уволился в запас. Вернувшись в КБР, включился в активную общественно-политическую деятельность перестроечного периода в России. Он становится членом Исполкома общественных организации «Адыгэ Хасэ», «Конфедерация горских народов Кавказа» и проводит в КБР и на Северном Кавказе большую разъяснительную работу среди населения, чтобы грузино-абхазский и другие межнациональные конфликты не привели к большой войне, большим жертвам.

В 1999 г., когда в КБР впервые была создана общественная организация – «Кают-компания клуба моряков-ветеранов военно-морской службы КБР», Максидова А.А. избирают заместителем председателя этого клуба, а через четыре года – председателем Нальчикского городского совета ветеранов военно-морской службы.

Максидов А.А., обладая большой работоспособностью, успевал на высоком уровне организовывать празднование любимого всеми бывшими моряками и молодежью Дня Военно-Морского флота, проводить соревнования среди молодежи города.

Я часто задумывался: когда же он успевает заниматься наукой, подготовкой к изданию очередного номера журнала «Генеалогия Северного Кавказа» (он успел выпустить девятнадцать номеров этого журнала), тогда как был вместе с нами, выполняя общественные поручения.

В последние годы он много времени уделял пчеловодству, обучению молодых пчеловодов из числа своих друзей – моряков-ветеранов ВМФ.

Максидов А.А. – первый моряк-кабардинец, за короткий промежуток времени, будучи уже в запасе, сумевший добиться международного признания своих научных трудов и избранный чл.-кор. Международной генеалогической академии (Франция), а в 2004 г. – действительным членом Американской академии генеалогии и геральдики.

Максидова А.А. по праву можно назвать ученым-первопроходцем. Он первым создал целую научную отрасль – адыгскую генеалогию и генеалогию народов Северного Кавказа.

Научные труды, книги и журналы, многочисленные статьи А.А. Максидова – прекрасный памятник народам Северного Кавказа, их истории и культуры, которые заставляют нас задумываться над смыслом жизни, над объективной необходимостью преемственности доброго, нравственного начала своих предков.

На рабочем месте наш друг и соратник Анатолий Максидов, на 1964 г. жизни, в расцвете творческих сил, зрелого опыта, мудрости и масштабных свершений ушел от нас в другой мир. Но он будет жить вечно в нас и в наших потомках.

Абрамян Р.М.
(г. Москва)

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ А.А. МАКСИДОВА*

1. Махъсидэхэ я тхыдэ 1542–1995 гъэхэр (ильэс 453-рэ лъэхъэнэхэр) къызэщIиубыдэу. Нальчик, 1996. 200 н. (на кабардинском языке) [История рода Максидовых].
2. Хапцей, Пшичо, Азапшей. Семейная энциклопедия. Нальчик, 1997. 350 с. 1000 экз.
3. Лъэпкъым я тхыдэ // Адыгэ псалгъэ. Нальчик, 1997. (на каб. языке) [Родословные адыгов].
4. Калибатовы: семейная энциклопедия. Нальчик, 1998. 164 с.
5. Адыги (черкесы) и зарубежье: семейные и генеалогические связи // Россия и зарубежье: генеалогические связи. I Международный генеалогический коллоквиум: Тезисы. Москва, 29.11–4.12.1999. М., 1999. С. 31–32.
6. Ажаховы-Ажахъуэ: семейная энциклопедия. Нальчик, 1999. 156 с. 500 экз.
7. Устав Кабардино-Балкарского историко-родословного общества // Эльбрус (Нальчик), 1999. № 1. С. 250–257.
8. Адыги – черкесы и зарубежье: семейные и генеалогические связи // Гербовед. М., 2000. № 6 (44). С. 88–96.
9. Адыги – черкесы и зарубежье: семейные и генеалогические связи // Res publika: Альманах социально-политических и правовых исследований. Нальчик, 2000. № 1. С. 317–327.
10. Генеалогия в России и на Северном Кавказе // Голос адыга. Нальчик, 2000. 12 августа.

* В список включены работы А.А. Максидова по истории и вспомогательным историческим дисциплинам.

11. Касожский князь Редедя: реальность летописного сюжета // Эльбрус. Нальчик, 2000. № 1. С. 61–69.

12. Легенда и историческая действительность в генеалогических преданиях малокабардинцев (на примере сел. Хамидие (Хапцей) Терского района КБР) // Проблемы региональной ономастики. Майкоп, 2000. С. 170–172. Совм. с А.А. Кяковой.

13. Генеалогия Гетигежевых-Гатагажевых: Сборник документов 1825–2001 гг. (Кабардинцы). Нальчик, 2001. Т. 1. 215 с.

14. Генеалогия Гетигежевых-Гатагажевых. Сборник документов 1825–2001 гг. (Ингуши). Нальчик, 2001. Т. 2. 135 с.

15. Генеалогия Кабардино-Балкарии: Программа курса. Совм. с Е.В. Пчеловым. Нальчик, 2001. 10 с.

16. Гетигежевы: кабардинцы и ингуши. Нальчик, 2001. 250 с.

17. Шукаевы: фамильная энциклопедия. Нальчик, 2001. 166 с.

18. Этнокультурные и генеалогические связи адыгов с народами Причерноморья. Автореф. дисс. ... на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Нальчик, 2001. 26 с.

19. Адыгские геральдические символы: этносоциальная природа: Семантика Совм. с С. Хотко // Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 2002. № 3. С. 184–191.

20. Ажаховы из Кучмазукино // ГСК*. Нальчик, 2002. № 2. С. 144–153.

21. Библиография литературы по генеалогии Кабардино-Балкарии // ГСК. Нальчик, 2002. № 1. С. 212–218.

22. Генеалогические предания и реальности о происхождении древнего бжедугского рода Кук // ГСК. Нальчик, 2002. № 3. С. 58–70.

23. Генеалогия в России и на Северном Кавказе // ГСК. Нальчик, 2002. № 1. С. 189–202.

24. Генеалогия Гатагажевых-Гетигежевых: Мифы, легенды, реальность. Нальчик, 2002. 274 с.

25. Герб рода Ажаховых // ГСК. Нальчик, 2002. № 2. С. 172–174.

26. Герб рода Гетегежевых. Описание герба // ГСК. Нальчик, 2002. № 2. С. 174–175.

27. Государственные символы Кабардино-Балкарии: история и современность // ГСК. Нальчик, 2002. № 4. С. 123–138.

28. Документы первого республиканского конкурса «Моя родословная» // ГСК. Нальчик, 2002. № 1. С. 9–19.

* ГСК – Генеалогия Северного Кавказа.

29. Знаки фамильной собственности Ажаховых // ГСК. Нальчик, 2002. № 2. С. 171.
30. Знаки фамильной собственности Максидовых // ГСК. Нальчик, 2002. № 2. С. 176.
31. К вопросу о становлении и развитии адыгской генеалогии // Дворяне Северного Кавказа в историко-культурном и экономическом развитии региона: Материалы региональной научно-практической конференции. Краснодар, 2002. С. 119–130.
32. Крымские ханы и черкесские князья // Генеалогический вестник. СПб., 2002. № 7. С. 25–37.
33. Мифы, легенды и реальность о происхождении северокавказцев – ингушей рода Гатагажевых-Гетигежевых // ГСК. Нальчик, 2002. № 2. С. 89–108.
34. Мифы, легенды и реальность о происхождении северокавказцев, ингушей рода Гатагажевых-Гетигежевых // Мурад Базоркин и ингушская историческая наука. Всероссийская научная конференция: Сб. тезисов. Магас, 2002. С. 55–72.
35. Письмо А.А. Максидова Русскому генеалогическому обществу // Генеалогический вестник. СПб., 2002. № 1. С. 10.
36. Фамилии адыгского происхождения на Украине // Проблемы региональной ономастики. Майкоп, 2002. С. 139–145.
37. Адыги и народы Причерноморья. Нальчик, 2003. 120 с.
38. Адыгские знаки фамильной собственности // ГСК. Нальчик, 2003. № 7. С. 181–220.
39. Адыгские знамена: поиски и находки // ГСК. Нальчик, 2003. № 6. С. 126–129.
40. Генеалогическое взаимодействие адыгов (черкесов) со странами Причерноморья // ГСК. Нальчик, 2003. № 5. С. 109–113.
41. Генеалогия на Северном Кавказе // Известия Азербайджанского историко-родословного общества. Баку, 2003. Вып. 4. С. 94–97.
42. Герб и знаки фамильной собственности Кагазежевых: Родословные таблицы // ГСК. Нальчик, 2003. № 5. С. 85–102.
43. Знамена кабардинских князей и дворян // ГСК. Нальчик, 2003. № 5. С. 141–147.
44. К вопросу о становлении и развитии адыгской генеалогии // Адыгэ макъ. 2003. 22 февраля.
45. К вопросу о становлении и развитии адыгской генеалогии // ГСК. Нальчик, 2003. № 6. С. 159–171.

46. Программа курса «Генеалогия Кабардино-Балкарии» для студентов и школьников. Совм. с Е.В. Пчеловым // ГСК. Нальчик, 2003. № 7. С. 228–237.

47. Документы по сословному праву народов Северного Кавказа 1793–1897 гг. / Сост. Х.М. Думанов, А.И. Мусукаев, А.А. Максидов. Нальчик, 2003. Т. 1. 343 с.

48. Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа 1793–1897 гг. / Сост. Х.М. Думанов, А.И. Мусукаев, А.А. Максидов. Нальчик, 2003. Т. 2. 484 с.

49. Фамилии адыгского происхождения на Украине // Res publika: Альманах социально-политических и правовых исследований. Нальчик, 2003. № 4. С. 31–50.

50. Библиография генеалогии КБР. Совм. с Р.М. Абрамяном // ГСК. Нальчик, 2004. № 11. С. 161–171.

51. Дворяне Кабарды на военной службе России. Совм. с Р.К. Кармовым // Дворяне Юга России на службе Отечества: Материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2004. С. 175–178.

52. Из родословной Заифовых. Совм. с А.А. Заифовым и А.Ш. Заифовым // Генеалогия Юга России: история и современность: Материалы Всероссийской научной конференции. Нальчик, 2004. С. 33–44.

53. Из родословной Заифовых. Совм. с А.А. Заифовым и А.Ш. Заифовым // ГСК. Нальчик, 2004. № 11. С. 7–39.

54. К вопросу о знаках фамильной собственности Жамбеевых – Джантубаевых (Жанымба) // ГСК. Нальчик, 2004. № 10. С. 134–139.

55. К вопросу о происхождении фамилии Шандириковых в Кабардино-Балкарии // ГСК. Нальчик, 2004. № 9. С. 119–123.

56. Каншаовы: от личного имени к фамилии // ГСК. Нальчик, 2004. № 12. С. 10–44.

57. Родословная Жамбеевых. Нальчик, 2004. 274 с. 500 экз.

58. Родословные кабардинских фамилий – Калибатовых, Ажаховых, Шукаевых, Жамбеевых, Максидовых // ГСК. Нальчик, 2004. № 10. С. 50–110.

59. Тарчоковы из Верхнего Акбаша (Астемирово) // ГСК. Нальчик, 2005. № 13. С. 47–53.

60. В.М. Черкасский в становлении болгарской государственности // Сборник материалов научной конференции «Участие

горцев и кубанских казаков в освобождении Болгарии от османского ига». Краснодар, 2006. С. 130–138.

61. Взгляд историка: Рец. Псигусов А. Цари Хаттии // ГСК. Нальчик, 2006. № 16. С. 150–155.

62. Генеалогия Тарчоковых. Нальчик, 2006. 285 с.

63. Государственные и национальные символы Кабардино-Балкарии: История и современность. Нальчик, 2006. 34 с.

64. К вопросу о становлении и развитии кабардинской и балкарской генеалогии. Совм. с А.И. Мусукаевым // ГСК. Нальчик, 2006. № 16. С. 132–150.

65. Кабардинская генеалогия // Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления: Материалы XVIII научной конференции. (Москва, 26–28 января), 2006 г. М., 2006. С. 280–284.

66. Каншаовы: от личного имени к фамилии // Проблемы региональной ономастики. Майкоп, 2006. С. 156–160.

67. Клевцов М.М. Исследователь генеалогии терских казаков // ГСК. Нальчик, 2006. № 16. С. 191–192.

68. Морская династия Черкасовых. Совм. с О.И. Черкасовой // «Под Андреевским верным стягом...»: Материалы III международных дворянских чтений. Краснодар, 2007. С. 74–80.

69. Неотправленное письмо // ГСК. Нальчик, 2006. № 14. С. 35–38.

70. О кабардинской фамилии Аджиевых. Совм. с Р.К. Кармовым // ГСК. Нальчик, 2006. № 16. С. 5–13.

71. Генеалогия Шаовых из селения Кучмазукино (город Баксан). Нальчик, 2007. 222 с.

72. Знаковая символика Шаовых // ГСК. Нальчик, 2007. № 17. С. 94–101.

73. К вопросу о происхождении фамилии Тхакушиновых // ГСК. Нальчик, 2007. № 17. С. 57–61.

74. К вопросу о происхождении фамилии Тхакушиновых // Генеалогический вестник. СПб., 2007. № 29. С. 86–92.

75. К вопросу о родословной фамилии Каноковых: лексика, историография // ГСК. Нальчик, 2007. № 17. С. 49–56.

76. Материалы к родословным малокабардинских Абазовых в адыгской историографии конца XVIII – начала XX в. // ГСК. Нальчик, 2007. № 18. С. 26–35.

77. Новые материалы к генеалогии армян Тамбиевых // Армяне Ставрополя и Терека. Пятигорск, 2007. С. 25–33.

78. «Ведомость численности кабардинского народа 1825 г.» Я.М. Шарданова как источник по генеалогии кабардинцев первой половины XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: Материалы XX международной научной конференции (Москва, 31 янв.–2 февр. 2008 г.). М., 2008. С. 437–439.

79. К истории лысогогорских армян из рода Тамбиевых // Бекский Дом. Пятигорск, 2008. Вып. 15. С. 42–50.

Литература об А.А. Максидове (избранное)

Мусукаев А., Пшемурзов В. Живое звено: Рец. «Махъсидэхэ я тхыдэ. 1542–1995 гъэхэр (ильгэс 453-рэ лъэхъэнэхэр) къызыэциубыдэу». 1996 // Эльбрус. Нальчик, 1999. № 1. С. 272–274.

Мусукаев А.И. Заслуга несомненна: Рец. «Калибатовы: семейная энциклопедия» // Эльбрус. Нальчик, 1999. № 1. С. 278–281.

Мусукаев А. Свой труд назвал энциклопедией. Рец. «Хапцей, Пшичо, Азапшей. Семейная энциклопедия» // Эльбрус. Нальчик, 1999. № 1. С. 274–276.

Рыхляков В.Н. У генеалогов Кабардино-Балкарии // ИРГО. СПб., 1999. Вып. 10. С. 66–68.

Котляров В. Прозрение через родовое знание // Эльбрус. Нальчик, 2000. № 1 (12). С. 9–19.

Мусукаев А.И. Историко-этнологическое исследование Хамидие (Хапцей, Пшичо и Азапшей) // Гербовед. М., 2000. № 6 (44). С. 153–155.

Пчелов Е.В. Генеалогические труды А. Максидова // Гербовед. М., 2000. № 6 (44). С. 150–152.

Рыхляков В.Н. Генеалогический коллоквиум в Нальчике // ГВ. СПб., 2001. Вып. 2. С. 15–16.

Соловьева Л.Т. Родственные объединения адыгов: традиции и современность // Расы и народы. М., 2001. Вып. 26. С. 229.

Айшаев О.О. Основоположники северокавказской генеалогии // ГСК. Нальчик, 2002. № 2. С. 183–194. [Об А.А. Максидове, А.И. Мусукаеве].

Максидова М. Генеалогия рода Максидовых (потомки Шу Хачимаховича) // ГСК. Нальчик, 2002. № 1. С. 105–123.

Мусукаев А.И. Приобщение к науке // ГСК. Нальчик, 2002. № 1. С. 19–23.

Печонов В.Ф. Два народа, а корень один: Рец. «Максидов А.А. Генеалогия Гатагажевых-Гетигежевых: Мифы, легенды, реальность» // ГСК. Нальчик, 2002. № 4. С. 146–148.

А.А. Максидов // Писатели Кабардино-Балкарии XIX – конца 80-х гг. XX века. Биобиблиографический словарь. Нальчик, 2003. С. 265–269.

Баразбиев М.И. КБИРО: много свершений за короткий период деятельности // ГСК. Нальчик, 2003. № 6. С. 13–15.

Котляров В.Н. Дух времени в истории личности // ГСК. Нальчик, 2003. № 6. С. 15–26.

Максидов Ас. Становление и развитие Кабардино-Балкарского историко-родословного общества // ГСК. Нальчик, 2003. № 6. С. 4–13.

Махсида М.А. Две жизни, две судьбы // ГСК. Нальчик, 2003. № 5. С. 129–130 [Максидовы, Кяковы].

Сарахов А.А.. Когда горы плачут...// ГСК. Нальчик, 2003. № 7. С. 91–102.

Абрамян Р.М. Кабардинская генеалогия: Вчера. Сегодня. Завтра. // Генеалогия Юга России: история и современность: Материалы Всероссийской научной конференции. Нальчик, 2004. С. 4–13.

Айшаев О.О. Путь в генеалогию // ГСК. Нальчик, 2004. № 10. С. 6–12.

Айшаев О.О. Пять лет творческих поисков родословных народов КБР // ГСК. Нальчик, 2004. № 9. С. 12–18.

Айшаев О.О. Радуюсь творческим успехам своего друга // ГСК. Нальчик, 2004. № 10. С. 28–33.

То же // Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 2004. № 3. С. 61–62.

Бгажноков Б.Х. Заслуженный успех // Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 2004. № 3. С. 60.

Бгажноков Б.Х. Фантастический и вполне заслуженный успех // ГСК. Нальчик, 2004. № 10. С. 25–26.

Думин С.В. А.А. Максидову – 60 лет // Летопись Историко-родословного общества. М., 2004. Вып. 8–9. С. 26–29.

Думин С.В. Письмо президента РФ (К 60-летию А.А. Максидова) // ГСК. Нальчик, 2004. № 10. С. 4–6.

То же // Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 2004. № 3. С. 52–53.

- Исмаилов Э. Поздравление юбиляра // ГСК. Нальчик, 2004. № 10. С. 44–45.
- Кармоков Х.Г. Летописец // ГСК. Нальчик, 2004. № 10. С. 46–47.
- То же // Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 2004. № 3. С. 62–63.
- Кушихов М.С. Всегда в творческом поиске // ГСК. Нальчик, 2004. № 10. С. 47–49.
- Мамбетов Г.Х. Каждый должен знать свою родословную (к 60-летию А.А. Максидова) // ГСК. Нальчик, 2004. № 10. С. 176–181.
- Махсида М. Слово о моих предках // ГСК. Нальчик, 2004. № 10. С. 110–125.
- Мисроков З.Х. Новаторское значение трудов ученого // ГСК. Нальчик, 2004. № 10. С. 14–16.
- То же // Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 2004. № 3. С. 55–56.
- Мусукаев А.И. Успехи республиканской генеалогии, второе рождение // ГСК. Нальчик, 2004. № 10. С. 21–23.
- То же // Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 2004. № 3. С. 58–59.
- Поверенный былых времен...: К 60-летию Анатолия Ахмедовича Максидова. Нальчик, 2004.
- Полку академиков прибыло // Кабардино-Балкарская правда. Нальчик, 2004. 5 января.
- Пчелов Е.В. К юбилею А.А. Максидова // ГСК. Нальчик, 2004. № 10. С. 19–21.
- То же // Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 2004. № 3. С. 57–58.
- Сарахов А.А. Орлиный взлет // ГСК. Нальчик, 2004. № 10. С. 23–25.
- То же // Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 2004. № 3. С. 59–60.
- Сахаров И.В. Труд достойный потомков // Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 2004. № 3. С. 63–64.
- Темирова Р.Х. Слово о коллеге – Анатолии Максидове // ГСК. Нальчик, 2004. № 10. С. 16–18.
- То же: // Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 2004. № 3. С. 56–57.
- Хашихожева Р.Х. Его творческой энергии можно только позавидовать // ГСК. Нальчик, 2004. № 10. С. 27–28.

То же // Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 2004. № 3. С. 60–61.

Хотко С.Х. К юбилею А.А. Максидова // ГСК. Нальчик, 2004. № 10. С. 13–14.

Хотко С.Х. Моему коллеге // Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 2004. № 3. С. 54.

Шпилева Н.С. КБИРО в изданиях и публикациях // ГСК. Нальчик, 2004. № 9. С. 18–22.

Махсида М. Максидовы // ГСК. Нальчик, 2005. № 13. С. 77–90.

Махсида М. Слово о моих предках // Четвертые Тюменские родословные чтения. Тюмень, 2005. С. 52–57.

Голпачев З. Родословная сыновей Терека (Новые книги) Рец.: Максидов А.А. Генеалогия Тарчковых. Нальчик, 2006 // ГСК. Нальчик, 2006. № 16. С. 189.

Кушхабиев А.Х. Ученый-первопроходец (о жизни и творческой деятельности А.А. Максидова) // ГСК. Нальчик, 2006. № 16. С. 186–188.

Анатолий Ахмедович Максидов // Под знаком Золотой Пчелы: Всероссийское геральдическое общество. 1991–2005. М., 2006. С. 280.

Абрамян Р.М., Пчелов Е.В. Анатолий Ахмедович Максидов: [Некролог] // Генеалогический вестник. СПб., 2008. № 32. С. 84–87.

Думин С.В., Абрамян Р.М. Анатолий Ахмедович Максидов: [Некролог] // Летопись Историко-родословного общества. М., 2009. Вып. 14–15. С. 274–277.

Примечания

1. *Абаев С.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. 1. С. 588–589.

2. *König Fr.W.* Der Burgbau zu Susa. Nach dem Bauberichte des Königs Daireios I. Leipzig, 1930. S. 62.

3. *Коковцев П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 101. По мнению П.К. Коковцева, поддержанному другими исследователями (Дунлоп, Гадло Панеш Э.Х. и др.) и в этом случае речь идет, вне всякого сомнения, о стране касогов, черкесов или адыгов.

4. *Коковцев П.К.* Указ. соч. С. 101; *Dunlop D.M.* The history of the jewish khazars. Princeton, 1954. P. 242–243; *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979. С. 18, 22, 25–27 и др.; *Панеш Э.Х.* Этническая

психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (На примере Западного Кавказа). СПб., 1996. С. 73.

5. Карпини П. История монголов // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. М., 1957. С. 57.

6. См.: Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М., 2009. С. 28.

7. Коновалова И.Г. Указ. соч. С. 46.

8. Цит. по: Буниятов З.М. К вопросу о происхождении египетского мамлюкского султана Баркука // Доклады Академии наук Азербайджанской ССР. Баку, 1985. Том XLI. № 12. С. 79.

9. В настоящее время термин *ассон/аишон* используется у осетин для обозначения балкарцев.

10. Капанцян Гр. Хайаса – колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. Ереван, 1947. С. 133–135.

11. Hrozný V. Ancient history of Western Asia, India, and Crete. New York, 1953. P. 2.

12. Абаев С.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. С. 588–589; Цулая Г.В. Комментарий к изданию: Мровели Л. Жизнь картлийских царей. М., 1979. С. 66.

13. Бгажноков Б.Х. Историческая этнография и география Черкесии // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2005. Вып. 12.

14. Lamberti A. Relatione della Colchide hoggi detta Mengrellia. Naples, 1654. P. 2.

15. Осетинская этнографическая энциклопедия. Гл. ред. Л.А. Чибиров. Владикавказ, 2013. С. 287.

16. Марковин В.И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965. С. 91.

17. См.: Бгажноков Б.Х. Следы элемента *кас* в античных названиях адыгов на Северном Кавказе // Древняя и средневековая история адыгов (Материалы международной научно-практической конференции. г. Нальчик, 16–20 октября 2013 г.). Нальчик, 2014. С. 8.

18. Античные источники о Северном Кавказе. Сост. В.М. Аталиков. Нальчик, 1990. С. 202–203.

19. Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1885. S. 157.

20. Джанашивили М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 21.

21. Гадло А.В. Тмутараканские этюды I (Страна адыгов во второй половине I тыс. н.э.) // Вестник ЛГУ. 1989. Сер. 2. Вып. 1. № 2. С. 29.

22. Бгажноков Б.Х. Кассы и страна касов на Северном Кавказе // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2014. С. 9–10.

23. Василевский В.Г. Труды. СПб., 1909. Т. 2. Вып. 2. С. 226, 275.

24. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. С. 117.

25. *Турчанинов Г.Ф.* Памятники языка и письма народов Кавказа и Восточной Европы, М., 1971.
26. *Бубенок О.Б.* Первые упоминания о касогах в древнерусских летописях и степень их достоверности // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2014. Вып. 3. С. 28.
27. *Турчанинов Г.Ф.* Указ. соч. С. 75.
28. *Бгажноков Б.Х.* Указ. соч. С. 9–10.
29. *Кордт В.* Материалы по истории русской картографии. Киев, 1899. Вып. I. Карты XVI, XVII, XIX, XX, XXII, XXIV, XXX, XXXI; Он же: Материалы по истории русской картографии. Киев, 1910. Вып. II. Карта XXII, XLI.
30. Полное собрание русских летописей. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. С. 146–147.
31. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989. С. 175.
32. *Кларрот Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967. С. 177.
33. *Кокиев Г.А.* Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев). Нальчик, 1946. С. 14.
34. Масуди о Кавказе // В кн.: *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 206, 207. См. также: Масуди. Из книги «Луга золотые и рудники драгоценных камней» Глава 13 // Сборник для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 54, 55.
35. Там же.
36. Согласно грузинским источникам, аланский (овский) царь Дургулель прибыл на помощь грузинскому царю Баграту с 48-тысячным ополчением; См.: *Джанашвили М.* Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 33.
37. *Худуд-ал-алем.* Рукопись А. Туманского. Л., 1930. С. 31.
38. *Гадло А. В.* Тмутараканские этюды I (Страна адыгов во второй половине I тыс. н.э.) // Вестник ЛГУ. 1989. Сер. 2. Вып. 1. № 2. С. 21, 25.
39. *Коновалова И.Г.* Указ. соч. С. 119.
40. Там же. С. 84.
41. *Кларрот Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. С. 112.
42. Цитата по: *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. С. 55.
43. *Март Н.Я.* Племенной состав населения Кавказа. Петроград, 1920. С. 16.
44. Там же. С. 16–17.
45. *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. С. 202.

46. Термин «Аланская конфедерация» А.В. Гадло употребляет наряду с терминами «Аланское царство», «Алания». См. напр.: *Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв.* СПб., 1994. С. 48.
47. *Габриэлян Р.А.* Армянские источники об аланах. М., 1985. С. 47.
48. *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С. 147.
49. Там же.
50. *Кузнецов В.А.* Указ. соч. С. 116.
51. *Марковин В.И.* Составной дольмен у села Азербиевка и дольменовидные гробницы в бассейне р. Кяфар // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1975. № 142; *Он же.* Дольменные постройки в бассейне реки Кяфар // Советская археология. 1983. № 3.
52. *Крупинов Е.И.* Древнейшая культура Кавказа и Кавказская этническая общность // Советская археология. М., 1964. № 1; *Лавров Л.И.* Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды АИЯЛИ им. Д.И. Гулиа. Сухуми, 1960. Т. XXXI. С. 106; *Марковин В.И.* Курган Псынако. Памятник дольменной культуры Кавказа. Нальчик, 2011. С. 52.
53. *Ибрагимбейли Х.М.* Россия и Азербайджан в первой трети XIX века: из военно-политической истории. Москва, 1969. С. 150.
54. *Гизетти А.Л.* Сборник сведений о Георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий Кавказских войск. Тифлис, 1901. Ч. II. Знаки отличий за боевые подвиги, пожалованные Кавказским войскам. С. 18.
55. Там же. С. 18.
56. Из записок Николая Николаевича Муравьева-Карского // Русский архив. 1894. Кн. 3. Москва, 1894. С. 378–416 (с. 379).
57. Шесть писем о Грузии и Кавказе, писанные в 1833 году Платоном Зубовым. Москва, 1834. С. 91–92.
58. *Ибрагимбейли Х.М.* Россия и Азербайджан в первой трети XIX века: из военно-политической истории. Москва, 1969. С. 252–253.
59. *Гизетти А.Л.* Указ. соч. С. 18–22.
60. Генерал-лейтенант князь Давид Осипович Бебутов. (Окончание) // Военный сборник. Г. десятый. Т. LVI. № 7. Июль 1867 г. СПб., 1867. С. 109–140.
61. *Гизетти А.Л.* Указ. соч. С. 21.
62. Там же. С. 21, 70–71.
63. *Azərbaycan bayraqları. Kataloq.* Bakı, 2005. S. 35–41.
64. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XIV. Отделение 1. 1839. СПб., 1840. № 12098. С. 202–203.
65. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XV. Отделение 1. 1840. СПб., 1841. № 13155. С. 59.
66. Цит. по: *Нагдалиев Ф.* Ханы Нахичеванские в Российской Империи. М., 2006. С. 93–94.
67. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XVIII. Отделение 1. 1843. СПб., 1844. № 16473. С. 40–41.

68. РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 4806. Л. 76–77.
69. *Гизетти А.Л.* Указ. соч. С. 22.
70. АКАК. Т. XI. Тифлис, 1888. С. 366, 393.
71. АКАК. Т. X. Тифлис, 1885. С. 811.
72. Русский инвалид. 2 мая 1844 г. № 97.
73. *Петин С.* Собственный Его Императорского Величества Конвой: Исторический очерк. СПб., 1899. С. 413.
74. Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 29 января 1857 г. № 9.
75. РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 13017. Л. 21–27; Ф. 970. Оп. 1. Д. 363. Л. 162–169; Русский инвалид. 20 января 1855 г. № 15.
76. *Гизетти А.Л.* Указ. соч. С. 21–22.
77. *Azərbaycan bayraqları. Kataloq.* Bakı, 2005. S. 35–41.
78. *Степанов В.С., Григорович Н.И.* В память столетнего юбилея Императорского Военного Ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия. (1769–1869). СПб., 1869. С. 221.
79. *Исмаилов Э.Э.* Золотое оружие с надписью «За храбрость». Списки кавалеров. 1788–1913. М., 2007. С. 313, 322.
80. Материалы для описания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. С планами. СПб., 1904. Т. I. С. 85–86.
81. *Гизетти А.Л.* Указ. соч. С. 55, 87.
82. *Azərbaycan bayraqları. Kataloq.* Bakı, 2005. S. 48–51.
83. *Гизетти А.Л.* Указ. соч. С. 24.
84. См.: *Исмаилов Э.Э.* Золотое оружие с надписью «За храбрость». Списки кавалеров. 1788–1913. Москва, 2007. С. 305, 406.
85. РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 3793.
86. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917. Минск, 2002. С. 63–64.
87. ГИААР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 81. Л. 2.
88. См.: *Исмаилов Э.Э.* Георгиевские кавалеры – азербайджанцы. М., 2005. С. 210–211.
89. *Половцов П.А.* Дни затмения: (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году). М., 1999. С. 15–16.
90. РГВИА. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 7. Л. 71.
91. РГВИА. Ф. 3642. Оп. 1. Д. 8. Л. 17.
92. Высочайший приказ о военных чинах.
93. ГИААР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 82. Л. 36.
94. Высочайший приказ о военных чинах.
95. Высочайший приказ о военных чинах.
96. РГВИА. Ф. 3530. Оп. 1. Д. 131. Л. 12.
97. Высочайший приказ о военных чинах.

98. *Половцов П.А.* Указ. соч. С. 15, 61.

99. Там же. С. 196.

100. Там же. С. 197.

101. Там же. С. 199–201.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Айшаев О.О.</i> О вкладе А.А. Максидова в генеалогическую науку КБР.....	3
<i>Бгажноков Б.Х.</i> Аланские названия адыгских племен Северного Кавказа и Крыма	11
<i>Далгат Э.М.</i> Незаурядная личность	24
<i>Исмаилов Э.Э.</i> Азербайджанские иррегулярные части в составе русской императорской армии. Татарский конный полк	28
<i>Казаков А.В.</i> Некоторые аспекты отношений Черкесии и Крымского ханства	50
<i>Кармов Р.К.</i> Личные печати в культурной истории адыгов ...	93
<i>Кешева З.М.</i> К истории фамилии Анзоровых	123
<i>Марзоев И.-Б.Т.</i> Личное и потомственное дворянство в Осетии ...	132
<i>Шумков А.А.</i> «За все заботы о благе кабардинского народа». О несостоявшемся присвоении почетного звания князю А.М. Дондукову-Корсакову	138
<i>Фоменко В.А.</i> Селения Тамбиевых в районе Пятигорья	150
* * *	
<i>Пчелов Е.В.</i> Памяти друга	159
Налоев З.М. Свет Максидова	168
<i>Сокуров Б.Н.</i> Его жизнь была коротка, но слава будет вечной	176
* * *	
<i>Абрамян Р.М.</i> Список печатных работ А.А. Максидова	179

Научное издание

**МАТЕРИАЛЫ
КРУГЛОГО СТОЛА**

*«Проблемы генеалогии и этнонимии
народов Северного Кавказа»*

Художественное оформление
И.Х. Кушховой

Компьютерная верстка
и техническое редактирование
И.Х. Кушховой

Корректор
Л.О. Тамазова

ISBN 978-5-91766-094-3

Подписано в печать 09.02.2015 г. Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Palatino Linotype
Усл. печ. л. 11,2 . Тираж 500 экз. (1-й завод – 100). Заказ № 121

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94